

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ МИРА

РОМАН БЕЛОУСОВ

РАССКАЗЫ О ПИРАТАХ

СУНДУК МЕРТВЕЦА

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2001

ББК 84(2Рос=Рус)6

Б 438

Художник

Игорь Суслов

Белоусов Р. С.

Б 438 Рассказы о пиратах. Сундук мертвеца. — М.:
ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — с.: ил. — (Великие тайны
мира).

ISBN 5-224-02234-7

Кровавый след от преступлений пиратов тянется сквозь века, история сохранила имена многих морских разбойников. Их жизнь, полна опасностей и приключений, овеяна ореолом пиратской романтики. Отсюда и название книги, взятое автором из «старой пиратской песни» с загадочными словами: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...»

Читатель встретится со знаменитыми Дрейком, Морганом, Дампьером, Черной Бородой и другими джентльменами удачи, как сами себя называли пираты. Они не только отважно шли на abordаж, но, случалось, становились первооткрывателями островов, где прятали свои золотые клады и где господствовал «Веселый Роджер» — черный флаг пиратской вольницы.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-224-02234-7 © Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2001

ОЛИВЬЕ ЭКСКВЕМЕЛИН, или ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОЧЕВИДЦА

Рассказ о чернознаменном промысле, или, иначе говоря, о романтике черного стяга, то есть о разбойниках с больших морских дорог, стоит начать с упоминания книги А.-О. Эксквемелина «Пираты Америки». Написанная в 1678 году непосредственным участником разбойничьих налетов, прожившим шесть лет среди пиратов, эта книга и по сей день наиболее достоверный документ о жизни и деятельности пиратской вольницы. А посему самое лучшее в начале нашего повествования предоставить слово в качестве предуведомления Эксквемелину.

В своей книге он говорит главным образом о пиратах Карибского бассейна, об их гнездах на Тортуге, Ямайке, Гаити, но, по существу, рассказывает обо всех других местах их действия: в Индийском и Тихом океанах и, конечно, в Атлантическом, у берегов Африки.

Сам Эксквемелин был голландцем и являлся военным лекарем. В этой роли он подвизался и в стане пиратов и был весьма уважаемым и ценным специалистом.

По мере заселения Американского континента испанцы стали покидать ближайшие острова, то есть в Вест-Индии. На Эспаньоле (ныне Гаити) после их ухода на огромных пространствах бродили одичавшие стада коров, свиней, табуны лошадей. Первыми после ухода испанцев здесь появились французы-флибустьеры — охотники за испанским золотом, которое перевозили на кораблях из Перу в Испанию.

Эти самые охотники обосновались на Эспаньоле и создали здесь базу для своих разбойных налетов. Но чтобы жить, надо есть. Эту банальную истину они решили очень просто. Для обеспечения себя мясом надо было только начать охотиться на одичавший рогатый скот. Этим и занялась часть пиратов, оставшихся на берегу.

Мясо убитых животных резали на длинные куски, сушили, затем коптили на открытом огне. Копчение мяса или рыбы — по-французски «буканаж». Отсюда и стали всех охотников, а также пиратов называть «буканьерами».

Эксквемелин пишет: «Французы, живущие на острове Эспаньола, занимаются охотой, полеводством и каперством. Если слуга освободился от службы, он ищет себе товарищей. Они собирают вместе все, что у них есть, ставят

на вещи метки и договариваются: тому, кто переживет своих товарищей, достанется все их имущество. Некоторые при этом оговаривают, чтобы их вещи после смерти передали родственникам или женам. Подписав соглашение, они отправляются либо разбойничать на море, либо на охоту, либо на табачные плантации — словом, туда, где им кажется лучше».

О жизни охотников Эксквемелин сообщает:

«...Охотники проводят в лесах по году, а иногда и по два. Затем они отправляются на остров Тортуга, чтобы пополнить там свой запас пороха, свинца, ружей, полотна и тому подобное. Прибыв туда, они буквально за месяц спускают все, что нажили за год или полтора. Они хлещут водку, словно воду, вино покупают прямо бочонками, выбивают затычки и пьют до тех пор, пока бочонок не опустеет.

День и ночь буканьеры шатаются по селениям и славят Бахуса, пока остается хоть грош на выпивку... Прожив все свои деньги и даже наделав порой долгов, охотники возвращаются восвояси и снова проводят в лесах по году-полтора».

Когда количество буканьеров на Эспаньоле стало расти (их насчитывалось уже более шестисот), остававшиеся здесь испанцы попытались прогнать их с острова. Буканьеров убивали из засады, как до того поступали с индейцами, или хватали и продавали в рабство. Но у буканьеров были ружья, они успешно оборонялись против испанских патрулей и на жестокость отвечали жестокостью.

Наконец против буканьеров был выслан отряд в пятьсот солдат под командованием генерала. Но буканьеры узнали об этом заранее, заманили солдат в засаду и перебили. Генерал был убит. После этого поражения испанцы обратили свои действия против животных. Вскоре одичавшие стада были уничтожены, и буканьеры лишились источника существования. Поэтому многие из них осели на острове Тортуга, и в 1630 году здесь была образована первая колония буканьеров.

Тортуга расположена на расстоянии двенадцати — пятнадцати километров от Эспаньолы. Остров этот площадью 300 квадратных километров обязан своим названием горе, придающей ему сходство с лежащей черепахой (по-испански «тортуга»). На Тортуге также имелись большие стада одичавших животных, главным образом коров и свиней, так что буканьеры и здесь могли продолжать свое занятие.

Однако вскоре на Тортуге появились испанцы и разорили прибрежные поселения буканьеров, которые перед нападением испанских солдат спрятались в лесах. После ухода испанцев буканьеры вновь возвратились на побережье. Так продолжалось несколько лет. В 1640 году француз Левасье с пятьюдесятью соотечественниками построил на острове укрепленный порт. Когда испанцы подошли к острову в очередной раз, они были обстреляны артиллерией форта и несколько их кораблей затонули. Не добившись успеха, испанцы вернулись на Эспаньолу.

Левасье стал французским губернатором Тортуги и главой общины буканьеров, которая быстро стала терять первоначальный характер чисто мужского братства. Из Европы, преимущественно из Франции, приезжало все больше и больше женщин. В течение нескольких недель все они выходили замуж. Буканьеры, обзаводившиеся женами и домашним очагом, как правило, прочно оседали на острове, в то время как холостые отправлялись в море и занимались разбоем.

После перебазирования буканьеров с Эспаньолы на Тортугу на этом острове стали создавать свои базы и другие пираты Карибского бассейна. Они объединялись с охотниками-буканьерами в своего рода товарищества, в которых действовали определенные правила, поддерживалось разделение труда между охотниками-буканьерами и пиратами. Пираты больше не называли себя «береговыми братьями». Они стали известны под именем флибустьеров.

Флибустьеры при нападении на испанские корабли в прибрежных водах использовали вначале небольшие беспалубные суда. Правда, у них были и крупные парусники — как собственной постройки, так и захваченные, на которых они подкарауливали в открытом море большие испанские корабли.

Французские губернаторы острова покрывали деятельность флибустьеров и от имени французского короля выдавали им каперские свидетельства. В тот короткий промежуток времени, когда Франция находилась в состоянии войны с Испанией, флибустьеры получали каперские грамоты от Англии или Голландии. Если же этого по каким-то причинам не происходило, то флибустьеры самостоятельно вели войну против кровного врага — Испании. Когда испанский посланник в Париже жаловался на разбойничьи действия флибустьеров, французское правительство заявляло, что эти люди не являются французскими

подданными и его католическое величество в случае их поимки может поступать с ними, как сочтет нужным.

Эксквемелин дает описание внутренней организации пиратов, основанной на сочетании жесткой дисциплины и демократических начал. Когда предводитель планировал проведение новой экспедиции, он набирал команду из пиратов, буканьеров и даже индейцев. Участники экспедиции заключали договор, скреплявшийся клятвой, в котором оговаривались правила распределения добычи, размер возмещения за полученные увечья и другие условия. Каждое условие согласовывалось в отдельности.

При разделе добычи было принято выделять определенные суммы в пользу военного лекаря и корабельного плотника. Кроме того, принималось решение о вознаграждении за особые заслуги, например, тому, кто первый окажется на вражеском корабле и вывесит пиратский флаг, кто захватит пленного, за которого будет уплачен богатый выкуп. Тяжелораненные получали: при потере правой руки или ноги шестьсот реалов или шестерых рабов, при потере левой руки — пятьсот реалов или пятерых рабов. Потерявший левую ногу получал четыреста реалов или четырех рабов. Компенсация за потерю глаза составляла сто реалов. Определялись договором также суммы, отчисляемые на приобретение оснастки и провианта. Питались все одинаково, невзирая на ранги.

Добыча распределялась между пиратами по строгим правилам. Капитан обычно получал пять долей за захват корабля и три — за свои личные заслуги, штурман — две доли, все остальные члены экипажа, если для них не были определены твердые суммы, как для врача или плотника, — по одной доле, юнги — по половине доли.

Перед выходом в море пираты давали клятву не утаивать и не присваивать ни одной, даже самой ничтожной, вещи из захваченной ими добычи.

Нарушившего клятву исключали из товарищества, выдавали ему ружье, порох, флягу питьевой воды и высаживали на необитаемом острове или пустынном побережье, бросив на произвол судьбы.

Это правило распространялось и на капитана, несмотря на то что при командовании кораблем и в бою он имел неограниченную власть. При распределении добычи важная роль отводилась штурману. Он определял на борту захваченного корабля, что следует взять как добычу, а что оставить. При этом

главным образом забирали золото, серебро, жемчуг, предметы роскоши.

С течением времени пираты расселились по Антильским островам, образовав небольшие сообщества, которые были многонациональными по составу: в одних преобладали французы, в других — англичане или голландцы. На базе этих сообществ позднее европейские державы создали форпосты колониальных завоеваний. Пираты выступали как каперы или экспедиционные отряды под флагом той или иной страны вместе с регулярными вооруженными силами.

В 1625 году французы поселились на острове Св. Христофора. В то время они завоевали часть Санто-Доминго, а также Мартинику и Гваделупу. Голландцы в 1634 году высадились на Тобаго и Кюрасао, англичане в 1655 году — на Ямайке и Барбадосе. Постепенно испанцы были вынуждены покинуть Антильские острова. И наконец в их руках остались лишь Куба и наиболее бедная половина Эспаньолы.

Со своих баз на Антильских островах пираты в качестве каперов какого-нибудь государства или по собственной инициативе могли в любое время нарушить связь Испании с ее американскими колониями. Однако они не ограничивались нападениями на испанские корабли и совершали налеты также и на порты Американского континента, откуда выходили суда.

Тактика была всегда одна и та же: пираты появлялись внезапно и обстреливали порт, затем команда высаживалась и начинался штурм города. В нем принимали участие все пираты до единого. Основными объектами грабежа являлись церкви и дома богатых горожан. Богачей подвергали пыткам, пока они не указывали, где были спрятаны их ценности. Затем пираты поджигали город и исчезали так же внезапно, как и появлялись.

Некоторые из предводителей пиратов получили широкую известность, их имена сохранила история.

РОК БРАЗИЛЕЦ И ДРУГИЕ ГРАБИТЕЛИ С ЯМАЙКИ

Пираты во всем помогали друг другу. Тому, у кого ничего не было, сразу же выделялось какое-нибудь имущество, причем с уплатой ждали до тех пор, пока у него не заведутся деньги. Пираты придерживались своих собственных законов и сами вершили суд над теми, кто пошел на вероломное убийство.

Виновного в таких случаях привязывали к дереву, и он должен был сам выбрать человека, который его умертвит. Если же оказывалось, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не нападал на него сзади, убийцу прощали. Среди пиратов дуэли завязывались довольно легко. Захватив корабль, пленных высаживали, чтобы впоследствии продать или заставить делать все, что не хотели исполнять сами. После двух-трех лет добросовестной службы их иногда отпускали.

Нередко пираты высаживались для отдыха на том или ином острове. Чаще всего они выбирали острова, лежащие к югу от Кубы. Они вытаскивали корабли на отмель, и часть команды приступала к ремонту. Остальные могли делать все, что им вздумается. Чаще всего они садились в каноэ и нападали на ловцов черепах. Эти были люди очень бедные, они ловили черепах на продажу и на вырученные деньги кормили своих жен и детей. А пираты заставляли весь улов отдавать им в течение всего времени, пока их корабли находились в местах, где водятся черепахи.

Любимым занятием пиратов были стрельба в цель и чистка оружия, поистине великолепного. Ружья пиратов достигали в длину примерно четырех с половиной футов, и из них стреляли пулями, которых на фунт шло шестнадцать штук. В патронташах пуль и пороха на тридцать выстрелов. Пираты никогда не расставались со своими патронташами, и поэтому их никому не удавалось застать врасплох. Как только они прибывали в какое-либо место с намерением прожить там долго, то тут же начинали совещаться, куда бы лучше отправиться на поиски приключений. Тот, кто знал местные берега, обычно вызывался вести всех остальных.

Существовал ряд мест, куда пираты стремились попасть в определенное время года. Пройти в такие места не всегда возможно было из-за сильных течений и ветров, и поэтому так уж повелось, что купцы появлялись там в строго определенные месяцы. Корабли, следующие из Новой Испании и Кампече, чаще всего идут в Каракас, на острова Тринидад и Маргариту зимой, дабы не повстречать ветер с востока и северо-востока. Навигация в эту сторону прекращалась летом: именно в эти месяцы здесь дули встречные ветры. Летом все корабли отправлялись восвояси. Пираты уже хорошо знали все пути, по которым обычно должны следовать корабли, и отлично выбирали места для засады. Если

пиратам случалось провести в открытом море довольно долгое время без добычи, то они шли на любой риск и нередко добивались успеха. В этой связи Эксквемелин приводит такую историю.

Один известный пират, по кличке Пьер Француз, родом из Дюнкерка, довольно долго плавал в открытом море на барке с командой в двадцать шесть человек. Он держал путь к мысу де ля Вела, стремясь перехватить один корабль на пути из Маракайбо в Кампече. Но это судно он упустил и решил отправиться прямо к берегам Ранчерии, чтобы поохотиться на ловцов жемчуга. Ранчерия располагалась неподалеку от Рио-де-Аче на 12°30' северной широты, и там была неплохая жемчужная отмель. Каждый год туда отправлялась флотилия из десяти или двенадцати барок. Их сопровождало специальное судно из Картахены с двадцатью четырьмя пушками на борту. На каждой барке бывало обычно по два негра, которые собирали раковины на глубине от четырех до шести футов.

Пираты напали на флотилию следующим образом. Все барки стояли на якоре у самой отмели. Сторожевой корабль находился примерно в полумиле от этой флотилии. Погода была тихая, и разбойники смогли пройти вдоль берегов, не поднимая парусов. Казалось, будто шли какие-то испанцы из Маракайбо. Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке они заметили восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей. Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из всех пушек. Пираты переждали залпы, а затем начали палить из своих пушек да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт, и солдаты запросили пощады в надежде, что вот-вот к ним на помощь придет сторожевой корабль.

Но пираты пошли на хитрость. Они затопили свое судно, а на захваченной барке оставили испанский флаг, команду же загнали в трюмы и вышли в открытое море. Сначала на сторожевом корабле обрадовались, полагая, что пиратов потопили, но когда там заметили, что барка повернула в море, то бросились за ней в погоню. Преследовали пиратов до ночи, но никак не могли догнать барку, хотя и поставили все паруса. Ветер окреп, и разбойники, в свою очередь подняв паруса, оторвались от сторожевого корабля. Но тут случилось несчастье — парусов подняли столько, что треснула грот-мачта. Однако пираты не растерялись и были готовы сражаться всей командой, хотя многие были ранены и не могли

принять участие в бою. Одновременно Пьер Француз приказал срубить грот-мачту и поднять на фок-мачте и бушприте все паруса, какими только можно было пользоваться при таком ветре.

Все же сторожевой корабль догнал пиратов и атаковал их так лихо, что те вынуждены были сдаться. Но пираты успели выторговать условие, что ни их предводитель, ни они сами не будут в плену таскать камни или известь. (Надо сказать, когда пираты попадали в плен, то их заставляли три или четыре года подряд таскать камни и известь, словно рабов. А когда они становились непригодны для этой работы, их отправляли в Испанию).

Больше всего пират жалел свое добро — у него на борту было сто тысяч реалов награбленного жемчуга. И если бы не несчастье с грот-мачтой, выручка у пиратов была бы весьма изрядной.

И еще одна подобная история, начавшаяся столь же удачно и кончившаяся так же печально.

Некто Бартоломью Португалец отплыл с острова Ямайка. На его барке было четыре орудия и тридцать человек команды. Дойдя до острова Куба, он повстречал близ залива Коррьентес корабль, шедший из Маракайбо и Картахены в Испанию через Гавану. На этом корабле было двадцать пушек и семьдесят солдат, а также пассажиры, матросы и путешественники.

Пираты после недолгого совещания решили напасть на корабль. Они смело бросились в атаку, но испанцы выдержали натиск. Пираты повторили атаку и захватили корабль, потеряв десять человек убитыми и четырех ранеными. Весь корабль попал в распоряжение пятнадцати пиратов, испанцев же, живых и раненых, осталось человек сорок.

Ветер был непопутный для возвращения на Ямайку, и пираты, испытывая недостаток в воде, решили идти к мысу Сан-Антонио (на западном берегу Кубы). Не дойдя до мыса, они неожиданно натолкнулись на три корабля, которые шли в Гавану. Корабли изготовились к бою, испанцы захватили пиратское судно и взяли разбойников в плен. Пиратов больше всего сокрушало не то, что они потеряли свободу, а что они потеряли богатую добычу: ведь на корабле было сто двадцать тысяч фунтов какао и семь тысяч реалов в звонкой монете. Через два дня после всех событий разразился жестокий шторм и всю флотилию разметало в разные стороны.

Флагман, на котором находились пленные пираты, прибыл в Кампече. На корабль тотчас же поднялись купцы, чтобы выразить благодарность капитану. Они узнали Бартоломью Португальца, сеявшего ужас на всем побережье своими убийствами и пожарами. На другой день на борт корабля явился судья и попросил капитана отдать ему пирата. Капитан согласился, но ни у кого не хватило смелости отправить предводителя пиратов в город. Испанцы боялись, что он убежит, как уже не раз случалось, и оставили его на борту, чтобы на следующий же день соорудить на берегу виселицу и повесить его.

Португалец хорошо понимал по-испански и о своей участи узнал, подслушав, что говорят матросы. Он решил во что бы то ни стало спастись. Взял два сосуда из-под вина и крепко заткнул их пробкой. Ночью, когда все заснуло, кроме часового, стоящего рядом и следившего за каждым его движением, он попытался проскользнуть мимо, но это ему не удалось. Тогда он напал на часового и перерезал ему горло, причем часовой даже не успел издать ни звука. Пират бросился с кувшинами в воду и выбрался на сушу. Затем он спрятался в лесу и провел там три дня.

Уже на другой день солдаты с утра явились на берег, чтобы изловить пирата. Но хитрец следил за ними издали. Когда солдаты вернулись в город, он отправился вдоль берега в местечко Эль-Гольфо-де-Тристе (расположено примерно в тридцати милях от города Кампече). Добирался он туда целых четырнадцать дней. Это был очень трудный путь, Португалец страдал от голода и жажды — ведь по проторенной дороге идти было нельзя, там могли схватить испанцы. Четыре дня ему пришлось отсиживаться на деревьях. И все это время у него не было ни крошки еды, правда, в сосудах была вода.

Он кое-как утолял голод мелкими рыбками, которые по вкусу напоминали улиток. По пути ему пришлось пересечь большую реку, а плавал он очень плохо. Но коли человек попадает в большую беду, то на ум ему приходит такое, до чего никогда не додуматься в обычных условиях. Бартоломью нашел на берегу старую доску, прибитую волнами. В ней осталось несколько гвоздей. Он выбил гвозди камнем и заточил их так, что они стали острыми и хорошо резали. С их помощью нарезал лыко, связал несколько древесных стволов и соорудил таким образом плот, на котором и переправился через реку. Так он добрался до Тристе, где встретил пиратский корабль с Ямайки.

Поведав команде свои приключения, он попросил дать ему каноэ и двадцать человек, дабы вернуть свой корабль, который стоял в Кампече. Пираты исполнили его желание, и восемь дней спустя темной ночью Португалец подошел к городу и бесшумно взобрался на борт. На палубе думали, что на этом каноэ кто-то решил доставить на корабль разные припасы, и, разумеется, жестоко просчитались. Пират захватил корабль, его люди быстро снялись с якоря и подняли паруса. На борту оказалось еще много товаров, однако деньги уже унесли. Пират быстро позабыл обо всех своих злоключениях. У него снова был отличный корабль, и он теперь возомнил, что фортуна и впредь будет сопутствовать ему.

Но как раз тогда, когда Португалец решил, что все беды миновали, злая судьба подстерегла его снова. Взяв курс на Ямайку, он недалеко от острова Пинос, лежащего к югу от Кубы, при южном ветре налетел на рифы. Проклиная все на свете, он был вынужден вместе со всей командой покинуть корабль и вернуться на Ямайку на каноэ. Там оставался недолго и вскоре снова собрался за добычей, но счастье с этих пор отвернулось от него.

О жестокости Португальца знали все испанцы. Однако его походы не принесли ему почти никакой выгоды. Он умер в нужде.

Теперь расскажу о пирате, который совершил не меньше всяких дел, чем те разбойники, о которых уже упоминалось. Он стал известен под кличкой Рока Бразильца. Начинал Рок как рядовой пират. Ему удалось снискать уважение других пиратов и собрать вокруг себя тех, кто взбунтовался против своего капитана, они захватили его корабль и провозгласили капитаном Рока. Немного времени спустя добыли себе корабль, на котором взяли большую сумму денег, и отправились на Ямайку.

Эта удача стяжала Року среди пиратов большую славу. Перед ним трепетала вся Ямайка. Он был груб и неотесан. Когда он напивался, то как безумный носился по городу и перекалечил немало людей, которым довелось попасться ему под руку. Никто не осмеливался ему ни в чем перечить, только за глаза говорили, что он дурной человек. Испанцам Рок был известен как злой насильник и тиран. Однажды он посадил несколько человек на деревянный кол, а остальных связал и бросил между двумя кострами. Они сгорели живьем, хотя вина этих людей заключалась лишь в том, что они пытались спасти свой свинарник,

который он намеревался разграбить.

Как-то Рок отправился искать счастья на побережье Кампече. По пути разыгрался сильный шторм, корабль прибило к берегу. Всей команде пришлось высадиться на берег. Причем она захватила с собой только ружья и небольшой запас пороха и пуль.

Место, на которое высадились пираты, находилось между Кампече и Тристе. Они отправились в сторону Тристе, где обычно чинились разбойничьи корабли. Дня через три или четыре мучимые голодом, жаждой и тяготами трудного пути пираты так истомились, что не смогли уже идти дальше. Тут, как назло, они повстречали сотню испанских всадников. Капитан Рок ободрил своих напарников. Он сказал, что лучше умереть, чем попасть в плен. Пиратов было не более тридцати, но все вооружены до зубов. Видя, что капитан их полон отваги, они решили, что лучше умереть всем вместе в бою, но в плен не сдаваться.

Между тем испанцы быстро приближались. Пираты подпустили их поближе, чтобы стрелять наверняка, их залп оказался очень удачным. Бой продолился еще полчаса, и испанцы обратились в бегство. Пираты захватили несколько верховых лошадей, добили раненых испанцев и двинулись дальше; потеряли они двух человек, да двое были ранены.

Верхом они добрались до берега и заметили недалеко в море испанскую барку с лесом. Пираты выслали шесть человек и сперва захватили каноэ, которое буксировала барка, а затем им удалось овладеть и самой баркой. Провианта у них было мало, поэтому они перебили всех лошадей и засолили конину, обнаружив на барке запасы соли. Они рассчитывали питаться кониной до тех пор, пока не найдут что-нибудь получше.

Прошло немного времени, и Року Бразильцу удалось захватить корабль, который шел в Маракайбо за какао. Он был гружен мукой и вез много денег. С этим-то грузом Рок и вернулся назад на Ямайку, где бесчинствовал вместе со своей командой, пока у них не кончились все деньги.

Этот пират принадлежал к тому сорту людей, у которых деньги никогда не лежат без дела, — такие люди пьют и развратничают до тех пор, пока не спустят все до последнего гроша. Некоторые из них умудрялись за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не оставалось даже рубашки на теле. Вот что свидетельствует Эксквемелин: «На Ямайке был один человек, который платил

девке пятьсот реалов лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним — попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову».

У пиратов был кредит среди трактирщиков. Но на Ямайке кредиторам верить было нельзя: за долги они могли запросто продать любого. В конце концов продали даже того пирата, который так щедро расплачивался с девкой. Сперва у него было три тысячи реалов, а не прошло и трех месяцев, как его самого продали за долги, и как раз тому, в чьем доме он промотал большую часть своих денег.

За короткий срок Рок тоже промотал все деньги и был вынужден снова выйти в море. На сей раз он попал в излюбленные места пиратов — к берегам Кампече. Он добрался туда меньше чем за четырнадцать дней и пересел на каноэ, чтобы пройти к рейду Кампече в надежде встретить какой-либо корабль.

Но тут Року не повезло — его самого вместе с каноэ и командой захватили испанцы. Губернатор приказал посадить его в камеру на хлеб и воду. Он охотно повесил бы Бразильца без промедления, но не решался, опасаясь, как бы этот пират, отличавшийся необыкновенной хитростью, не выкинул какую-нибудь штуку.

А Рок сделал так, что губернатору вручили письмо; писал он его сам, но все было сделано так, чтобы убедить губернатора, будто написано оно теми, кто будет мстить за узника. В письме ему угрожали и предупреждали, что если он причинит хоть малейшее зло прославленному Року, то не пощадят ни одного испанца.

Получив такое письмо, губернатор решил, что вокруг шеи затягивается петля: ведь разбойник был действительно очень известен. Тогда это был самый знаменитый пират Ямайки, к тому же не раз он совершал набеги на Кампече. Поэтому губернатор решил отправить его с первым же галионом в Испанию, взяв с него клятву, что тот больше никогда не станет разбойничать. На прощание губернатор пригрозил, что, если он попадется снова, его тут же повесят.

Рок пробыл в Испании недолго. Все время он искал удобного случая вернуться на Ямайку. Еще на пути в Испанию он раздобыл у рыбаков пятьдесят

реалов, купил себе одежду и другие необходимые вещи и все-таки вернулся на Ямайку. Прибыв туда, он прославился еще более жестокими грабежами и причинил испанцам множество бед — уж на это он был способен.

Со временем испанцы убедились, что от пиратов нет никакого спасения, и стали выходить в море значительно реже. Но и это им не помогало. Не встречая кораблей, пираты стали грабить прибрежные города и поселения. Первым таким пиратом, занявшимся сухопутным разбоем, был Люис Шотландец. Он напал на Кампече, разграбил его и сжег дотла. После него подобными набегами занялся Мансфельд, который двинулся в Новую Гранаду, рассчитывая дойти до Южного моря. Но продовольствия было мало, и он был вынужден вернуться.

В тех же местах грабил и другой пират Ямайки, некто Джон Девис. Довольно долго он крейсировал в заливе Покатауро, надеясь встретить корабль, который ходил из Картахены в Никарагуа. Но это ему не удалось, и он решил со своей командой отправиться к реке Никарагуа, оставить судно около устья и подняться вверх по течению на каноэ.

С наступлением ночи они намеревались войти в город и разграбить дома самых богатых торговцев. На его корабле было девяносто человек и три каноэ. Пираты оставили на судне человек десять, а все остальные сели в каноэ. Дождавшись ночи, они действительно вошли в реку, а днем спрятались среди деревьев (точно так же они скрыли и свой корабль, чтобы его не заметили индейцы, которые ловили рыбу в устье реки).

На третьи сутки, около полуночи, они добрались до города. Стража приняла их за рыбаков, промысляющих в лагуне: ведь часть из них хорошо говорила по-испански. Кроме того, среди них был индеец как раз из тех мест. В свое время он бежал, поскольку испанцы хотели обратить его в рабство. Индеец выпрыгнул на берег и убил стражника. После этого пираты пробрались в дома трех или четырех именитейших горожан и забрали все деньги, которые могли обнаружить. Потом разграбили и церковь. Но тут один из церковных служек, вырвавшись из рук пиратов, поднял крик на весь город.

Горожане и солдаты тотчас проснулись, однако, пиратам удалось скрыться, захватив с собой всю добычу, какую они смогли унести. Кроме того, они взяли с собой пленников, рассчитывая в случае погони использовать их как заложников. Вскоре добрались до берега, поспешно сели на корабль и вышли в

открытое море. Пленникам же ведено было вместо выкупа добыть пиратам столько мяса, сколько им было нужно, чтобы добраться до Ямайки.

Когда пираты были еще в устье реки, на берег высыпало человек пятьсот испанцев, вооруженных ружьями. Пираты дали по ним залп из пушек. Таким образом, испанцам оставалось лишь бессильно горевать, видя, как уплывает их добро, и проклинать тот миг, когда пираты высадились на берег. Для них было непостижимо, как у пиратов хватило смелости подойти к городу, лежащему от берега по меньшей мере в сорока милях, охраняемому гарнизоном в восемьсот человек, и разграбить город за такой короткий срок.

Пираты захватили чеканного золота, серебряной посуды и ювелирных украшений на сорок с лишним тысяч реалов. Вскоре Джон Девис высадился со своей добычей на Ямайке, довольно быстро все прокутил и снова вынужден был отправиться на поиски приключений...

ЭДВАРД ТИЧ. КОНЕЦ ЧЕРНОЙ БОРОДЫ

Влюбленный головорез

Во время путешествия по американскому «Диснейленду» в числе многих чудес и самых невероятных приключений посетителей ожидает и встреча со свирепыми пиратами и их главарем знаменитым морским разбойником Эдвардом Тичем по прозвищу Черная Борода. Куклы-пираты разыгрывают перед посетителями эпизоды из жизни этого головореза. Здесь и он сам в треуголке с изображением на ней черепа с костями, и его возлюбленная Мэри Блад, и смутьяны в кандалах, осмелившиеся поднять мятеж против своего капитана, и мрачная тюрьма, где за железными прутьями под охраной огромного волкодава сидят в ожидании казни попавшие в плен разбойники.

История пирата Эдварда Тича сегодня широко известна. Знают ее по книгам и кинофильмам и взрослые, и те ребята, которые посещают «Диснейленд». Но не всем, должно быть, известно, как кончил свою грешную жизнь этот человек.

Вот как рисует портрет Тича знавший его капитан Джонсон: «Его лицо, начиная от глаз, было покрыто густыми черными волосами, которые были также и на груди. Одежда — вся в пятнах от крови и пролитых напитков, платье в нескольких местах порвано и скреплено булавками. Грязное тело пропахло потом

и смесью рома с порохом, которую он обычно пил. У него была привычка заплетать на бороде маленькие косички с лентами и заправлять их за уши. Перед боем он надевал через оба плеча по широкой ленте. На них висело по три пистолета. Под шляпой он закреплял два горящих фитиля, свисавших по обе стороны его лица. Всем своим обликом он походил на фурию ада».

И действительно, это был один из самых жестоких и кровожадных пиратов.

Родился он в 1680 году в Бристоле. Еще юношей попал на каперское судно и плавал на нем юнгой. Уже тогда стал известен среди матросов своей безмерной храбростью во время абордажных схваток. Но продвижения по службе так и не получил. Он затаил обиду. И когда представился случай стать пиратом, не долго раздумывал.

Случилось это в 1716 году. В одном из боев Тич, проявив, как всегда, отчаянное мужество, захватил шлюп. Капитан пиратского судна, на котором плавал Тич, в награду передал ему этот шлюп, назначив командиром. Став хозяином на судне, Тич сразу же проявил себя как жестокий и сумасбродный начальник. Он постоянно был пьян, но и команде не запрещал напиваться. Так, он писал в дневнике: «Сегодня кончился ром. Наша команда была почти трезвой. Мерзавцы попытались устроить заговор. Они стали говорить о том, чтобы отделиться... Вечером мы захватили корабль с большим количеством спиртного на борту. Снова все отлично».

Целых два года Тич плавал в компании с капитаном Хорниголдом. Однажды у острова Мартиника они захватили большой торговый корабль, вооруженный сорока пушками. Тичу корабль очень понравился, и он упросил Хорниголда назначить его капитаном. Тот согласился.

С этого момента, а было это в 1718 году, Тич стал действовать самостоятельно и вскоре вообще отделился. Тем более что Хорниголд намерен был принять амнистию от губернатора на Нью-Провиденсе и завязать с пиратством, а Тич только-только, как говорится, вошел во вкус разбойничьего ремесла и не намерен был спускать паруса. Одним словом, дороги их разошлись.

Почти сразу же Тичу крупно повезло. Его жертвой стал крупный английский корабль. Пираты здорово поживились, команду высадили на берег, а парусник сожгли.

Всего через несколько дней Тич напоролся на тридцатипушечный английский корабль. Артиллерийская дуэль между двумя судами продолжалась несколько часов. Но на этот раз дело для пиратов кончилось ничем. Англичанину удалось уйти к острову Барбадос. Тич было бросился в погоню, но вынужден был повернуть к Южноамериканскому побережью. Вскоре ему повстречался десятипушечный шлюп. Капитаном на нем был бывший майор Бонне, недавно ставший пиратом. Некоторое время шлюп сопровождал Тича, а затем он взял майора к себе на борт.

Свой поступок Тич объяснил Бонне тем, что тот незнаком с трудностями и задачами их ремесла, поэтому ему лучше отказаться от командования шлюпом и наслаждаться спокойной жизнью на борту большого корабля. Почему он так поступил — не совсем ясно, скорее всего опасался, что капитан шлюпа может бросить его.

На шлюп, который носил название «Месть», Тич назначил своего офицера. Он был спокоен, что тот не изменит и не подведет в бою. Вскоре к двум своим кораблям Тичу удалось присоединить еще один — барк, захваченный в Гондурасском заливе. Команда сдалась без боя, и почти всю ее Тич взял на борт своего корабля, а на барк направил своих людей во главе со штурманом Израэлем Хэндсом.

Таким образом, у Тича составила небольшая эскадра из трех кораблей, ставшая грозой для многих судов в районе Вест-Индии.

Один за другим он захватывал все новые корабли с богатой добычей. Однажды Тичу досталось судно, на котором среди пассажиров была девушка-ирландка по имени Мэри Блад. Она с первого взгляда приглянулась Тичу. Потрясенный красотой и ростом девушки — 190 сантиметров, пират предложил ей руку и сердце. Мэри приняла его предложение и перешла на борт судна своего жениха. В качестве свадебного подарка пират преподнес своей возлюбленной целый корабль.

Они поженились. Так Мэри стала пираткой и находила в этом ремесле большое удовольствие. Особенно когда удавалось захватить драгоценности — она обожала ювелирные изделия. Считается, что вместе с мужем они награбили сокровищ более чем на семьдесят миллионов долларов, закопав их у берегов Северной Каролины. Правда, клад не найден и по сей день. Дальнейшая судьба

Мэри сложилась так: однажды при захвате испанского торгового судна она влюбилась в молодого красивого пленника и бежала с ним в Перу. Тич так и не смог отыскать ее, чтобы отомстить за вероломство.

Награбленное сбывали в Северной Каролине — на восточном побережье Америки. Местное население было заинтересовано в дешевых товарах (пираты сбывали добычу по бросовым ценам). И губернатор Чарлз Иден относился к пиратам весьма благосклонно.

Некоторое время Тич разбойничал неподалеку от побережья, а затем отважился на совсем уже наглую акцию: вошел в порт Чарлстон, основанный в 1670 году на юго-востоке Североамериканского континента. В порту находились восемь судов. Тич захватил их. Самым ценным трофеем стал корабль с хлопком, предназначенным для Лондона. На борту оказалось много богатых пассажиров, и среди них даже член городского самоуправления некто Роджер.

Тич назначил пассажирам выкуп. А так как у него на борту кончился запас медикаментов, он решил выкуп взять лекарствами, бинтами и т. п. Для этого и пригодился Роджер. Тич отправил его с тремя пиратами и еще одним пленным на берег с требованием к властям: помимо выкупа за людей и корабли, предоставить еще и медикаменты. Пират пригрозил: если не будет выполнено его требование, он обезглавит всех пленных, а головы пошлет губернатору.

Городской совет решил удовлетворить требование пирата. В свою очередь Тич сдержал слово, отпустил Пленных и вернул корабли. Естественно, перед этим он приказал погрузить на свой корабль все дорогостоящие товары и ценности. Только золота и серебра было захвачено на тысячу пятьсот фунтов стерлингов.

После этого Тич задумал коварный план: с небольшим количеством наиболее верных ему людей бросить команду, предварительно обманув ее при разделе добычи.

Возле одного небольшого островка он посадил свой корабль на грунт, якобы для ремонта, и велел вытащить для той же цели на берег два других. Сам же с сорока матросами незаметно удрал на баркасе. Взял курс к Северной Каролине в расчете, что губернатор отнесется к нему «с пониманием». И не ошибся.

Здесь пират принял королевскую амнистию. Впрочем, пользовался ею недолго: он и не думал порывать со своим ремеслом. Больше того, вовлек в свои

действия и самого губернатора. Он договорился с ним о том, что ранее захваченный Тичем испанский корабль будет предоставлен ему в качестве законного приза. И со всей добычи, которую удастся захватить, губернатор будет получать определенный процент.

Тич снова вышел в море и начал разбойничать в районе Бермудских островов, время от времени возвращаясь с добычей в Северную Каролину, где под крылышком губернатора он был в полной безопасности. Чарлз Идеи покрывал все деяния, вернее, злодеяния своего друга. О его связи с пиратом стало известно, и потому пострадавшие судовладельцы, купцы и плантаторы вынуждены были обратиться к губернатору соседней Виргинии с требованием поймать или изгнать злосчастного пирата. На улицах и в тавернах были развешаны объявления с призывом помочь изловить и уничтожить пиратов, ибо «искоренение тех, кто является врагами всего человечества, — справедливое и благородное дело». Назначили награду. Объявление подписал сам губернатор Виргинии Спотсвуд. Он же обратился за помощью к командованию английской военно-морской базы на реке Джеймс. Оно отдало приказ старшему лейтенанту Роберту Майнард на двух шлюпах изловить пресловутого Тича по прозвищу Черная Борода.

В своей книге капитан Джонсон рассказал о последнем акте драмы под названием «История Черной Бороды»: «17 ноября 1718 года Майнард вышел из Риквайетана на реке Джеймс и вечером 21-го обнаружил пиратов, стоявших на якоре в бухте Окракоке. Майнард задерживал все встречающиеся ему или обгонявшие его корабли, чтобы Черная Борода не смог преждевременно узнать о его приближении. Однако Тич был уже предупрежден своим другом Иденом. Секретарь губернатора Книгге письменно известил Тича о планируемой операции.

Однако, как видно, Тич не считал положение особенно серьезным. У него на борту оставалось всего 25 человек. Он приказал им подготовить корабль к бою, как только покажутся оба шлюпа. Сам же отправился на берег для участия в попойке.

Мелководье и сложный фарватер помешали Майнарду подойти к пиратскому кораблю под прикрытием ночи, и он стал на якорь. Ранним утром 22 ноября оба шлюпа, следуя за шлюпкой, с которой все время измеряли глубину,

приблизилась к кораблю пиратов на расстояние пушечного выстрела. Тич, который уже находился на борту со всей командой, приказал поднять якорь, чтобы иметь лучшую возможность для маневра, и открыл огонь.

Первый бортовой залп пирата попал в малый шлюп. Его капитан и несколько членов команды были смертельно ранены. Затем Тич направился к большому шлюпу, на котором находился старший лейтенант Майнард. При этом пиратский корабль сел на мель. Выбросив балласт и вылив из бочек воду, Тич скоро вновь обрел плавучесть. Меткий ружейный и пистолетный огонь пиратов лишил Майнарда двадцати человек — убитых и раненых.

Оба корабля, стоявшие близко друг к другу, относило к берегу. Первым коснулось дна пиратское судно. Затем корабли соприкоснулись бортами. Пираты стали бросать на палубу шлюпа недавно изобретенные ручные гранаты, начиненные порохом, кусочками свинца и железа, а также наполненные горючим веществом бутылки с прикрепленным к ним горящим шнуром.

В дыму последней взорвавшейся бутылки Тич и четырнадцать его людей ворвались на борт корабля противника. Разгорелась ожесточенная схватка. Майнард и Тич выстрелили друг в друга из пистолетов, Тич был ранен. Затем они стали драться на саблях. Когда у Майнарда сломалась сабля и Тич приготовился нанести ему смертельный удар, один из моряков Майнарда тяжело ранил пирата в шею. Однако Черная Борода продолжал драться. Он свалился лишь после меткого пистолетного выстрела Майнарда, сразившего его насмерть. На теле пирата насчитали двадцать пять ран, пять из которых были огнестрельными. Майнард приказал отрубить Тичу голову и повесить на рее».

После того как погиб главарь пиратов, остальные тут же сдались. Из пятнадцати пленных тринадцать были повешены. Одного помиловали, так как он был насильно зачислен в пиратскую команду накануне сражения. Вторым, кто из преступной шайки избежал веревки, был штурман Хэндс. Ночью перед боем его отправили на берег, потому что он повредил себе ногу. И хотя его тоже приговорили к смерти, казнь пришлось отменить: пока с ним разбирались и содержали под стражей, подоспела амнистия.

Казнь сообщника

А что стало с пиратом Бонне, который некоторое время был сообщником

Тича?

Бывший майор, безусловно, одна из необычных фигур в пиратском мире... Откуда он, каково его происхождение, осталось неизвестным. Знают только, что участвовал в войне между Францией и Англией, когда и дослужился до чина майора: оставив армию, отправился в поисках счастья в Вест-Индию. Намеревался обосноваться на острове Барбадос и стать плантатором. Самое странное, что он, богатый, образованный, имевший репутацию вполне добропорядочного джентльмена, оставил свои плантации и подался в пираты.

Случилось это, видимо, году этак в 1717-м. Причина такой метаморфозы так и осталась загадкой. Одни современники считали, что перемена эта произошла из-за его вольнодумства; другие вообще заявили, что он был душевнобольным; а третьи утверждали, что он стал пиратом, чтобы избавиться от своей жены, обладавшей скандальным характером.

Ясно одно: Бонне не имел ни малейшего понятия ни о море, ни о пиратском промысле. Шлюп, имевший десять пушек на борту и команду семьдесят человек, он снарядил на собственные деньги. Назвал свой корабль «Месть». Однако кому собирался мстить Бонне и какими доводами руководствовался при выборе этого названия — также остается загадкой.

Но как бы то ни было, у побережья Виргинии в североамериканских водах появился еще один корабль. Что называется, с ходу он захватил семь судов. Но в отличие от обычных пиратов не грабил всех подряд, а забирал только то, в чем нуждался, не уничтожал команду захваченного судна, чем отличались остальные пираты, и не трогал пассажиров. Обычно отпускал свои жертвы вместе с кораблем.

Такая «филантропия» скоро пришлась не по вкусу команде, и отношения между ним и пиратами испортились. Его обвинили в том, что капитан не соблюдает пиратских обычаев и традиций. На это он ответил ужесточением дисциплины. Но у него было одно уязвимое место: он был полным профаном в навигации и кораблевождении. Приходилось прибегать к помощи других. Может быть, именно поэтому Бонне перешел со своим судном под власть Тича.

В 1718 году Бонне стал полновластным капитаном своего корабля, который он тут же переименовал в «Короля Джеймса», а себя стал называть капитаном Томасом. После чего направился в Северную Каролину и, получив там

королевскую амнистию, выпросил у губернатора каперскую грамоту для борьбы с испанскими судами. Однако, как это часто случалось с каперами, вскоре стал без разбора захватывать все корабли — и противника, и свои, английские. Но вновь вел себя при этом весьма странно. На одном захваченном судне он забирал все продовольствие, а остальной груз не трогал, на других брал то ром, то перец, то мясо или табак.

Настал момент, когда корабль Бонне стал давать течь и ему потребовался ремонт. Капитан приказал посадить судно на грунт в устье реки, чтобы очистить днище от ракушек и залатать протечку.

О том, что пираты находятся рядом, стало известно губернатору Северной Каролины в Чарлстоне. Он направил против Бонне два восьмипушечных шлюпа.

26 сентября 1718 года после короткого сражения Бонне выбросил белый флаг. Его взяли в плен со всей командой и доставили в Чарлстон. Состоялся суд, который приговорил Бонне и его сообщников к смертной казни.

В обоснование приговора было сказано: «Майор Стеде Бонне, суд присяжных нашел вас виновным в занятии пиратством. Вас достаточно обвинить только в двух преступлениях. Ведь вы сами знаете, что с тех пор как вы появились в Северной Каролине, вы захватили и частично разграбили по меньшей мере 13 кораблей. Поэтому уличить вас можно в 11 и более преступлениях, которые вы совершили после принятия королевской амнистии, когда вы дали обещание покончить со своей позорной жизнью... Сколько невинной крови пролито людьми, которые оказали сопротивление вашему незаконному насилию? Мы этого не знаем, но мы знаем, что вы лично убили 18 человек и многих ранили, когда вас хотели захватить из-за ваших разбойничьих действий».

Ни ссылки на Библию, ни другие аргументы, чтобы вызвать у Бонне хотя бы чувство раскаяния, ни к чему ни привели. Тогда судья произнес: «Исполнив таким образом свой долг христианина, я выполняю теперь свой долг судьи. Приговор, предусмотренный законом для вас и для ваших преступлений и выносимый настоящим судом, таков: вы, Стеде Бонне, должны отправиться в то место, откуда прибыли, и там вас отведут на эшафот, чтобы повесить, пока не наступит смерть. Да благословит Бог в своем вечном сострадании вашу душу».

Вначале были повешены 26 членов команды Бонне, потом настала и его очередь. Никто из них так и не разбогател, после каждого осталось всего

несколько фунтов. Так стоило ли быть пиратом, мог подумать каждый из них, но это было бы запоздалое раздумье.

БАРТОЛОМЬЮ РОБЕРТС. БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ПИРАТ

Всего три года бесчинствовал этот английский пират, а славу оставил по себе немалую. Тому было несколько причин. Прежде всего то, что никому из его коллег по кровавому ремеслу не удавалось захватить такое количество кораблей — более четырехсот. И еще потому, что отличался среди пиратской братии необычайным благочестием.

Он был трезвенником, не пил рома и уж тем более — сшибающий с ног напиток из пороха и морской воды; потреблял только чай, не курил. Запретил на борту азартные игры — то есть карты и кости, а главное — приводить на корабль женщин. К тому же слыл глубоко религиозным человеком. Не расставался с Библией. И однажды даже попытался уговорить одного священника присоединиться к пиратам. Убеждая его, он говорил, что пребывание служителя Бога среди пиратов послужит им во благо: спасет заблудшие души грешников от вечных мук. Священник отказался спасать души убийц и попросил высадить его на берег.

К характеристике Бартоломью Робертса надо еще добавить несколько слов: он любил музыку, для чего держал на корабле целый оркестр, и был страшным педантом — строжайше требовал соблюдения установленного распорядка, заставлял своих удалцов, как малых детей, ложиться спать в восемь часов вечера. Нарушителей грозил повесить на рее.

И еще любил Бартоломью пустить пыль в глаза. Это выражалось в его поведении, роскошной одежде, любезности и изысканных манерах. Перед боем надевал расшитый золотом камзол, на голову — шляпу с пером, на груди висел большой крест с алмазами на массивной золотой цепи. Когда случалось захватить какой-либо портовый город, Робертс торжественно вступал в него под звуки труб и бой барабанов, с развевающимся черным пиратским флагом. И, как подобает настоящему полководцу, ожидал вручения ключей от завоеванного города.

Таков был этот свирепый пират и любитель театральных эффектов.

Что касается других сведений о нем — где родился, как прошли его детство и юность, точно ничего не известно. Предполагают, что родом он из

провинции Уэльс на западе Англии. В 1719 году, когда ему было тридцать семь лет (а это значит, что он был 1682 года рождения), он плавал в качестве капитана на шхуне «Принцесса» у берегов Западной Африки. Нетрудно догадаться, чем он здесь занимался: охотился за «живым товаром», иначе говоря, был работорговцем, перевозил в трюме скованных цепями негров.

Но как в животном мире хищники соперничают с себе подобными, так и среди морских разбойников сильные захватывали слабых. Это и произошло с Робертсом. У берегов Гвинеи его шхуну захватили пираты во главе с Хоуэллом Дэвисом. Надо ли пояснять, что охотник за неграми, то есть работорговец, и пират — охотник за чужим добром сродни друг другу по роду занятия. И неудивительно, что Робертс, потеряв шхуну и поняв, что таким образом разорен, решил примкнуть к пиратам.

А через два месяца Дэвис был убит в стычке с туземцами на африканском берегу. Пиратам предстояло избрать нового главаря. На это место претендовало несколько бывалых разбойников. Но выбрали Робертса. Один из претендентов на роль предводителя предпочел уступить ему свое место. Мотивировал он это следующими аргументами: вождь должен быть смелым. А смелости Робертсу было не занимать.

Все убедились в этом, когда после гибели прежнего капитана он заменил его и довел отряд, оказавшийся в глубине Африканского материка, до побережья, где оставили корабль. Надо было также быть уверенным, способным держать в узде всю команду, иначе на судне начнется анархия, последствия которой могут стать плачевными. Помимо этого, он должен быть сведущим в навигации. По-видимому, Робертс обладал всеми этими качествами, поэтому его единодушно избрали капитаном.

Первым делом Робертса, после того как его избрали капитаном, была месть за смерть Дэвиса. Он уничтожил деревню, жители которой в стычке убили прежнего капитана, а затем направился к берегам Бразилии. Здесь провел одну из самых блестящих операций, которая принесла ему широкую известность среди пиратов всего мира.

Робертсу стало известно, что в заливе Всех Святых находится португальская флотилия в составе сорока двух судов, до краев нагруженных ценными товарами и готовыми отправиться в Лиссабон.

Под видом торгового судна, без опознавательного флага, пиратское судно вошло в залив. Дело было ночью. Неожиданно Робертс оказался рядом с ближайшим кораблем и молниеносно, без единого выстрела овладел им. Под угрозой смерти португальский капитан указал на корабль, где находится самый ценный груз. Это был адмиральский сорокапушечный галион «Святое семейство» с экипажем сто пятьдесят человек. Только безумец мог отважиться напасть на эту крепость. Этим безумцем и стал Робертс.

Пираты осторожно подплыли к своей жертве. И с близкого расстояния дали бортовой залп по палубе и оснастке португальца. Прежде чем ошеломленный противник пришел в себя, пиратский корабль вошел в клинч, зацепился за свою жертву, и пираты, словно муравьи, устремились на палубу. Все было кончено в считанные минуты. Дальше надо было действовать еще быстрее. Перерубив якорные канаты на португальце, Робертс, прежде чем опомнились на остальных кораблях, улизнул в открытое море.

Добыча, не считая стоимости трофейного судна и груды алмазов, оценивалась в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Среди драгоценностей находился и крест с бриллиантами, предназначенный для португальского короля. С этим украшением Робертс отныне никогда не расставался.

Слух о невероятной удаче Робертса разнесся по всему Карибскому морю. Но он на этом не успокоился. Нападал на прибрежные города и селения, независимо от того, кому они принадлежали, все равно — испанцам ли, французам, голландцам или англичанам.

Колониальные власти объявили награду за голову дерзкого пирата и организовали погоню за ним. Робертс почувствовал опасность и поспешил на север к берегам Канады, попутно не забывая грабить портовые города и захватывать корабли. Так, у берегов Канады он ограбил двадцать одно судно, некоторые из них были с грузом ценной пушнины.

Но однажды Робертса все же постигла неудача. Его помощник подговорил команду поделить добычу и скрыться. Заговорщикам удалось осуществить свой план, однако, кончилась их затея плачевно. Все они были схвачены и повешены как пираты. Робертсу, можно сказать, повезло, он остался без корабля, зато сохранил жизнь. Впрочем, «безлошадным» он оставался недолго. Вскоре почти без боя захватил два судна. Команда обоих перешла на его сторону, предпочитая

плавать под пиратским флагом, а не прозябать на торговом корабле.

Губернатор острова Барбадос, обеспокоенный бесчинствами Робертса, послал против него два корабля, каждый с двадцатью пушками на борту и командой пятьдесят человек. Корабли встретились с пиратскими, обстреляли друг друга, и Робертс, увидев превосходство противника, решил уходить, но так как тот не отставал, он, чтобы убыстрить ход, приказал выбросить за борт все пушки, боеприпасы и остальной тяжелый груз. Благодаря этому удалось уйти от погони.

В свою очередь и губернатор острова Мартиника направил против Робертса два военных судна, когда узнал, что корабли пиратов встали на ремонт близ его берега. Робертс с трудом ушел от возмездия. Тем яростнее стал мстить своим преследователям. С этих пор каждый житель Мартиники или Барбадоса, если, по несчастью, попадал к нему в плен, мог заранее распрощаться с жизнью. Символом мести Робертсу служил отныне флаг с изображением силуэта пирата, вооруженного саблей и опирающегося ногой на два черепа.

Еще долгое время Робертсу сопутствовала удача. Обычно он объявлялся в местах, где его меньше всего ждали. Так, только в октябре 1720 года он захватил и разграбил шестнадцать французских и голландских судов. Вскоре, однако, понял, что пора менять район действия. Он решил направиться к западному побережью Африки, а точнее — в Гвинейский залив. Здесь бесчинствовал некоторое время. Не раз огибал мыс Доброй Надежды, выходил в Индийский океан и посещал пиратские гнезда на Мадагаскаре. Потом вернулся в Гвинейский залив.

Робертс командовал двумя кораблями. В устье реки Сенегала ему повстречались два французских военных корабля, французы приняли пиратские парусники за торговые суда и потребовали, чтобы они остановились. Робертс повиновался. А когда корабли французов подошли близко, поднял черный флаг и огрызнулся всеми своими пушками. Оба военных корабля сдались пирату без боя.

После этого Робертс решил зло подшутить над губернатором Мартиники. Он вновь пересек океан, под фальшивым флагом появился на рейде острова и подал сигнал, что у него, мол, на борту имеется контрабанда. В надежде поживиться на корабль пиратов явилось множество купцов. Как только они оказались на борту, Робертс приказал всех арестовать. Затем сжег их лодки, за исключением одной. На ней он отправил ограбленных купцов обратно с

нижайшим поклоном губернатору.

Но зимой 1721 года ему изменило ненадежное пиратское счастье. Он узнал, что корабль британских военно-морских сил «Ласточка» обнаружил место стоянки пиратов и, что называется, полным ходом идет на встречу с ними. На беду Робертса, накануне пиратам достался богатый трофей — судно с грузом спиртного.

Удержать команду от возлияний Робертс не смог. А с пьяной командой он едва ли мог победить противника. Напрасно Робертс увещевал своих соратников, убеждал, что у них только два выхода — победа или смерть. Но пьяные матросы не вняли призыву капитана. 10 февраля 1722 года Робертс пошел на отчаянный шаг. Он приказал плыть прямо на английский фрегат, обстреливая его из орудий. Разыгралась жестокая битва. Многие пираты погибли в этом бою, в том числе и сам Робертс.

Пираты опустили гроб со своим капитаном, одетым в роскошные одежды, с золотым в бриллиантах крестом на груди, в морскую пучину. После чего все сдались англичанам. Ни один из них не избежал заслуженной кары за свои злодеяния: все они были повешены на мысе Кост-Касл на Золотом Берегу. Так закончил дни Благочестивый пират и его соратники по кровавому ремеслу.

Правила для пиратов, написанные Бартоломью Робертсом

1. Каждый член команды имеет право участвовать в обсуждении всех вопросов. Он обладает равным правом на запасы продовольствия, крепкие спиртные напитки и пользование ими до тех пор, пока нужда не заставит всех сократить рацион.

2. Каждый имеет право на справедливую долю добычи (сверх этой справедливой доли допускается получить дополнительную смену одежды). Однако тот, кто обманет товарищество и самовольно присвоит добычу, хотя бы стоимостью один доллар в металле, драгоценных камнях или деньгах, подлежит наказанию. Если кража была совершена у членов команды, виновнику отрезают уши и нос и он подлежит высадке на пустынном берегу.

3. Никто не имеет права играть в карты или в кости на деньги.

4. Огни и свечи должны гаситься в восемь часов вечера. Если кто-нибудь из команды захочет выпить вино после указанного часа, он обязан сделать это на

палубе.

5. Пушки, пистолеты, сабли и прочее оружие должны храниться в чистоте, дабы в любое время их можно было использовать по назначению.

6. Запрещается пребывание на судне женщинам или детям. Если кто-нибудь будет уличен в обольщении любого из вышеуказанных полов или попытается сбросить их в море для сокрытия проступка, он приговаривается к смерти.

7. Дезертирство с судна во время боя наказывается смертью или высадкой на пустынный берег.

8. Запрещаются драки на борту судна. Любые ссоры должны решаться на берегу с помощью сабли или пистолета.

9. Никто не имеет права даже заикнуться о разрыве с товариществом до тех пор, пока у каждого члена команды не будет 1000 фунтов стерлингов. Каждый потерявший какой-нибудь орган во время захвата добычи, в результате чего он станет калекой, получает 800 долларов из общественной кассы, а в случае меньших повреждений соответствующую долю.

10. Капитан и рулевой получают две доли из захваченного приза, штурман, боцман и орудийная прислуга получают полторы доли, прочие офицеры одну и четверть.

11. Музыканты отдыхают в воскресный день, а все остальные шесть дней развлекают команду.

ДЖОН ЭЙВЕРИ. ЗЯТЬ ВЕЛИКОГО МОГОЛА

Биография Джона Эйвери по прозвищу Долговязый Бен была написана по горячим следам его походов Даниелем Дефо. Можно сказать, что Эйвери стал первым джентльменом удачи, чьи приключения привлекли внимание серьезного писателя.

Среди многих романов Дефо есть книга под названием «Король пиратов».

Впервые она была опубликована в конце 1719 года. Ее полное название, по обычаю того времени, довольно длинное: «Король пиратов: изложение знаменитых приключений капитана Эйвери, якобы короля Мадагаскара. С описанием его путешествий и пиратства, с разоблачением всех ранее опубликованных о нем вымыслов. В двух им самим сочиненных посланиях, одно

из которых написано во время его пребывания на Мадагаскаре, и другое после его исчезновения».

Как видно из этого названия, книга написана в форме эпистолярного романа. Для большей достоверности Дефо сделал автором писем самого пирата Эйвери. В конце заглавия-предисловия Дефо иронически замечает: «Если и не доказано, что капитан собственноручно писал эти послания, то издатель утверждает, что уж во всяком случае никто иной, кроме самого капитана, не сможет внести сюда исправления». (Замечу, что Эйвери появляется и в другом романе Дефо — «Капитан Сингльтон».)

Какие же такие знаменитые приключения довелось испытать «Пират-счастливчику» — так называлась пьеса о нем, которая пользовалась бешеным успехом у лондонской публики в начале XVIII века.

Скажу сразу — в истории Джона Эйвери довольно трудно отделить истину от вымысла. Сведения о нем весьма противоречивы, а иные факты граничат с выдумкой и сильно расходятся с тем, о чем говорится в пьесах и книгах, ему посвященных.

Родился Эйвери в английской деревне неподалеку от Плимута. Впрочем, как позже установили, его настоящее имя было Бриджмен. Псевдоним он взял, чтобы не навредить своим родным, когда встал на несправедный путь морского разбойника. («Эйвери» можно перевести как «всякий», «любой».)

Он рано стал выходить в море и много лет плывал штурманом на каперских судах. Одним из таких кораблей был тридцатипушечный парусник «Герцог» с командой 120 человек, на котором он служил в качестве боцмана.

В это время Испания и Англия воевали против Франции. Для борьбы с французами в Вест-Индии на службе у испанцев состояло много английских каперов. Одним из них и был капитан «Герцога» Гибсон. Несколько месяцев «Герцог» вместе с другим парусником стоял в бездействии в гавани Ла-Корунья на севере Испании. Команда давно не получала жалованья. Пьяница капитан большую часть времени проводил на берегу. Недовольство команды росло.

Однажды на корабле возник бунт. Капитан был высажен на берег, моряки избрали Эйвери своим командиром. По примеру флибустьеров мятежники выработали устав, после чего Эйвери поднял якорь и направился к Мадагаскару. «Герцог», переименованный сначала в «Карла II», а затем в «Причуду», захватил

по пути два трофея, и с этим небольшим флотом Эйвери прибыл на Мадагаскар, в то время крупнейшую базу пиратской вольницы.

Появление столь удачливого «новичка» вызвало на острове, как и следовало ожидать, бурю восторга у одних и зависть у других. Дошло до того, что некий заносчивый корсар, чье самолюбие было до крайности уязвлено тем вниманием, которым окружили новоприбывшего «счастливчика», вызвал его на дуэль. Поединок выиграл Эйвери и тем самым не только сохранил себе жизнь, но и упрочил собственную славу, ибо умение владеть шпагой ценилось среди пиратов не меньше, чем среди мушкетеров французского короля.

Окрыленный первым успехом, Эйвери продолжал пиратствовать в Индийском океане и Красном море. Он разграбил и отправил «к Дэви Джонсу» (иными словами, на дно морское) множество кораблей, в том числе и английских. Вследствие этого, когда в 1698 году в Англии была объявлена амнистия всем пиратам, которые добровольно явятся с повинной, она не распространилась на Эйвери.

Тогда он направил в Бомбей письмо со своей как бы политической программой: «К сведению всех английских капитанов сообщаю, что прибыл сюда на линейном корабле «Причуда», бывшем «Карле II», из состава испанской экспедиции, который покинул королевскую службу 7 мая прошлого года. Сегодня я команду кораблем в 46 пушек и 160 человек экипажа и намерен искать добычу, и притом пусть всем будет известно, что я никогда еще не нанес вреда ни одному англичанину или голландцу и не намерен этого делать до тех пор, пока остаюсь командиром судна.

Поэтому я обращаюсь ко всем кораблям с просьбой при встрече со мной поднимать на бизань-мачте свой флаг, и я подниму в ответ свой и никогда не нанесу вам вреда. Если же вы этого не сделаете, то учтите, что мои люди решительны, храбры и одержимы желанием найти добычу, и, если я не буду знать заранее, с кем имею дело, помочь вам я не смогу».

Свое обещание пират сдержал и на англичан с тех пор не нападал. Зато не брезговал захватом прибрежных городов на восточном побережье Африки.

Однажды Эйвери направился ко входу в Красное море и здесь стал подкарауливать индийских купцов и исламских паломников, направлявшихся в Мекку. Несколько дней он выжидал близ порта Мокка, пока наконец на горизонте

не появились корабли. Это была эскадра Великого Могола, то есть индийского императора Аурангзеба, в составе шести кораблей с флагманом «Великое сокровище». Эйвери с ходу напал на этот великолепный парусник, построенный на английской верфи и отлично вооруженный.

Ребята Эйвери — сто шестьдесят опытных моряков — были вооружены мушкетами и отлично умели с ними обращаться. Это компенсировало превосходство индийца в числе пушек и матросов. К тому же после первого залпа одна из его пушек взорвалась, что внесло растерянность в ряды «Великого сокровища». Затем метким выстрелом с «Причуды» была сбита его грот-мачта. Это добавило паники на борту. Тогда Эйвери подошел к индийскому судну и приказал своей команде идти на абордаж. И произошло неожиданное: четыреста моряков, вооруженных саблями и в рукопашном бою ничуть не уступавших англичанам, сдались во главе с капитаном.

Восемь дней продолжалась оргия на захваченном корабле. Да и было от чего веселиться. На долю каждого из членов экипажа Эйвери досталось по тысяче фунтов стерлингов. Добыча превзошла все ожидания. Оказалось, что на борту захваченного судна находилась выручка от торгового сезона — пять миллионов рупий в золоте и серебре.

Но главным богатством, добытым в тот день, стала дочь самого индийского владыки Аурангзеба. И надо же было такому случиться, что свирепый пират по уши влюбился в нее, и что совсем уж удивительно — она ответила ему взаимностью. По одной версии, свадьба была по мусульманскому обряду, по другой — их обвенчал протестантский пастор, случайно оказавшийся среди пиратов.

Правда, Дефо отвергает эту версию о женитьбе пирата. Как, впрочем, и ту, согласно которой Эйвери жестоко обошелся с попавшей к нему в плен индийской принцессой (как тут не вспомнить нашего Стеньку Разина и персидскую княжну). Но как бы то ни было, легенда о любви свирепого пирата и юной дочери индийского владыки получила широчайшее распространение. Уверяли даже, что от этого союза была определенная польза: нежная привязанность к супруге заставляла пирата проводить подле нее больше времени, чем на капитанском мостике, в результате чего судоходство в Индийском океане сделалось более спокойным.

Впрочем, Эйвери, хотя и породнился с императором, став его зятем, не питал ни малейшего желания вернуть тестю захваченную добычу. Видимо, решил, что получил ее в качестве приданого дочери индийского владыки.

«Тесть», однако, намеревался отомстить за оскорбление, нанесенное ему как отцу и властителю. Он осуждал дочь за то, что у нее не хватило мужества покончить жизнь самоубийством и не поддаться ухаживаниям пирата. Кроме того, он не хотел лишаться своего прекрасного брига и потерянных сокровищ. В гневе император обрушился прежде всего на Ост-Индскую компанию, заявив, что уничтожит все ее строения и сооружения на территории Индии, если немедленно не приступят к поискам пирата.

Президенты компании не на шутку всполошились перед лицом этой угрозы. Было решено назначить большую награду за голову Джона Эйвери.

Однако для влюбленного пирата не существовало тогда ничего, кроме домашнего очага, украшением которого была очаровательная принцесса.

«Причуда» стояла на якоре в порту, и ее команда, деморализованная долгим пребыванием на берегу, становилась ненадежной. В конце концов Эйвери стал выходить в море, иначе вся его пиратская флотилия могла развалиться. Однако вылазки он предпринимал редко и ненадолго.

Романтическая идиллия продолжалась несколько лет, пока Эйвери не пришел, наконец, к выводу, что достаточно разбогател и может начать спокойную семейную жизнь в каком-либо уголке земного шара, куда еще не дошли вести о его преступных деяниях. Решив, что жена почувствует себя счастливой, если он обеспечит ей уважение «высшего общества» и избавит от пиратской атмосферы, Джон отправился в Бостон. Он погрузил на корабль все имущество и захватил с собой ближайших друзей.

В Америку он прибыл под вымышленной фамилией, но не сумел избежать подозрений губернатора, который не особенно доверял иммигрантам. Эйвери неважно чувствовал себя в Америке. Быть может, сказывалась тоска по родине. Так или иначе, он отбыл вскоре в Северную Ирландию, где продал корабль и распрощался со своим экипажем, что как будто говорило о его твердом решении порвать с пиратством.

Но теперь Эйвери покинула удача, до сих пор сопутствовавшая ему. Попытавшись реализовать в Дублине часть награбленных драгоценностей, Эйве-

ри вызвал подозрение у купцов; ему вновь пришлось менять фамилию и место жительства. На этот раз он переехал в Англию, в свой родной Девон, где в местечке Байдефорд один из его прежних друзей взялся посредничать в продаже драгоценностей. Эйвери напал, однако, на шайку лондонских мошенников, которые, вручив ему небольшой задаток, обещали выплатить остальную сумму позднее. Несмотря на многократные напоминания, Джону так и не удалось взыскать причитавшиеся ему деньги. А обратиться в суд он по понятным причинам не мог.

Несколько лет спустя Джон Эйвери умер в крайней нужде, проклиная час, когда решился ступить на путь честной жизни. Что стало с индийской принцессой, его женой, неизвестно.

ДЖОН СИЛЬВЕР, или ПИАСТРЫ СИНЕРОЖЕГО ФЛИНТА

Все началось с карты

Дом стоял прямо у дороги, отделенный от нее невысоким забором на каменном основании. Напротив по горному склону громоздились заросли могучих буков и сосен, а ниже виднелись поросшие вереском холмы. Впрочем, разглядеть их удавалось лишь в погожие, ясные дни, когда дорога была залита солнцем, в лесу не смолкал птичий гомон, а горный воздух, чистый и прозрачный, волшебным нектаром проникал в кровь. Чаше, однако, в этих местах бушевала непогода. Тогда холмы внизу скрывала пелена тумана или стена дождя.

Так случилось и в этот раз, когда в конце лета 1881 года Роберт Льюис Стивенсон, в то время уже известный писатель, поселился вместе с семьей высоко в горах в Бремере. Некогда места эти принадлежали воинственному шотландскому клану Макгрегоров, историю которого Стивенсон хорошо знал.

Он любил рассказывать о подвигах Роба Роя — мятежника Горной страны, которого с гордостью причислял к своим предкам. Вот почему бремерский коттедж он зловеще называл не иначе как «дом покойной мисс Макгрегор». В четырех его стенах из-за случившегося ненастья ему приходилось теперь проводить большую часть времени. Воздух родины, шутил Стивенсон, который он любил, увы — без взаимности, был для него, человека с больными легкими, злее неблагодарности людской.

Дни напролет моросил дождь, временами налетал порывистый ветер, гнул

деревья, трепал их зеленый убор.

Повсюду дождь; он льет на сад,
На хмурый лес вдали,
На наши зонтики, а там —
В морях — на корабли...

Как спастись от этой проклятой непогоды, от этого нескончаемого дождя? Куда убежать от однообразного пейзажа? В такие дни самое милое дело сидеть у камина и предаваться мечтаниям; например, глядя в окно, воображать, что стоишь на баке трехмачтового парусника, отважно противостоящего океанским валам и шквальному ветру. Это под его напором там, за окном, скрипят, словно мачты, шотландские корабельные сосны, будто грот-брамсели и фор-марсели, шелестят и хлопают стеньги и реи — ветви дубов и вереска.

Воображение унесло его в туманные дали, где в сером бескрайнем море плыли корабли, ревущий прибой с грохотом разбивался о черные скалы, тревожно вспыхивали рубиновые огни маяков и беспощадный ветер рвал флаг отважных мореходов.

Привычка. к фантазированию, к тому, чтобы самому себе рассказывать необыкновенные истории, в которых сам же неизменно играл главную роль, родилась в дни детства.

Обычно его воображение разыгрывалось перед сном. В эти минуты, «объятый тьмой и тишиной», он оказывался в мире прочитанных книг. Ему виделся посреди морской синевы зеленый остров и его одинокий обитатель, словно следопыт-индеец выслеживающий дичь. Чудились топот скакуна таинственного всадника, исчезающего в ночной тьме, погоня, мелькающие огоньки, пиратская шхуна в бухте и исчезающий вдали парус бесприютно скользящего по волнам «Корабля-призрака», над которым в воздухе, словно крест, распростерся белый альбатрос.

Неудивительно, что он засыпал тяжелым, тревожным сном. Но бывало, его душил кашель и не давал долго уснуть. В такие ночи добрая и ласковая Камми, его няня, утешала и развлекала мальчика, подносила, закутанного в одеяло, к окну и показывала синий купол, усеянный яркими звездами. Завороженный, он смотрел на луну и облака, странными тенями окружающие ее. А внизу, под окном, в непроглядной тьме сада, таинственно шелестели листья деревьев...

Широко открытыми глазами созерцал он мир, полный загадок и тайн. Его

воображение, пораженное величественной картиной мироздания, рисовало удивительные фантастические картины. Когда же под утро удавалось вздремнуть, ему снились кошмары, будто он должен проглотить весь земной шар...

Наделенный недюжинной силой воображения, Льюис умел изумляться, казалось бы, обычному: виду, открывшемуся из чердачного окна; залитому солнцем, полному цветов саду, который он как-то увидел сверху, забравшись на боярышник; зарослям лавровых кустов, где, ему казалось, вот-вот возникнет фигура индейца, а рядом, по лужайке, пронесется стадо антилоп...

Но ничто и никогда так не поражало в детстве его воображение, по словам самого Льюиса, как рассказ об альбатросе, который он однажды услышал от своей тетки Джейн.

Впечатление было тем более сильное, что она не только показала своему любимцу Бог весть как оказавшееся в ее доме огромное крыло могучей птицы, способной спать на лету над океаном, но и, сняв с полки томик Кольриджа, прочитала строки из «Поэмы о старом моряке».

...Снеговой туман, глыбы изумрудного льда, «и вдруг, чертя над нами круг, пронесся альбатрос».

Уже первые строки захватили его, увлекли в синие просторы, на корабль, который в сопровождении парящего альбатроса — путеводной птицы, пробивался сквозь шторм. Но недаром альбатроса считали птицей добрых предзнаменований:

Попутный ветер с юга встал,
Был с нами альбатрос,
И птицу звал, и с ней играл,
Кормил ее матрос!

В этот момент, нарушая закон гостеприимства, старый моряк убивает посланца добрых духов — птицу, которая, согласно поверью, приносит счастье:

«Как странно смотришь ты, моряк,
Иль бес тебя мутит?
Господь с тобой?» — «Моей стрелой
Был альбатрос убит».

Разгневанные духи за совершенное кощунство проклинали моряка. Они мстят ему страшной местью, обрекая, как и легендарного капитана Ван Страатена, «Летучего голландца», на скитания на корабле с командой из матросов-мертвецов.

Картины убийства альбатроса и того, как был наказан за это моряк, словно живые возникали в сознании. С тех пор мистический рассказ о судьбе старого моряка станет любимым чтением Стивенсона.

Образ птицы добрых предзнаменований многие годы сопутствовал ему. И случалось, в мерцающих вспышках маяка метнувшаяся чайка напоминала об альбатросе, распластанные ветви лохматой ели под окном казались огромными крыльями, причудливый узор на замерзшем стекле был словно гравюра с изображением парящего над волнами исполина. Льюис хранил верность альбатросу как самому романтическому из сказочных созданий, наделенному к тому же благороднейшим из имен.

Придет время, и он воочию увидит эту удивительную птицу. Произойдет это при его плавании на яхте «Каско». И точно так же, как в поэме Кольриджа, когда яхта проходила близ антарктических широт, над ней воспарил огромный альбатрос.

Залюбовавшись величественной птицей, Стивенсон невольно вспомнил строки из поэмы о том, что «проклят тот, кто птицу бьет, владычицу ветров». И еще ему тогда впервые показалось, что он, подобно старому матросу, обречен на бесконечное плавание. С той только разницей, что его это скорее радовало, а не угнетало и страшило, как героя поэмы.

В душе Стивенсон всегда чувствовал себя моряком и был счастлив скитаться по безбрежным далям. Ведь он знал, что обречен, что и у него за спиной, как и у моряка, «чьей злой стрелой загублен альбатрос», неотступно стоит призрак смерти. А скитания, казалось ему, отдаляют роковой конец.

Здоровье постоянно подводило его, принуждало к перемене мест в поисках благотворного климата. С этой целью, собственно, он и перебрался в Бремер. Но, как назло, и здесь его настигло отвратительное ненастье. Вот и приходилось, по давней привычке, коротая время, фантазировать, глядя в окно...

Переживая непогоду, старались чем-нибудь занять себя и остальные домашние. Фенни, его жена, как обычно, занималась сразу несколькими делами: хлопотала по хозяйству, писала письма, давала указания прислуге; мать, сидя в кресле, вязала; отец, сэр Томас, предавался чтению историй о разбойниках и пиратах, а юный пасынок Ллойд с помощью пера, чернил и коробки акварельных красок обратил одну из комнат в картинную галерею.

Порой рядом с художником принимался малевать картинки Стивенсон.

Однажды он начертил карту острова. Этот шедевр картографии был старательно и, как ему представлялось, красиво раскрашен. Воображение переносило его на клочок земли, затерянной в океане. Оказавшись во власти вымысла, очарованный бухточками, которые пленяли его, как сонеты, Стивенсон нанес на карту названия: холм Подзорная труба, Северная бухта, возвышенность Бизань-мачта, Белая скала. Одному из островков, для колорита, он дал имя Остров скелета.

Стоявший рядом Ллойд, замирая, следил за рождением этого поистине великолепного шедевра.

— А как будет называться весь остров? — нетерпеливо поинтересовался он.

— Остров сокровищ, — изрек автор карты и тут же написал эти два слова в ее правом нижнем углу.

— А где они зарыты? — сгорая от любопытства, таинственным шепотом допытывался мальчик, полностью включившийся в эту увлекательную игру.

— Здесь, — Стивенсон поставил большой красный крест в центре карты. Любуясь ею, он вспомнил, как в далеком детстве жил в призрачном мире придуманной им Страны энциклопедии. Ее контуры, запечатленные на листе бумаги, напоминали большую чурку для игры в чижика.

С тех пор он не мог себе представить, что бывают люди, для которых ничего не значат карты. Как говорил писатель-мореход Джозеф Конрад, сам с увлечением их чертивший, «это сумасбродные, но, в общем, интересные выдумки». У каждого, кто имеет хоть на грош воображения, при взгляде на карту всегда разыгрывается фантазия.

Соблазн дать волю воображению при взгляде на карту нарисованного им острова испытал и Стивенсон. Бросив задумчивый взгляд на его очертания, которые напоминали вставшего на дыбы дракона, он представил, как среди придуманных лесов зашевелились герои его будущей книги.

У них были загорелые лица, их вооружение сверкало на солнце, они появлялись внезапно, сражались и искали сокровище на нескольких квадратных дюймах плотной бумаги. Не успел Стивенсон опомниться, признавался он сам, как перед ним очутился чистый лист и он составил перечень глав.

Таким образом, карта породила фабулу будущего повествования, оно выросло на ее почве. Не часто, наверное, карте отводится такое знаменательное место в книге, и все-таки, по мнению Стивенсона, карта всегда важна, безразлично, существует ли она на бумаге или ее держат в уме.

Писатель должен знать свою округу, будь она настоящей или вымышленной, как свои пять пальцев. Конечно, лучше, чтобы все происходило в подлинной стране, которую вы прошли из края в край и знаете в ней каждый камешек. Даже когда речь идет о вымышленных местах, тоже не мешает сначала запастись картой.

Итак, карта придуманного Острова сокровищ побудила взяться за перо, породила минуты счастливого наития, когда слова сами собой идут на ум и складываются в предложения. Впрочем, поначалу Стивенсон и не помышлял о создании книги, рассчитанной, как сейчас говорят, на массового читателя.

Рукопись предназначалась исключительно для пасынка и рождалась как бы в процессе литературной игры. Причем уже на следующий день, когда автор после второго завтрака в кругу семьи прочитал начальную главу, в игру включился третий участник — старый сэр Томас Стивенсон. Взрослый ребенок и романтик в душе, он тотчас загорелся идеей отправиться к берегам далекого острова.

С этого момента, свидетельствовал сын, отец, учуяв нечто родственное по духу в его замысле, стал рьяным помощником автора. И когда, например, потребовалось определить, что находилось в матросском сундуке старого пирата Билли Бонса, он едва ли не целый день просидел, составляя опись его содержимого.

В сундуке оказались: квадрант, жестяная кружка, несколько плиток табаку, две пары пистолетов, старинные часы, два компаса и старый лодочный чехол.

Весь этот перечень предметов Стивенсон целиком включил в рукопись.

Но конечно, как никого другого, игра увлекла Ллойда. Он был вне себя от затеи отчима, решившего сочинить историю пиратов. Затаив дыхание, мальчик вслушивался в рассказ о путешествии к острову, карта которого лежала перед ним на столике. Однако теперь эта карта, несколько дней назад рожденная фантазией отчима, выглядела немного по-иному. На ней были указания широты и долготы, обозначены промеры дна, еще четче прорисованы названия холмов, заливов и

бухт.

Как и положено старинной карте, ее украшали изображения китов, пускающих фонтанчики, и кораблики с раздутыми парусами. Появилась и «подлинная» подпись зловещего капитана Флинта, мастерски выполненная сэром Томасом. Словом, на карте возникли новые, скрупулезно выведенные топографические и прочие детали, придавшие ей еще большую достоверность. Теперь можно было сказать, что это самая что ни на есть настоящая пиратская карта — такие встречались в описаниях плаваний знаменитых королевских корсаров Рэли, Дампьера, Роджерса и других.

Ллойдду казалось, что ему вместе с остальными героями повествования предстоит принять участие в невероятных приключениях на море и на суше, а пока что он с замиранием сердца слушает байки старого морского волка Билли Бонса о штормах и виселицах, о разбойничьих гнездах и пиратских подвигах в Карибском, или, как он называет его, «Испанском море», о беспощадном и жестоком Флинте, о странах, где жарко, как в кипящей смоле, и где люди мрут будто мухи от «Желтого Джека» — тропической лихорадки, а от землетрясений на суше качка, словно на море.

Первые две главы имели огромный успех у мальчика. Об этом автор сообщал в тогда же написанном письме своему другу У.-Э. Хенли. В нем он также писал: «Сейчас я занят одной работой, в основном благодаря Ллойдду... пишу «Судовой повар, или Остров сокровищ. Рассказ для мальчишек».

Вы, наверно, удивитесь, узнав, что это произведение о пиратах, что действие начинается в трактире «Адмирал Бенбоу» в Девоне, что оно про карту, сокровища, о бунте и покинутом корабле, о прекрасном старом сквайре Трелони и докторе и еще одном докторе, о поваре с одной ногой. В этом рассказе поют пиратскую песню «Йо-хо-хо, и бутылка рому» — это настоящая пиратская песня, известная только команде покойного капитана Флинта...»

По желанию самого активного участника игры — Ллойда в книге не должно было быть женщин, кроме матери Джима Хокинса. И вообще, по словам Стивенсона, мальчик, бывший у него под боком, служил ему пробным камнем. В следующем письме к Хенли автор, явно довольный своей работой, выражал надежду, что и ему доставит удовольствие придуманная им «забавная история для мальчишек»

Тем временем игра продолжалась. Каждое утро, едва проснувшись, Ллойд с нетерпением ожидал часа, когда в гостиной соберутся все обитатели «дома покойной мисс Макгрегор» и Стивенсон начнет чтение написанных за ночь новых страниц.

С восторгом были встречены главы, где говорилось о том, как старый морской волк, получив черную метку, «отдал концы», после чего наконец в действие вступила нарисованная карта. Ее-то и пытались тщетно заполучить слепой Пью с друзьями. К счастью, она оказалась в руках доктора Ливси и сквайра Трелони.

Познакомившись с картой таинственного острова, они решили плыть на поиски клада. Ллойд, в душе отождествлявший себя с Джимом, бурно возликовал, когда узнал, что мальчик пойдет на корабль юнгой. Впрочем, иначе и быть не могло — ведь по просьбе участников приключения именно он и должен был рассказывать всю историю с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова.

И вот быстходная и изящная «Эспаньола», покинув Бристоль, на всех парусах идет к Острову сокровищ. Румпель лежит на полном ветре, соленые брызги бьют в лицо, матросы ставят бом-кливер и грот-брамсель, карабкаются, словно муравьи, по фок-мачте, натягивают шкоты. А сквозь ревущий ветер слышатся слова старой пиратской песни: «Йо-хо-хо, и бутылка рому...»

Так в атмосфере всеобщей заинтересованности будто сама собой рождалась рукопись будущего «Острова сокровищ». Не было мучительного процесса сочинительства, признавался позже Стивенсон, приходилось лишь спешить записывать слова, чтобы продолжить начатую игру. Вот когда в полной мере проявилась давняя его страсть придумывать и связывать воедино несуществующие события. Задача заключалась в том, чтобы суметь вымысел представить в виде подлинного факта.

Подобных примеров, когда поводом рождения романа, рассказа или стихотворения служили самые, казалось бы, неожиданные причины, в том числе и игра, можно немало найти в истории литературы.

Однажды осенним дождливым вечером весь промокший Тютчев, вернувшись домой, бросился записывать стихотворение «Слезы людские», рожденное под шум дождя. Или вот еще пример: Гёте в порыве вдохновения,

охватившего его при виде горного пейзажа, записал углем прямо на двери охотничьего домика на горе Кикельхан в тюрингском лесу знаменитые строки, переводимые Лермонтовым: «Горные вершины спят во тьме ночной...»

Чтобы развлечь больную жену, Я. Потоцкий начал сочинять для нее историю, которая стала известна под названием «Рукопись, найденная в Сарагосе». В результате пари появились романы Д.-Ф. Купера «Шпион» и Р. Хаггарда «Копи царя Соломона».

Неожиданно во время прогулки родился рассказ о приключениях Алисы в Стране чудес. Его автор Льюис Кэрролл и не помышлял о создании книги. Просто в тот день ему захотелось развлечь удивительной историей трех девочек, одну из которых, кстати, звали Алиса. Для этого он и придумал своеобразную литературную игру и сочинил сказку о ее путешествии под землю. Много лет спустя другой писатель, Юрий Олеша, также ради девочки, которая жила в одном из московских переулков, придумал прелестную сказку «Три толстяка» и, так же как и Льюис Кэрролл, подарил этой девочке свой роман-сказку с посвящением.

Из литературной игры родилась и сказка Лимана Фрэнка Баума. Произошло это так. Обычно во время «семейного часа» писатель по просьбе своих детей выдумывал для них разные сказочные истории. Чаще всего их действие происходило в волшебной стране. На вопрос, как она называется, писатель ответил: «Оз». Это название он нашел на книжной полке, там, где в алфавитном порядке стояли переплетенные бумаги его архива с указанием на корешках: А—М, О—Z. Вскоре, в 1889 году, появилась книга «Мудрец из страны Оз», известная у нас под названием «Волшебник Изумрудного города» в пересказе А. Волкова. С тех пор книга Л.-Ф. Баума стала одной из самых популярных у ребят всего мира.

Вернемся, однако, к словам Стивенсона о том, что его знаменитая повесть о поисках сокровищ рождалась как бы сама собой и что события, происходящие на ее страницах, так же как и придуманная им карта, — лишь плод писательской фантазии.

Следует ли в этом случае доверять словам автора? Действительно ли «Остров сокровищ», как говорится, чистая выдумка? В том, что это не так, можно убедиться, обратившись к самому роману.

Откуда прилетел попугай?

Какие же источники помогли Стивенсону в создании романа и как он сам ими воспользовался? На этот счет мы располагаем, как было сказано, личным признанием писателя.

В его творческой лаборатории были использованы и переработаны застрявшие в памяти места из многих книг о пиратах, бунтах на судах и кораблекрушениях, о загадочных кладах и таинственных «обветренных, как скалы» капитанах. Потому-то книга и рождалась «сама собой», при столь безмятежном расположении духа, что еще до того, как начался процесс сочинительства, был накоплен необходимый «строительный материал», в данном случае преимущественно литературный, который засел в голове и как бы непроизвольно, в переосмысленном виде выплеснулся на бумагу.

Иначе говоря, когда Стивенсон в приливе вдохновения набрасывал страницы будущего романа, он не догадывался о том, что невольно кое-что заимствует у других авторов. Все сочинение казалось ему тогда, говоря его же словами, первородным, как грех, «все принадлежало мне столь же неоспоримо, как мой правый глаз».

Он вправе был думать, что герои его повествования давно уже независимо жили в его сознании и только в нужный час отыскились в кладовой памяти, выступили на сцену и зажили на ее подмостках, начали действовать.

А между тем оказалось, что, сам того не желая, писатель создавал свою книгу под влиянием предшественников. По этому поводу написано немало исследований. Не удовлетворившись его собственным признанием, литературоведы пытались уточнить, у кого из своих собратьев и что заимствовал Стивенсон, куда тянутся следы от его «Острова» и под чьим влиянием в романе возникла эта пестрая толпа удивительно своеобразных и ярких персонажей.

Впрочем, для начала уточним, в чем же признался сам автор.

Нисколько не скрывая, Стивенсон засвидетельствовал, что на него оказали влияние три писателя: Даниель Дефо, Эдгар По и Вашингтон Ирвинг. Не таясь, он открыто заявил, что попугай перелетел в его роман со страниц «Робинзона Крузо», а скелет-«указатель», несомненно, заимствован из рассказа Эдгара По «Золотой жук».

Но все это мелочи, ничтожные пустяки, мало беспокоившие писателя. В

самом деле, никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. К тому же «краденое яблочко всегда слаще» — шутил в связи с этим Стивенсон.

Если же говорить серьезно, то его совесть мучил лишь долг перед Вашингтоном Ирвингом. Но и его собственностью он воспользовался, сам того не ведая. Точнее говоря, на Стивенсона повлияли впечатления, полученные от когда-то прочитанных книг. В этом смысле и «Остров сокровищ» был навеян литературными источниками, в частности новеллами Ирвинга.

Однако что значит — «писатель воспользовался» или «автор заимствовал»? Примеров вольного или невольного заимствования можно привести сколько угодно. Еще Плавт заимствовал сюжеты, позже с таким же успехом их перенимали у него. Вспомните «Комедию ошибок» Шекспира — это не что иное, как искусная разработка сюжета плавтовских «Близнецов».

В подражании (что тоже иногда можно понять как заимствование) и в отсутствии собственного воображения обвиняли Вергилия за то, что в «Энеиде» находили «параллели» с Гомером. От этой, говоря словами Анатоля Франса, неприятности не были избавлены Вольтер и Гёте, Байрон и многие другие. Находились и такие, кто даже Пушкина пытался обвинить в плагиате.

Чтобы избежать подобных обвинений в заимствовании, А.-Р. Лесаж, например, прямо посвятил своего «Хромого беса» испанскому писателю Геваре (к тому времени умершему), взяв у него и заглавие и замысел, в чем всенародно и признался. Однако, уступая честь этой выдумки, Лесаж намекал, что, возможно, найдется какой-нибудь греческий, латинский или итальянский писатель, оспаривавший авторство и у самого Гевары.

На востоке, в частности в Китае и Японии, свободное заимствование сюжета было широко распространенным явлением и отнюдь не рассматривалось как плагиат. И многие посредственные сюжеты, как считал тот же Франс, проходя через руки гениев, можно сказать, только выигрывали от этого. Конечно, лишь в том случае, если, заимствуя, придавали новую ценность старому, пересказывая его на свой лад, что блестяще удавалось, скажем, Шекспиру и Бальзаку.

Воображение последнего, пишет А. Моруа, начинало работать только тогда, когда другой автор, пусть даже второстепенный, давал ему толчок.

В непреднамеренном заимствовании признался однажды Байрон. Спеша

отвести от себя обвинение в злостном плагиате, он пояснил, что его 12-я строфа из «Осады Коринфа», очень схожая с некоторыми строчками поэмы Кольриджа «Кристабель», которую он слышал до того, как она была опубликована, — чисто произвольный плагиат.

Бывали случаи, когда один автор брал «имущество» у другого, не подозревая, в отличие от Лесажа, что тот, в свою очередь, занял его у коллеги. И каждый из этих авторов мог бы заявить вслед за Мольером: «Беру мое там, где его нахожу».

Одним словом, если говорить о заимствовании, то следует признать, что это — способность вдохновляться чужими образами и создавать, а точнее, пересоздавать на этой основе произведения, часто превосходящие своими достоинствами первоисточник. Справедливо сказано: все, что гений берет, тотчас же становится его собственностью, потому что он ставит на это свою печать.

Неповторимая стивенсоновская печать стоит и на «Острове сокровищ». Что бы ни говорил сам автор о том, что весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей первых глав его книги навеяны Ирвингом, произведение Стивенсона абсолютно оригинально и самостоятельно.

И не вернее ли будет сказать, что оба они, Ирвинг и Стивенсон, как, впрочем, и Эдгар По, пользовались в качестве источника старинными описаниями деяний пиратов — походов и дерзких набегов, разбойничьих убежищ и флибустьерской вольницы, ее нравов и суровых законов.

К тому времени в числе подобных «Правдивых повествований» наиболее известными и популярными были два сочинения: «Пираты Америки» А.-О. Эксквемелина — книга, написанная участником пиратских набегов и очень скоро ставшая известной во многих странах и не утратившая своей ценности до наших дней (мы о ней уже писали); и «Всемирная история грабежей и убийств, совершенных наиболее известными пиратами», опубликованная в Лондоне в 1724 году неким капитаном Чарлзом Джонсоном, а на самом деле, как предполагают, скрывшимся под этим именем Даниелем Дефо, который выступил в роли компилятора известных ему подлинных историй о морских разбойниках.

В этих книгах рассказывалось о знаменитых пиратах Генри Моргане и Франсуа Олоне, об Эдварде Тиче по кличке Черная Борода и о Монбаре, прозванном Истребителем, — всех не перечислить. И не случайно к этим же

надежным первоисточникам прибегали многие сочинители пиратских романов. В частности, А.-О. Эксквемелин натолкнул В.-Р. Паласио, этого «мексиканского Вальтера Скотта», на создание его знаменитой книги «Пираты Мексиканского залива», увидевшей свет за несколько лет до «Острова сокровищ».

По этим источникам корректировал свою книгу о приключениях флибустьера Бошена французский писатель Лесаж. Они, возможно, вдохновляли Байрона на создание образов романтических бунтарей. Купер пользовался ими, когда писал о Красном Корсаре в одноименном романе, а также при работе над своей последней книгой «Морские львы», где вывел жадного Пратта, отправившегося в опасное плавание на поиски пиратского клада. Конан Дойл использовал эти источники, сочиняя рассказ о кровожадном пирате Шарки, а Сабатини — повествуя об одиссее капитана Блада.

К свидетельству А.-О. Эксквемелина, как и к сочинению Ч. Джонсона, прибегали и другие прославленные авторы, писавшие в жанре морского романа, в том числе В. Скотт и ф. Марриет, Э. Сю и Г. Мелвилл, Майн Рид и К. Фаррер, Р. Хаггард и Д. Конрад. Со слов самого Стивенсона известно, что у него имелся экземпляр джонсоновских «Пиратов» — одно из наиболее поздних изданий.

В связи с этим справедливо писали о влиянии этой книги на создателя «Острова сокровищ». Известный в свое время профессор Ф. Херси не сомневался в этом и находил тому подтверждения, сопоставляя факты, о которых идет речь в обеих книгах.

Немало полезного Стивенсон нашел и у Даниеля Дефо в его «Короле пиратов» — описании походов Джона Эйвери, послужившего к тому же прототипом дефовского капитана Сингльтона.

Что касается В. Ирвинга, то действительно некоторые его новеллы из сборника «Рассказы путешественника» повлияли на Стивенсона, особенно те, что вошли в раздел «Кладоискатели». Во всех новеллах этой части сборника речь идет о сокровищах капитана Кидда. Одна из них так и называется — «Пират Кидд», где говорится о захороненном кладе.

В другой — «Уолферт Веббер, или Золотые сны» — рассказывается о реальном историческом персонаже, который, наслушавшись сказок бывшего пирата Пичи Проу о золоте Кидда, решил отправиться на его поиски.

В этом смысле легенда о поисках сокровищ капитана Кидда направила

фантазию Стивенсона на создание романа о зарытых на острове миллионах, как направила она воображение Эдгара По, автора новеллы «Золотой жук», использовавшего в ней «множество смутных преданий о кладах, зарытых Киддом и его сообщниками где-то на Атлантическом побережье».

Долговязый Джон

Имя капитана Кидда вводит читателя в подлинную атмосферу пиратских подвигов и зарытых на острове таинственных сокровищ. Точно так же, как и рассказы Джона Сильвера — сподвижника Флинта — и других действительно существовавших джентльменов удачи приносят в повествование особую достоверность. Иными словами, историко-бытовому и географическому фону Стивенсон придавал немалое значение, стремясь свой вымысел представить в виде подлинного события.

Какие же другие факты стоят за страницами книги Стивенсона? Что помогало ему сделать вымысел правдоподобным, укоренив его в реальности?

Помимо книг о пиратах, Стивенсон проявлял интерес к жизни знаменитых английских флотоводцев. Незадолго до того, как приступить к своему роману, он написал довольно большой очерк «Английские адмиралы», который был опубликован в 1878 году в журнале «Корнхилл мэгэзин», а спустя три года, в апреле 1881 года, частично в «Вирджинибус пьюериск».

В этом очерке речь шла о таких «морских львах», как Дрейк, Рук, Босковен, Родни. Упоминает Стивенсон и адмирала Эдварда Хоука. Того самого «бессмертного Хоука», под началом которого якобы служил одноногий Джон Сильвер — едва ли не самый колоритный и яркий из всех персонажей «Острова сокровищ».

По его словам, он лишился ноги в 1747 году в битве, которую выиграл Хоук. В этом же сражении другой пират, Пью, «потерял свои иллюминаторы», то есть глаза. Однако, как выясняется, все это сплошная неправда. Свои увечья и Долговязый Джон Сильвер, и Пью получили, совершая иные «подвиги», занимаясь разбойничьим промыслом под черным флагом знаменитых капитанов Флинта, Ингленда и Робертса.

Кстати сказать, имена пиратов, которые действуют в романе Стивенсона, в большинстве своем подлинные, они принадлежали реальным лицам. Так, второй

боцман на «Эспаньоле» Израэль Хэндс в свое время был штурманом у пирата Черная Борода и участвовал в бунте против капитана, получив при этом ранение. Томас Тью или Дью, английский пират, превратился в Пью, который погиб у трактира «Адмирал Бенбоу», был вызван к жизни и снова умер в пьесе «Адмирал Гвиней», написанной У. Хенли, другом Стивенсона. Столь же реален и Дарби Макгроу, которого призывает голос «синерожего пьяницы» Флинта, — матрос, на чьих руках он умер, опившись рома.

Небезынтересно и такое совпадение: свою рукопись Стивенсон вначале подписал «Джордж Норт» — именем подлинного капитана пиратов. Начиная свою карьеру этот флибустьер корабельным коком на капере, потом был, как и Джон Сильвер, квартирмейстером, а затем уже главарем разбойников. Когда его судно на пути к Мадагаскару перевернулось, погибли все, кроме него и негритянки, которую он спас, позже женившись на ней (жену-негритянку имел и Джон Сильвер). Впрочем, возможно, имя «Джордж Норт» под рукописью Стивенсона — это всего лишь намек на его северное, шотландское происхождение.

Рассказывая историю своего попугая по кличке Капитан Флинт, Джон Сильвер, в сущности, пересказывает свою биографию: плавал с прославленным Инглендом, бывал на Мадагаскаре, у Малабарского берега Индии, в Суринаме, бороздил воды «Испанского моря», высаживался на Провиденсе, в Пуэрто-Белло. Наконец, разбойничал в компании Флинта — самого кровожадного из пиратов.

Его корабль «Морж», говорит Долговязый Джон, был насквозь пропитан кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну. Почему Флинту так долго везло в пиратском промысле? Потому что он ни при каких обстоятельствах не менял названия своего «Моржа». В этом, по мнению Долговязого Джона, главный залог успеха. Этому правилу твердо следовал и Ингленд, плававший на «Кассандре».

Тот, кто изменял поверью, рано или поздно становился добычей рыб. Именно поэтому погибли, как считал суеверный Джон Сильвер, Бартоломью Робертс и его люди (очерк о нем есть в этой книге). Долгое время этот, как его прозвали Благочестивый пират, отличался привычкой переименовывать свои корабли: «Жемчуг» в «Королевский Джеймс», «Веселое Рождество» в «Фантазию», «Питербороу» в «Победу».

В ожесточенном сражении с английским фрегатом, настигшим судно

Робертса, пираты потерпели поражение. Не спасли их ни храбрость, с которой они сражались, ни мужество командира. Робертс был сражен осколком ядра, большинство его соратников попали в плен. Их всех до единого повесили на мысе Кост-Касл, на Золотом Береге.

Среди казненных оказался и ученый — хирург, который ампутировал ногу Джону Сильверу. (Не тот ли это второй доктор, о котором автор сообщал У. Хенли в письме, написанном в первые дни работы над рукописью? Видимо, этот второй доктор по первоначальному замыслу должен был бы играть в романе более заметную роль).

Правда, Стивенсон не назвал имени этого хирурга, который «учился в колледже и знал всю латынь наизусть», но известно, что это был Питер Скадемор из Бристоля. Он плывал на судне «Мерси» и был захвачен Робертсом.

Обычно, попав в плен, доктор — личность необходимая и уважаемая пиратами — не подписывал с ними никакого договора об оказании им помощи.

Доктор, отказавшийся подписать договор с пиратами, оставлял себе возможность избежать виселицы. Считалось, что помощь, которую он оказывал преступникам, — это его долг, так сказать, дело профессиональной этики. Собственно, так и поступает в романе Ливси, заявляя Джону Сильверу, что как доктор он должен лечить раненых мятежников, несмотря на то что его жизнь подвергается опасности.

Что касается Питера Скадемора, то он не только не отказался подписать договор с пиратами, но и хвастался тем, что первым из своих коллег пошел на это. В своем письме к судьям он, однако, пытался оправдаться, объясняя, что перешел к пиратам с целью образумить разбойников, и отнюдь «не желая быть повешенным и сушиться на солнышке». Слова эти повторяет и одноногий Джон Сильвер в конце своего рассказа о судьбе ученого-хирурга.

Откуда Стивенсон мог узнать о примкнувшем к пиратам враче Питере Скадеморе? Да все из той же книги Ч. Джонсона, где приводится его история. Естественно, возникает вопрос: а не отсюда ли перешел к Стивенсону и сам одноногий Джон Сильвер?

Исследователь творчества писателя Гарольд Ф. Уотсон не сомневается в этом. Он напоминает, что Джонсон в своем сочинении рассказывает о многих пиратах с одной ногой. В том числе о Джемсе Скирме, получившем увечье в

последнем сражении Робертса (и отказавшемся покинуть судно, когда уже не осталось никаких шансов на победу), о голландце Корнелио и французе Жамба де Буа — оба по прозвищу Деревянная Нога — или о Джоне Уолдоне, также лишившемся ноги в бою. Стоит напомнить, что и адмирал Бенбоу, именем которого назван трактир, где начинается действие романа, был одноногим моряком.

Наконец, у Долговязого Джона имелся еще один прототип. На него указал сам автор. В письме, датированном маем 1883 года, Стивенсон писал: «Я должен признаться. На меня такое впечатление произвели ваша сила и уверенность, что именно они породили Джона Сильвера в «Острове сокровищ». «Конечно, — продолжал писатель, — он не обладает всеми теми достоинствами, которыми обладаете вы, но сама идея покалеченного человека была взята целиком у вас».

Кому было адресовано это письмо? Самому близкому другу писателя, одноногому Уолтеру Хенли, рыжебородому весельчаку и балагуру.

Не так просто было автору решиться вывести своего приятеля в образе опасного авантюриста. Конечно, это могло доставить несколько забавных минут: отнять у своего друга, которого очень любил и уважал, его утонченность и все достоинства, не оставив ничего, кроме силы, храбрости, сметливости и неистребимой общительности.

Однако можно ли, продолжал спрашивать самого себя Стивенсон, ввести хорошо знакомого ему человека в книгу? Но подобного рода «психологическая хирургия», по его словам, — весьма распространенный способ «создания образа». И автор «Острова сокровищ» не избежал искушения применить этот способ. Благодаря этой «слабости» писателя и появился на свет Долговязый Джон — самый сильный и сложный характер в книге.

Пинос или Рум

...Который день «Эспаньола» продолжала на всех парусах и при попутном ветре свое плавание.

...снасти были новы, и ткань крепка была,
и шхуна, как живая, навстречу ветру шла...

Стивенсон писал по выработанной привычке, лежа в постели, и, едва поднявшись с нее, продолжал писать, несмотря на вечное недомогание, страдая от

кашля, когда голова кружилась от слабости. Это походило на поединок и на подвиг — творчеством преодолевать недуг. Тем горше было думать, что и в этот раз его ждет поражение и что новую книгу опять не заметят. Неужто череда неудач так и будет преследовать его, ставшего уже главой семейства, успевшего лишиться здоровья, но не умеющего заработать и двухсот фунтов в год?

Эти горькие раздумья отражаются на фотографии, сделанной Ллойдом. Писатель сидит за рабочим столом, плечи укрыты старым шотландским пледом — в доме сыро и зябко. На минуту, оторвав перо от листа бумаги, Стивенсон задумался. Может быть, он думает вовсе не о своей писательской судьбе, а о лодочных прогулках в открытом море, о плавании на яхте в океане, о походах под парусами по бурному Ирландскому морю. В голубой дымке он видит очертания холмов солнечной Калифорнии, где не так давно побывал, золотистые, стройные, как свечи, сосны, буйную тропическую зелень и розовые лагуны. Он любил странствовать и считал, что путешествия — один из величайших соблазнов мира. Увы, чаще ему приходилось совершать их в своем воображении.

Вот и сейчас вместе со своими героями он плывет к далекому острову, на котором, собственно, никогда и не был. Впрочем, так ли это? Верно ли, что и сам остров и его природа — лишь плод фантазии писателя?

Если говорить о ландшафте Острова сокровищ, то нетрудно заметить у него общее с калифорнийскими пейзажами. По крайней мере, такое сходство находит мисс Анна Р. Исслер. Она провела на этот счет целое исследование и пришла к выводу, что Стивенсон использовал знакомый ему пейзаж Калифорнии при описании природы своего острова, привнеся тем самым на страницы вымысла личные впечатления, накопленные во время скитаний. А сам остров? Существовал ли его географический прототип?

Когда автор в «доме покойной мисс Макгрегор» читал главы своей повести об отважных путешественниках и свирепых пиратах, направившихся в поисках клада к неизвестной земле, вряд ли он точно мог определить координаты Острова сокровищ. Возможно, поэтому мы знаем об острове все, кроме его точного географического положения.

«Указывать, где лежит этот остров, — говорит Джим, от имени которого ведется рассказ, — в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которые мы не вывезли оттуда». Эти слова как бы объясняли

отсутствие точного адреса, но отнюдь не убавили охоты некоторых особенно доверчивых читателей отыскать «засекреченный» писателем остров.

По описанию это тропический оазис среди бушующих волн. Но где именно? В каком месте находился экзотический остров — мечта старого морского волка Билли Бонса, одноногого Джона Сильвера, отважного Джима Хокинса и благородного доктора Ливси? Книга ответа на это не дает.

Однако, как утверждает молва, Стивенсон изобразил вполне реальную землю. Писатель якобы имел в виду небольшой остров Пинос. Расположенный южнее Кубы, он был открыт Колумбом в 1494 году в числе других клочков земли, разбросанных по Карибскому морю. Здешние острова с тех давних времен служили прибежищем пиратов: Тортуга, Санта-Каталина (Провиденс), Ямайка, Эспаньола (Гаити), Невис.

Не последнее место в числе этих опорных пиратских баз занимал и Пинос. В его удобной и скрытой гавани можно было спокойно подлатать судно, залечить раны, полученные в абордажных схватках, запастись пресной водой и мясом одичавших коз и свиней. Тут же, вдали от посторонних глаз, обычно делили добычу. И нетрудно представить, что часть награбленных ценностей оседала в укромных уголках острова.

Отсюда чернознаменные корабли выходили на охоту за галионами испанского «золотого флота», перевозившего в Европу золото и серебро Америки. Флаг с изображением черепа и костей господствовал на морских путях, пересекающих Карибское море, наводил ужас на торговых моряков, заставлял трепетать пассажиров.

Словно хищники, покинувшие свое логово, легкие и быстрые одномачтовые барки и двухмачтовые бригантины и корветы пиратов преследовали неповоротливые и тихоходные громадины галионов. Стоило одной из таких посудин с командой до четырехсот человек отбиться от флотилии, как, казалось, неуязвимый для пушечных ядер корабль (их строили из очень прочного филиппинского тика и дерева молаве) легко доставался пиратам.

Трудно было противостоять отчаянным головорезам, идущим на абордаж. Добыча оправдывала такой риск. Не тогда ли и выучился попугай Джона Сильвера кричать «Пиастры! Пиастры!», когда на его глазах пиратам сразу достались, шутка сказать, триста пятьдесят тысяч золотых монет?! Со временем в

руках пиратов, особенно главарей, скапливались огромные богатства. Положить их в банк они, естественно, не смели, возить с собой тоже было рискованно. Вот и приходилось прятать сокровища в земле острова Дуба, на Кокосе, в недрах Ротэна и Плама, Мона и Америи.

Вполне возможно, что зарыты они и на Пиносе, куда заходили самые знаменитые из рыцарей легкой наживы! Вот почему издавна остров этот, словно магнит, притягивает кладоискателей. Неизвестно о находках в его земле, зато из прибрежных вод подняли немало золотых слитков и монет с затонувших здесь когда-то испанских галеонов. Считается, что на дне около Пиноса все еще покоится примерно пятнадцать миллионов долларов.

Сегодня на Пиносе в устье небольшой речушки Маль-Паис можно увидеть, как уверяют, останки шхуны, будто бы весьма похожей на ту, которую описал Стивенсон. Корабельный остов, поросший тропическим кустарником, — это, можно сказать, один из экспонатов на открытом воздухе здешнего, причем единственного в мире, музея, посвященного истории пиратства.

Впрочем, слава Пиноса как географического прототипа стивенсоновского Острова сокровищ оспаривается другим островом. Это право утверждает за собой Рум — один из островков архипелага Лоос, по другую сторону Атлантики, у берегов Африки, около гвинейской столицы. В старину и здесь базировались пираты, кренговали и смолили свои корабли, пережидали преследование, пополняли запасы провианта. Пираты, рассказывают гвинейцы, наведывались сюда еще сравнительно недавно. В конце XIX века здесь повесили одного из последних знаменитых флибустьеров.

Сведения о Руме проникли в Европу и вдохновили Стивенсона. Он-де довольно точно описал остров в своей книге, правда, перенес его в другое место океана, утверждают жители Рума.

Сокровища, спрятанные морскими разбойниками, искали безрезультатно. Но ценность острова Рум отнюдь не в сомнительных кладах. Его предполагают превратить в туристский центр, место отдыха для гвинейцев и зарубежных гостей.

Вера в то, что Стивенсон описал подлинный остров (а значит, подлинно и все остальное), со временем породила легенду. Сразу же, едва были распроданы 5600 экземпляров первого издания «Острова сокровищ», прошел слух, что в книге рассказано о реальных событиях. Естественная достоверность вымышленного

сюжета действительно выглядит как реальность, ибо известно, что «никогда писатель не выдумывает ничего более прекрасного, чем правда».

Поверив в легенду, читатели, и прежде всего искатели приключений, начали буквально одолевать автора просьбами. Они умоляли, они требовали сообщить им истинные координаты острова — ведь там еще оставалась часть невывезенных сокровищ. О том, что и остров, и герои — плод воображения, не желали и слышать.

— Разве можно было все эти приключения выдумать? — удивлялись одни.

— Откуда такая осведомленность? — вопрошали другие. И сами же отвечали: — Несомненно, автор являлся непосредственным участником поисков сокровищ.

— Уж не был ли Стивенсон пиратом?

— Да что говорить, не иначе как лично причастен к морскому разбою.

Так «легенда о Стивенсоне» превратилась в «дело Стивенсона». Отголоски этой сенсации нет-нет да и дают о себе знать и сегодня.

В наши дни миф о «темном прошлом» Стивенсона попытался возродить некий Роберт Чейзл. Этот «литературовед» заявил, что Стивенсон отнюдь не то лицо, за которое выдает себя в опубликованных письмах и дневниках, что он — «фигура загадочная, зловещая на небосклоне европейской литературы». Свое заявление автор подтверждает «фактами», якобы разоблачавшими «вторую жизнь» писателя.

На вопрос, почему Стивенсон так хорошо был осведомлен о пиратах, Чейзл, не задумываясь, отвечает: из личного опыта. Свое первое знакомство с морскими разбойниками он свел году этак в 1876-м в Марселе. Здесь прошел первую школу на контрабандном катере, научился владеть навигационными приборами. Здесь же принял посвящение, своеобразный обряд, который «навек» соединил его с тайным и грязным миром.

Однако вопреки обещанию Чейзл не приводит ни одного документа, факта, подтверждающего измышления. Его рассуждения — плод чистой фантазии. В этом же духе продолжает он громоздить один вымысел на другой.

Еще в конце семидесятых годов восемнадцатого столетия Стивенсон будто бы оказался на пиратском бриге капитана Файланта, напоминающего «негодяя и знаменитого пирата по имени Тийч» из его романа «Владелец Баллантрэ». Как и

в этом романе, на судне происходит бунт. Во главе мятежных матросов — Стивенсон. Захватив власть, он несколько месяцев плавает в районе Антильских островов и Юкатана, занимаясь пиратским промыслом. Матросы беспрекословно подчиняются Джеффри Бонсу, как теперь себя называет Стивенсон.

Случайно от Файланта он узнает, что тот, плавая под флагом известного Дика Бенна, вместе с ним зарыл на острове в устье реки Ориноко сокровища на сумму более миллиона долларов. Известие это меняет все планы Стивенсона. С несколькими единомышленниками он бежит с судна, прихватив карту с координатами острова, как вскоре выяснилось, ложными.

С этого момента началась для Стивенсона полоса неудач. Его спутники, ничего не обнаружив под означенными координатами, решили, что «Джеффри Бонс» их обманывает, замышляя сам захватить всю добычу. Пришлось бежать. С невероятными трудностями Стивенсон добрался до цивилизации и начал обычную, известную всем его биографам жизнь. Однако с тех пор он постоянно страшился преследований со стороны бывших дружков, особенно одного из них — одноногого Хуана Сильвестро, капитана пиратского судна «Конкорд». Между будущим писателем и этим капитаном существовала тайная переписка. Якобы расшифровав ее, Чейзл и поведал миру о своем «открытии».

Надо ли говорить, что выдумки Чейзла ничего общего не имеют с истиной и рассчитаны на дешевую сенсацию...

«Эспаньола» встает на якорь

Как-то однажды под вечер стены тихого бремерского дома огласились криками. Заглянув в гостиную, Фэнни улыбнулась: трое мужчин, наряженные в какие-то невероятные костюмы, возбужденные, с видом заправских матросов горланили старую пиратскую песню.

Пятнадцать человек на Сундук мертвеца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!..

Пей и дьявол тебя доведет до конца.

При взгляде на то, что творилось в комнате, нетрудно было понять, что наступил тот кульминационный момент, когда литературная игра приняла, можно сказать, материальное воплощение.

Посредине гостиной стулья, поставленные полукругом, обозначали что-то

вроде фальшборта. На носу — бушприт и полный ветра бом-кливер, сооруженные из палки от швабры и старой простыни. Раздобытое в каретном сарае колесо превратилось в руль, а медная пепельница — в компас. Из свернутых трубкой листов бумаги получились прекрасные пушки — они грозно смотрели из-за борта. Не ясно только было, откуда взялась «старая пиратская песня», известная лишь команде синерожего Флинта.

В самом деле, что за «Сундук мертвеца»? Причем тут пятнадцать человек? И вообще, откуда пришла на страницы романа «Остров сокровищ» эта «старая пиратская песня», которую поет сам Билли Бонс? Не тот ли это матросский сундук, как поначалу думал герой повествования Стивенсона юный Джим Хокинс, в котором Билли Бонс прятал карту острова с указанием, где зарыт клад? Оказывается, ничего подобного. В таком случае, что же означают эти два слова?

Сундук мертвеца — небольшой островок на пути к Пуэрто-Рико, размером в несколько квадратных километров. На нем нет питьевой воды, лишь ящерицы, змеи и птицы. Когда-то свирепый пират Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода высадил на этот клочок земли пятнадцать взбунтовавшихся матросов. Каждому милостиво оставил по сабле и бутылке рому в расчете, что смутьяны перебьют друг друга или помрут от голода и жажды. К его удивлению, когда он через месяц снова зашел на остров, все пятнадцать были живы и здоровы. Название этого острова Стивенсон встретил в книге «Наконец», принадлежавшей Ч. Кингсли — писателю, также оказавшему на него, как он сам отметил, некоторое влияние. А дальнейшее было делом писательской фантазии. Стивенсон сам сочинил эту «старую пиратскую песню» про пятнадцать человек на острове «Сундук мертвеца. (Мне показалось, что эти два слова как бы вобрали в себя всю пиратскую романтику. Вот почему я и назвал так книгу, которую вы держите в руках.)

Но тогда, во время игры в пиратов, ни один из ее участников, ни Ллойд, ни сэр Томас, ничего не знали о происхождении песни, которую распевали. Они были уверены, что ее горланили головорезы Флинта. Стивенсон, лукаво улыбаясь, подтягивал им. Зачем разрушать иллюзию, пусть хоть песня будет подлинной.

Никто не спорил, когда распределяли роли. Ллойд с полным основанием исполнял обязанности юнги, сэр Томас, нацепив шляпу и перевязав глаз черной лентой, стал похож на Долговязого Джона, на долю же Льюиса выпало

поочередно изображать остальных персонажей своей книги.

И все же без дебатов не обошлось. Увлеченные игрой в путешествие «Эспаньолы» и приключениями ее экипажа, они яростно спорили о нравах и обычаях пиратов, их жаргоне и вооружении. Нетрудно было заметить, что все они, в том числе и Стивенсон, находились в состоянии чуть ли не восторженного отношения к морским разбойникам. С той лишь разницей, что если Ллойд отдавал предпочтение «благочестивому» Робертсу, считая его незаурядным мореходом, то старому Стивенсону был больше по душе Генри Морган, хотя и безжалостный головорез, тем не менее отважно сражавшийся с испанцами, смельчак из породы настоящих «морских львов», благодаря которым Англия и стала «владычицей морей».

Двое взрослых и мальчик всерьез обсуждали преимущества абордажного багра перед топором и копьем. Или, скажем, каков должен быть запас пороха для двенадцатифунтовой пушки, где лучше хранить мушкетные заряды, фитили и ручные гранаты. Спорили и по поводу изображений на пиратском флаге. Один считал, что чаще всего на нем красовались устрашающие череп и кости («Веселый Роджер»). Другой доказывал, что столь же часто на черных стягах встречались человек с саблей в руке (морской разбойник), трезубец или дракон, песочные часы, напоминающие о быстротечности жизни (а проще говоря: лови момент). Иногда, не мудрствуя лукаво, просто писали слово «фортуна».

Те же изображения выбирали для татуировки, в качестве амулетов суеверные пираты использовали ракушки и кусочки дерева. Какие напитки предпочитали они: ром или арак, пальмовое вино или смесь из морской воды и пороха? Это тоже являлось предметом обсуждения.

Одним словом, Стивенсон жил в мире героев рождавшейся книги. И можно предположить, что ему не раз казалось, будто он и в самом деле один из них. В этом сказывалось его вечное стремление к лицедейству, жившее в нем актерство. Многие отмечают эту особенность писателя — соответственно нарядившись, исполнять перед самим собой ту или иную роль. Здесь Стивенсон выступал как бы последователем теории творчества своего любимого Кольриджа: поэт должен уметь вживаться в чужое сознание и полностью перевоплощаться в своего героя.

Но ведь такая способность художника приносит и великое счастье, и

великую боль. Разве Бальзак умер не оттого, что был замучен поступками своих вымышленных героев? А Флобер? Больше всего он боялся «заразиться взаправду» переживаниями своих персонажей, испытывая в то же время огромное наслаждение «претворяться в изображаемые существа». Точно так же Э.-Т.-А. Гофман, когда творил образы своих фантазий и ему становилось страшно, просил жену не оставлять его одного. Над порожденными собственным воображением героями обливался слезами Ч. Диккенс, мучился Г. Гейне и страдал Ф. Достоевский. Они были актерами в самом подлинном смысле этого слова в окружении огромной и пестрой толпы созданных ими образов.

Мечтатель Стивенсон щедро наделял себя в творчестве всем, чего ему недоставало в жизни. Часто прикованный к постели, он отважно преодолевал удары судьбы, безденежье и литературные неудачи тем, что отправлялся на крылатых кораблях мечты в безбрежные синие просторы, совершал смелые побеги из Эдинбургского замка, сражался на стороне вольнолюбивых шотландцев. Романтика звала его в дальние дали. Увлекла она в плавание и героев «Острова сокровищ».

Теперь он жил одним желанием, чтобы они доплыли до острова и нашли клад синерожего Флинта. Ведь самое интересное, по его мнению, — это поиски, а не то, что случается потом. В этом смысле ему было жаль, что А. Дюма не уделил должного места поискам сокровищ в своем «Графе Монте-Кристо».

Под шум дождя в Бремере было написано за пятнадцать дней столько же глав. Поистине рекордные сроки. Однако на первых же абзацах шестнадцатой главы писатель, по его собственным словам, позорно споткнулся. Уста его были немые, в груди — ни слова для «Острова сокровищ». А между тем мистер Гендерсон, издатель журнала для юношества «Янг фолкс», который решился напечатать роман, с нетерпением ждал продолжения. Но творческий процесс прервался. Стивенсон утешал себя: ни один художник не бывает художником изо дня в день. Он ждал, когда вернется вдохновение. Но оно, как видно, надолго покинуло его. Писатель был близок к отчаянию.

Кончилось лето, наступил октябрь. Спасаясь от сырости и холодов, Стивенсон перебрался на зиму в Давос. Здесь, в швейцарских горах, к нему и пришла вторая волна счастливого наития. Слова вновь так и полились сами собой из-под пера. С каждым днем он, как и раньше, продвигался на целую главу.

И вот плавание «Эспаньолы» завершилось. Кончилась и литературная игра в пиратов и поиски сокровищ. Родилась прекрасная книга, естественная и жизненная, написанная великим мастером-повествователем.

Некоторое время спустя Стивенсон держал в руках гранки журнальной корректуры. Неужели и этой его книге суждено стать еще одной неудачей? Поначалу, казалось, так и случится: напечатанный в журнале роман не привлек к себе ни малейшего внимания. И только когда «Остров сокровищ» в 1883 году вышел отдельной книгой (автор посвятил ее своему пасынку Ллойд), Стивенсона ждала заслуженная слава. «Забавная история для мальчишек» очень скоро стала всемирно любимой, а ее создателя — РЛС — Роберта Льюиса Стивенсона — признали одним из выдающихся английских писателей. Лучшую оценку в этом смысле дал ему, пожалуй, Р. Киплинг, написавший, что творение Стивенсона — «настоящая черно-белая филигрань, отделанная с точностью до толщины волоска».

ШАНСИЛАУ, или ВСТРЕЧИ КАМОЭНСА С ПИРАТАМИ

Изгнание

С моря силуэт сегодняшнего Макао (Аомынь) выглядит вполне современно — над городом возвышаются громады многоэтажных зданий. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным внешнее его своеобразие. Проявляется оно прежде всего в обилии католических церквей и старинных зданий, построенных в западном стиле, напоминающих о четырехсотлетнем господстве португальцев на этом клочке азиатской земли.

Впрочем, немало здесь и процветающих буддийских храмов. В остальном же облик Макао типично китайский: скопление лачуг, всякого рода лавочек и мастерских мелких ремесленников. В китайских кварталах на улочках оживленно и шумно. Особенно многолюдно в этих районах бывает в дни традиционных праздников. Туристические бюро всячески рекламируют красочные карнавалы с причудливыми масками, иллюминацией и множеством танцующих.

Надо сказать, что туристская индустрия развивается в Макао чрезвычайно быстро. Многих привлекают сюда прежде всего игорные дома. Местные казино битком набиты состоятельными гостями из Западной Европы, США, Австралии и Юго-Восточной Азии.

На рекламных проспектах — богатые отели, шикарные лимузины и улыбающиеся красотки. Здесь и катера на подводных крыльях, доставляющие пассажиров из Гонконга, новый паром, курсирующий в бухте Чжуцзянкоу между Макао и Гонконгом, золотые пляжи и, наконец, двухкилометровый мост, соединяющий остров Тайпа с Макао.

Но где же одна из главных достопримечательностей Макао — знаменитый грот Камознса, в котором, по преданию, великий поэт прожил не один месяц? О нем в проспекте для туристов сказано весьма кратко. Не говорится и о том, каким образом поэт оказался на юге Китая, за тысячи миль от родной Португалии. Восполним этот пробел и обратимся к его биографии. Она тем более поразительна, что певец Лузитании побывал здесь, по представлениям тогдашних европейцев, на краю света, у самой восточной каймы «бахромы мира», в середине XVI века!

Сегодня на двух разных континентах земного шара воздвигнуты памятники Камознсу. На его родине, в Лиссабоне, монумент был сооружен в 1867 году. Тысячи людей собрались тогда на открытие статуи. И не случайно другой памятник Камознсу находится в далеком Гоа — бывшей португальской колонии в Индии.

Камознс, по праву занимающий достойное место в одном ряду с такими великими гуманистами, как Рабле, Сервантес, Шекспир, предстает перед нами на ярком фоне общественно-политической жизни своего времени. Захватнические экспедиции на севере Африки, продолжающаяся экспансия в Азии (расширение торговли вплоть до Японии), сооружение грозных фортов и крепостей, кольцом охвативших Индийский океан, создание огромного флота для борьбы с пиратами — все это закрепляло господство португальцев, способствовало обогащению короля и его окружения.

Для эпохи Камознса характерны также борьба «туземцев» против колонизаторов, сражения на море с пиратами — как называли тогда всех, кто пытался вести собственную, не зависящую от португальских пришельцев торговлю, — внедрение инквизиции и первые аутодафе. свои особенности имели нравы и быт колоний, главным образом Золотого Гоа — столицы Португальской Индии.

Молодые годы Камознс провел в Коимбрском университете — одном из

старейших и по тем временам лучшим в Европе. Тогда (до укоренения в стране иезуитов) это был культурный центр, где получали образование в духе эпохи Возрождения.

В Коимбре находилась одна из крупнейших в Европе библиотек, и молодой Луиш пользовался ее сокровищами. И сегодня это хранилище поражает своими размерами, выглядит как храм знаний. Огромные, украшенные резьбой по дереву шкафы, заполненные редчайшими изданиями, возносятся к потолку, покрытому уникальными росписями.

Юный Камознс рос под строгим присмотром своего дяди дона Бенту — приора монастыря святого Креста и одновременно канцлера университета,

Помимо университета в Коимбре находились колледжи святого Жоана и святого Августина, а также колледж Всех святых. Выпускникам этих учебных заведений присуждали степень лиценциата, магистра искусств, доктора литературы или бакалавра латыни.

Видимо, Камознс окончил курс в колледже Всех святых, являвшемся в то время, по существу, факультетом университета, где обучались дети обедневшей знати. Преподавали здесь грамматику, риторику и диалектику. Латынь Луиш знал с детства — сам дон Бенту занимался с племянником. Это было тем более важно, что к тому времени мода изъясняться на латыни буквально охватила королевский двор. Некоторые дамы доходили до того, что использовали латынь как повседневный разговорный язык наравне с испанским. На испанском же говорили потому, что португальская королева была родом из Кастилии и при дворе обретались многочисленные испанцы, неспособные прилично выучить португальский. Да и португальские вельможи, приближенные королевы, старались говорить на ее языке. По той же причине им прекрасно владели поэты и писатели.

Жаждающий знаний, юный Камознс постиг премудрости классической латыни, испанского и итальянского языков, изучил античную литературу, юриспруденцию, философию, историю, географию. И вот в 1542 году, окончив учебу, будущий поэт покидает Коимбру. Путь его лежит в столицу тогдашней португальской империи.

В Лиссабоне он попадает в придворную атмосферу интриг, лести и зависти. Ему предстояло испытать измену друзей, пережить клевету и людскую

неблагодарность. К тому же, на свою беду, Луиш влюбился.

О предмете его страсти спорят вот уже несколько столетий. Кто была та, которую так пылко любил поэт и воспел в своих стихах? Точного ответа на вопрос, кто же вдохновлял лиру поэта, пока еще не нашли. Известно лишь, что это была молодая особа знатного происхождения и что Камознса удалили из столицы «из любви к придворной даме».

Приказ об отстранении от двора был для Камознса как гром среди ясного неба. Ему дали всего несколько часов на сборы, столь поспешно он был вынужден покинуть Лиссабон.

Он очутился в селении Белвер, на берегу Тэжу, там, где река течет в теснине среди высоких гор. Здесь он провел три года, с 1546-го по 1549-й.

Ссылка кончилась. Однако вспомнили правило, согласно которому «не дозволялось молодым дворянам находиться при дворе без того, чтобы они побывали в Африке и вернулись оттуда с доказательством своей храбрости».

Да, он не был на севере Африки, где португальцы еще со времен Генриха Мореплавателя, вели нескончаемые войны с маврами, и теперь ему предстояло туда ехать.

Во время стычки с маврами Камознсу осколком ядра повредило глаз. Существовала также версия, что он лишился глаза в результате несчастного случая.

Как бы то ни было, поэт получил неожиданное освобождение. Он вернулся в Лиссабон с черной повязкой, прикрывающей пустую глазницу, не отбыв в Африке положенных двух лет.

Камознс всецело отдался работе над поэмой, в которой хотел рассказать о первооткрывателе морского пути в Индию Васко да Гаме, о подвиге соотечественников, их стычках с пиратами и туземцами. «Хочу воспеть знаменитых героев, которые с португальских берегов отправлялись по неведомым морям, — провозгласил он в первых строфах своего сочинения. — Пусть все средства, какими обладают искусство и гений, помогут осуществлению этой великой мечты!»

Вдохновляемый любовью к отчизне, он намерен описать «великие деяния своих знаменитых предков — славу народа», рассказать о прошлом Португалии, нарисовать как бы историческую картину ее развития. Замысел этот волновал его

воображение еще со времен учебы в Коимбре. Теперь же он чувствовал, что ему под силу создать нечто величественное. Вот только бы увидеть собственными глазами земли далекой Индии.

Судьба пошла ему навстречу.

В четверг 16 июня 1552 года по улицам Лиссабона двигалась процессия Тела Господня — манифестация, на которую собрались чуть ли не все жители города. В одной из узких улочек, ведущей к городским воротам святого Антония, стоял и Луиш де Камознс.

Когда процессия проходила мимо поэта, случилось непредвиденное. Два незнакомца в плащах и масках внезапно напали на всадника, ехавшего впереди религиозного шествия. Камознсу показалось, что нападавшие — его друзья, и он бросился им на подмогу, не подумав о последствиях своего шага. К тому же он еще и ранил всадника. Люди в масках растворились в толпе. Его же арестовали и заключили в тюрьму Тронку.

Оказалось, что Камознс посмел поднять руку на самого королевского конюшего Гонсалу Боржеса. Уже одно это заслуживало серьезного наказания. Если учесть также, что нападение совершилось «в присутствии в городе короля», — его сочли преступлением против королевской власти. Этого было достаточно, чтобы отправить поэта на плаху. Невольно напрашивается мысль: не была ли эта уличная стычка предательской ловушкой, специально кем-то подстроенной?

Восемь месяцев, пока разбиралось его дело, провел поэт в тюрьме, где узники содержались в условиях, хуже которых были только застенки инквизиции. Камознса бросили в мрачное подземелье, и никакие просьбы и посулы не помогали. Единственное, на что пошли строгие тюремщики, это разрешили ему писать при свече.

Во время заточения ему удалось прочитать одну книжку. Издана она была в январе 1552 года в Коимбре двумя типографами Жоаном Баррейрой и Жоаном Алваришом и называлась «История открытия и завоевания португальцами Индии», Автор книги — Лопеш де Каштаньеда — до того как обосноваться при Коимбрском университете странствовал на Востоке, был солдатом, пиратом, участником многих битв и походов. Но книга эта всего лишь литературный источник тех событий, о которых Камознс собирался писать. Необходимы были личные впечатления.

К счастью, друзья не оставили его в беде. Благодаря их хлопотам удалось получить от короля письмо-прощение. В этом документе, «дарованном» Камознсу доном Жоаном III, говорилось, что «Луиш Ваз де Камознс, сын Симана Ваза, рыцаря дворянина при моем дворе, жителя этого города Лисабона, сообщил мне, что, как говорится в его петиции, он заключен в тюрьму Тронку этого города из-за того, что обвинен в нападении и ранении моего приближенного... в то время как я находился в этом городе с моим двором и сопровождающими меня рыцарями».

Но поскольку раненый поправился и не получил увечья, король решил простить «бедного юношу». «Такова моя воля и желание» — объявлял монарх свою милость. Правда, король поставил одно неперемное условие. Камознсу надлежало внести четыре тысячи рейс на сооружение Арки сострадания и немедленно покинуть Португалию — отплыть в Индию с первой же армадой, которая отойдет от берегов Тэжу, то есть через шестнадцать дней, поскольку время было уже намечено: конец марта 1553 года.

Где удалось раздобыть четыре тысячи рейс — сумму немалую, — об этом история умалчивает. Известно лишь, что штраф в виде пожертвования был срочно внесен, о чем свидетельствует квитанция, выданная писцом Алешандре Лопешом.

Решение короля поэт воспринял скорее с радостью, чем с огорчением. Сама судьба посылала его туда, куда он стремился. Индия! Ему предстоит проделать тот же маршрут, что и Васко да Гаме, увидеть мыс Доброй Надежды, малабарский берег, посетить Гоа, где сражался еще его дед Антат де Камознс.

Таковы обстоятельства, предшествовавшие путешествию Камознса на Восток. Началось долгое странствие, которое, вопреки первоначальному условию, продлится без малого двадцать лет.

По следам конкистадоров

Армада состояла из пяти кораблей. Правда, в последний момент перед отплытием на одном из них вспыхнул пожар, и судно сторело. Очертания оставшихся четырех каравелл смутно вырисовывались сквозь сумрачный свет зимнего утра на гладкой поверхности лиссабонской гавани Рештелу.

Среди покидавших родные берега выделялся солдат с черной повязкой на правом глазу. Он стоял чуть в стороне и, казалось, безучастно наблюдал сцены

прощания. На нем была простая куртка, поверх нее — кожаный жилет, на боку — короткая шпага. Таково было обмундирование, выдававшееся простым воинам, тем, кто добровольно завербовывался сроком на пять лет на службу его величества короля в заморскую колонию Гоа.

Помимо обмундирования, каждый из них получал более двух тысяч рейс, а также надежду при случае разбогатеть. Вот почему желающих принять участие в авантюрах было более чем достаточно.

Одна за другой шлюпки с моряками и солдатами покидали причал и уходили к стоящим на рейде судам. Человек с повязкой на правом глазу, а это был Камознс, продолжал стоять в стороне. И только когда последняя шлюпка готова была отчалить, он, словно очнувшись, с решимостью обреченного направился к ней.

В «Книге заметок о людях, посетивших Индию», своего рода регистрационных списках, в разделе «Военные» мы читаем: «Фернанду Казаду, сын Мануэла Казаду и Бланки Кеймала, жителей Лисабона. Оруженосец. Отправился вместо него Луиш де Камознс, сын Симана Ваза и Аны ди Са. Оруженосец, и он получил 2400 рей, как все остальные».

Иначе говоря, Камознс стал солдатом вместо кого-то. Такая практика тогда существовала. И случалось, что не желавшие подвергать себя риску за определенную мзду находили себе замену.

Как было сказано, в армаде осталось четыре судна. Известны их названия, имена капитанов. Во главе экспедиции стоял главный капитан Фернанду Алвариш Кабрал. Он плыл на флагмане «Сан-Бенту» — «лучшем из всех тогда существовавших». На его борт поднялся и Камознс.

Корабли поставили паруса и медленно двинулись вдоль реки, устремляясь туда, где светлые воды Тэжу, смешиваются с волнами Атлантики.

Хронист Мануэл де Перестрелу записал в своем отчете: «Они отбыли из города Лисабона в Вербное Воскресенье 24 марта указанного года...»

Впрочем, как установили позже? Вербное Воскресенье 1553 года приходилось на 26 марта. Эту дату и следует считать днем отплытия Камознса в Индию. В двадцать восемь лет ему пришлось начинать новую жизнь.

«После того как я покинул эту землю, — напишет он своему другу дону Антану де Норонье, — словно удаляясь в иной мир, я отправил на виселицу

столько надежд, питавших меня до тех пор... Все мне представилось во мраке, и последние слова, которые я произнес на корабле, принадлежали Сципиону Африканскому: «Неблагодарная отчизна, не обретешь костей моих». Не совершив греха, что заставило меня томиться три дня в Чистилище, я подвергся нападению трех тысяч злых языков, гнусных наветов, проклятых инсинуаций, порожденных чистой завистью... Итак, я не знаю, чем мне заплатит Господь, узнав, что я так счастлив избежать стольких уз, что привязывали меня к этой земле, которую меня вынудили покинуть события...»

Какие события имел в виду поэт — мы уже знаем.

Подробного описания плавания армады, на которой был Камознс, не существует. Известно лишь, что в самом начале «произошло событие, заставившее корабли разделиться». Благодаря скудным записям хрониста мы знаем, что ужасная буря, неожиданно налетевшая, рассеяла армаду. Море — олицетворение предательства — подтвердило свою репутацию и на сей раз. Одно судно вернулось в Лиссабон, другое укрылось в ближайшем порту, судьба третьего вообще долгое время оставалась неизвестной. И только «Сан-Бенту», по словам того же Мануэла де Перестрелу, «во много раз превосходящая все остальные в размерах и прочности», благополучно продолжала плавание.

Вначале корабль плыл вдоль североафриканских берегов. Оставив по левому борту Мавританию, где когда-то царствовал мифический Антей и Геспериды возделывали свои сады, «Сан-Бенту» повернул на юг и углубился в просторы безбрежного океана. Позади скрылась Мадейра, прошли знаменитый мыс, который тогда называли Зеленым, и проплыли среди «Счастливых островов», куда «некогда удалились любезные дочери «Геспериды», напишет Камознс, имея в виду Канарские острова.

Это был маршрут, известный тогдашним португальским морякам с тех пор, как три каравеллы Васко да Гамы в 1498 году дошли до заветного малабарского берега в Индии. Завершилась многолетняя эпопея, потребовавшая невероятных усилий и многих человеческих жизней.

Следуя далее вдоль африканского берега, мореходы «Сан-Бенту» плыли мимо страны, «где в изобилии находят металл, составляющий горе и счастье скупого»; в Гвинейском заливе увидели «опознавательные знаки» — на голубом небе силуэты зеленых пальм. Пересекая «жгучую линию, разделявшую мир на

две равные части», то есть экватор, и оказавшись в Южном полушарии, они любят пальмовым островом Сан-Томе.

Преодолев этот рубеж, каравелла отважно устремилась на юг. Когда-то думали, что, если плыть дальше, неминуема встреча с ужасными чудовищами, обитающими в море, или того хуже — каждый будет обращен в пепел или «сварен заживо» в морской пучине.

Чтобы убедиться в этом, современнику достаточно было взглянуть на морские карты той эпохи. Сегодня они кажутся нам, как говорил писатель — мореход Дж. Конрад, «сумасбродными, но в общем интересными выдумками». В те же времена карты читались так, как теперь мы читаем фантастические романы. Об этом однажды написал Оскар Уайльд, мечтавший воскресить искусство лжи и не случайно вспомнивший при этом о прелестных древних картах, на которых вокруг высоких галер плавали всевозможные чудища морские.

Разрисованные пылким воображением их творцов, древних картографов, карты и в самом деле выглядели чрезвычайно красочно. На них пестрели аллегорические рисунки, были очерчены «страны пигмеев», обозначены мифические Острова Птиц, загадочные Гог и Магог, отмечены места, где обитают сказочные единороги и василиски, сирены, крылатые псы и хищные грифоны. Здесь же были указаны области, где будто бы жили люди с глазом посередине груди, однорукие и одноногие, собакоголовые и вовсе без головы.

Создатели этих карт не столько руководствовались наблюдениями путешественников, посетивших дальние страны, создателей ранних глав великого приключения человечества — познания Земли, сколько черпали сведения античных авторов Птолемея и Плиния, следуя за их «географическими руководствами» в описании мира.

Точно так же и рассказы древнегреческих писателей привлекали прежде всего сообщениями о таинственных, мифических странах и чудесах, которыми они знамениты. У Гомера поражало описание страны одноглазых циклопов, а у Лукиана удивляли легенды об «индийских чудесах».

Образы чудес загадочной Индии влияли и на средневековую фантастику. Тогда же начал складываться жанр вымышленного путешествия. Его творцы свои вымыслы о неведомых землях преподносили как достоверные свидетельства очевидцев, а подлинные сведения землепроходцев и мореходов переосмысливали,

бывало, в традиционном ключе, стремясь лишь к тому, чтобы поразить чудесами впечатлительных современников.

Можно представить, как действовали на воображение, пребывавшее в плену тогдашних представлений, «свидетельства» об изрыгающих пламя дьяволах, обитающих в загадочной Индии, где якобы находилось и «Царство пресвитера Иоанна». Следуя легенде, португалец капитан Себастьян Кабот на своей карте поместил эту святую землю обетованную в Восточной и Южной Индии. И не случайно Рабле, в эпоху которого легенда эта продолжала возбуждать всеобщий интерес, писал о предполагаемом сватовстве Панурга к дочери «Короля Индии» пресвитера Иоанна. Намечал автор «Пантагрюэля» и путешествие своего героя в эту страну, где будто бы находился вход в преисподнюю.

Представления о сказочных странах, населенных фантастическими существами, отразились и в творчестве других писателей. Отелло, рассказывая венецианскому Совету о своих скитаниях, о больших пещерах и степях бесплодных, упоминает и об «антропофагах» — людях с «головами, что ниже плеч растут». Легенды о призрачном острове Св. Брандана вдохновляли Т. Тассо при описании садов Армиды в поэме «Освобожденный Иерусалим». Описание «индийских чудес» встречается у Деккера и Бекона, Бен-Джонсона и Флетчера, у других авторов.

В середине XIV века французы и англичане зачитывались списками сочинения сэра Джона Мандевиля, поведавшего о своем поистине необычайном 34-летнем хождении по свету.

Где только не побывал сэр Джон: ступал по земле Кадилья, что к востоку от владений китайского хана, был в «стране пигмеев», видел и описал грифона, засвидетельствовал существование живого «баранца» и сказочной магнитной горы, притягивающей железные части кораблей, что ведет к их гибели, горы, которую после этого тщетно пытались отыскать; наконец, разрешил еще одну загадку — пояснил, что Нил берет начало в раю.

Долго верили этим выдумкам, сразу же переведенным чуть ли не на все европейские языки и оттиснутым в 1484 году только что изобретенным типографским прессом, пока не выяснили, что популярное сочинение — мистификация. Автором ее оказался некий Жан де Бургонь, бельгийский врач и

математик. Было установлено, что он всего-навсего ловкий компилятор древних и средневековых авторов, искусно повторяющий за ними были и небылицы.

Еще в XVIII веке современники Свифта были уверены в реальном существовании тех стран и народов, о которых рассказывал капитан Гулливер. Эту уверенность разделяли и в отношении Утопии — страны, описанной Т. Мором, и даже намечали послать миссионеров на остров Тапробана (Цейлон), где, кстати говоря, предполагали заодно обнаружить и город Солнца, придуманный Т. Кампанеллой. Так же как на Бермудских островах со временем будут пытаться найти шекспировскую скалистую «державу Просперо».

Этот небольшой экскурс показывает, какой дерзкой отвагой надо было обладать, чтобы решиться выйти в море и пуститься в плохо изведанные морские просторы. Плавания Колумба, Васко да Гамы, Магеллана были все равно что в наш век полеты в космос. Это всегда был подвиг, ибо риск был слишком велик, а надежды на благополучное возвращение почти никакой. Моряков подстерегали многие опасности — штормы и бури, голод и болезни, свирепые пираты и стрелы туземцев.

«Сан-Бенту» миновал мыс Доброй Надежды — надежды на то, что отсюда легко достичь желанной Индии. Камознс увидел этот мыс в лучах утреннего солнца. Шторм, разразившийся ночью, кончился. Корабль благополучно обогнул южную точку Африканского материка и вошел в Левантское море, то есть в Индийский океан.

Продвигаясь дальше вдоль восточного побережья Африки на север, моряки «Сан-Бенту», как когда-то спутники Васко да Гамы, увидели на обрывистом берегу белый столб. Это была вежа — «падран», поставленная Бартоломеу Диашом, «предел открытий другого португальского отряда, опередившего нас в этих отдаленных странах», — как сказал Васко да Гама.

Отсюда начинались новые пути, не известные европейцам. И моряки «плыли наудачу, то разбиваемые бурями, то останавливаемые штилем и постоянно окруженные страшными опасностями».

Туземцы, которых приходилось им встречать, производили самое благоприятное впечатление. Камознс с симпатией описывает их гостеприимство, пляски, радушие и доброту. К сожалению, они «не понимали их языка и не имели возможности получить от них какие-либо объяснения о странах, которые искали».

Вскоре добрались до безопасной гавани. Это было весьма кстати, так как начались болезни и самая страшная из них — стробут, то есть цинга.

Многие пали духом. Камознс, которому также довелось все это испытать, пишет: «Тщетно искали мы Индию, переезжая от гавани к гавани; Индия точно убегала от нас... Утомившись надеяться, бесстрашно страдая от голода и жажды, отравленные испортившимися припасами, блуждая под новым небом, температура которого удручала нас, лишенные всякого утешения, мы ждали лишь жалкой кончины вдали от нашего отечества».

Однако утешение все же пришло. Наконец португальцы достигли острова с арабским поселением Мозамбик. А еще через несколько дней, посетив по пути Момбасу, бросили якорь в порту мавританского городка Малинди.

Здесь шейх встретил «Сан-Бенту» не очень дружелюбно, хотя был союзником португальцев с тех пор, как здесь побывал полвека назад со своей армадой Васко да Гама.

Было известно, что в Малинди Васко да Гама заполучил знаменитого кормчего, корифея морской науки того времени, Ахмада ибн-Маджида. Правда, настоящее имя его было тогда неизвестно — его называли просто «мавром из Гузерата», или Малемо Кана, что на языке суахили означает: «малемо» — «знаток морского дела», а «кана» — «звездочет», иначе говоря — «знаток морского дела и астроном». Этот кормчий сыграл едва ли не главную роль в открытии морского пути в Индию.

Пользуясь тем, что в это время года дул попутный юго-западный муссон — необходимое условие для благополучного пересечения океана, — кормчий привел каравеллы Васко да Гамы к заветной цели. 18 мая 1498 года моряки увидели берег. Это была Индия.

Со временем португальцы обосновались в Шауле и Диу, в Каликуте, создали фактории в Кочине, Коилуне, Канануре и многих других местах, большей частью на малабарском берегу. Эти опорные базы в Индии и на восточном побережье Африки, кольцом охватившие бассейны Индийского океана, мощный флот, постоянно находившийся здесь для того, чтобы охранять корабли с товарами от нападения пиратов, сделали португальцев хозяевами района.

Охота за пиратами

Итак, «шесть месяцев ужасной жизни в этом море», как признается Камознс в письме другу, остались позади, под ногами была твердая земля.

Встретили «Сан-Бенту», единственный в том году корабль, прибывший из метрополии, торжественно и радостно, как обычно принимали посланцев с родины, но почести и восторги первых минут быстро прошли, и вновь прибывшие оказались в обстановке далеко не благоприятной.

Когда солдаты, перенесшие многомесячное плавание, сошли на берег, они имели довольно жалкий вид. Многие из них так исхудали, что походили на тени, болели цингой, страдали от других болезней. Одежда износилась и выгорела от солнца и соли. Не было даже денег, чтобы досыта поесть в первый день приезда. Так говорит в своих «Воспоминаниях солдата, сражавшегося в Индии» Родриген да Сальвейра. «Сойдя с корабля и получив свою долю обильнейшего салюта и почестей, тот, у кого не было денег или друзей и родственников, нередко первую ночь после приезда должен был спать на папертях в церквях или на судне, стоявшем в гавани пустым, и чувствовал он себя таким бедным и несчастным, словно после долгих странствий по морю попал во вражеский стан.

Чтобы как-то поддержать себя и не умереть с голоду, приходилось нести в заклад плащ и шпагу. Расселяли обычно солдат в хижинах по четверо или шестеро, где они и жили, худея и хирея от голода, так что многие под конец заболевали и умирали».

Предоставленные самим себе, презираемые местными жителями, эти несчастные были хуже «бессловесной скотины в этом славном Гоа».

К счастью Камознса, в Гоа у него оказалось много добрых друзей и почитателей и даже некоторые его родственники.

Придя в себя и отдохнув, Камознс начал знакомиться с жизнью колонии. К этому времени Гоа называли не иначе как Золотым Гоа. И в самом деле, это был один из богатейших городов мира, центр заморской восточной португальской империи. Здесь красовались дворец вице-короля, дворец архиепископа и королевского совета. Город был застроен красивыми зданиями. А храмы и монастыри всех орденов такие же великолепные, как в Лиссабоне.

Характеризуя экономическое положение колонии, Родриген да Сальвейра продолжает в своих воспоминаниях: «Здесь не производят почти ничего из продуктов сельского хозяйства, необходимых для жизни. Тут есть только скот,

куры, козы и голуби; почва пустынна, бесплодна и камениста, не пригодная для агрокультуры... так что все необходимое для питания доставляют из Салсете, Бардеса и прежде всего с твердой земли».

Гоа был местом оживленной торговли. Ежедневно, кроме праздников, перед началом мессы на главной улице, названной Прямой, открывался рынок, именовавшийся аукционом. Там же торговали рабами. Говорили, что сама земля от слез несчастных стала соленой. По масштабам работорговли Гоа уступал лишь двум городам — самому Лиссабону, где распродавали невольников, привозимых со всех концов колониальной империи, и Алжиру, где пираты издавна сбывали захваченный ими живой товар.

Однако напомним, что Камознс прибыл в Гоа в качестве солдата. Это значило, что его ждали военные экспедиции, и прежде всего против местных пиратов, от которых не было спасения торговым судам. И вскоре Камознс поднимается на борт судна, чтобы принять участие в морском походе против одного непокорного местного властителя — короля Шембе, более известного под прозвищем Король Перца. Он давно мешал португальцам в их торговле пряностями, пиратствовал, перехватывал корабли, доставлявшие в Кочин перец и другие ценившиеся тогда специи, откуда их перевозили в Португалию.

Затем армада двинулась на север, где португальцы в районе Персидского залива намеревались настичь и уничтожить давно допекавшего их пирата Али-Шелоби. Корабль, на котором плыл Камознс, посетил города Ормуз и Москате, избородил Аравийское море. Во время погони за другим знаменитым пиратом Сафаром Камознс оказался на мысе Гвардафуй, на восточном берегу Африки. Здесь он стал свидетелем гибели от болезней (тифа, а возможно, чумы) многих своих соотечественников, навсегда оставшихся в этом пустынном и зловещем месте, «где зверь не рыщет, птица не летит», где он был обречен «на долгий, скорбный плен».

Так в беспрестанной погоне за пиратами, в стычках с ними прошло два года. Камознсу оставалось по условиям контракта служить еще три. Сидеть без дела солдату тогда не приходилось. Алчные колонизаторы, порядком истощив и разграбив индийские города, где они имели фактории и крепости, выискивали новые источники обогащения. И захватнические экспедиции следовали одна за другой.

Однако простые солдаты, которые мало что приобретали во время походов, всячески увиливали от службы и частенько накануне отплытия судна исчезали, предпочитая жить в нищете, зато в безопасности. Некоторые с большей охотой самовольно шли в наемники, особенно стрелки и артиллеристы, которым восточные владыки, постоянно враждовавшие между собой, платили прилично.

Случалось, что португальцы сражались против португальцев, выступая на стороне местных царьков или пиратов. На дезертиров устраивались облавы, их сажали в тюрьмы, в цепях отправляли на корабли, но ничто не могло остановить солдат, которых ни за что заставляли рисковать жизнью. Многие предпочитали нищенствовать и воровать, нежели помогать обогащаться своим командирам.

Поскольку солдат не хватало, Камознсу пришлось отправиться еще в одно плавание. На этот раз по новому для него маршруту — в сторону Молуккских островов, или, как их тогда называли, Островов пряностей.

Это была полувоенная, полоторговая экспедиция, во главе которой стоял капер-купец Франсишку Мартинш, обладавший специальной лицензией короля на торговлю со всем Дальним Востоком, о чем говорит в своих «Странствиях» Мендеш Пинту — мореход и пират.

Камознсу довелось побывать в Малакке, на острове Тернате (здесь ему пришлось участвовать в подавлении бунта португальского гарнизона, и он был ранен), на островах Банда, Тимор и других, где у португальцев имелись опорные базы. Наконец, в 1557 году Камознс оказался в Макао. Видимо, он попал сюда, на юг Китая, вместе с кораблем Франсишку Мартинша.

Новая встреча с пиратами

В ту пору Макао был пустынным полуостровком, соединенным с сушей узкой полоской земли. Здесь нашли себе пристанище пираты. Особенно славился среди морских разбойников Шансилау, сильно досаждавший китайцам. Они обратились к португальцам, которые обосновались рядом, на островах Саншан. Как раз в это время Шансилау осадил Кантон.

«Тогда местные мандарины, — рассказывает об этих событиях современник, а возможно, их свидетель, — обратились к португальцам, у которых находились корабли в Саншане; те пришли на помощь Кантону и заставили пирата снять осаду; они одержали полную победу над пиратом, которого пресле-

довали вплоть до Макао, где он покончил жизнь самоубийством. Китайский император, узнав о помощи португальцев Кантону, был очень признателен и подарил им Макао».

С 1557 года португальцы начали базироваться на Макао, получив новый опорный пункт для растущей торговли и борьбы с пиратами. Друг поэта и его почитатель Гарсиа да Орта, известный в свое время ботаник и врач, писал о торговле с Китаем: «Товары, получаемые оттуда, следующие — серебряные изделия и посуда, богато позолоченная, шелк-сырец и ткани, золото, медь, другие металлы, фарфор, который иногда стоит столько, что в два раза дороже серебра».

Неудивительно, что, выступая в роли посредников в торговле Китая с Западом и получая огромные барыши, португальские купцы всеми способами стремились закрепиться на китайской земле и обезопасить себя от бесчинств морских разбойников. Именно потому они с готовностью встретили предложение покончить с пиратом Шансилау. Есть основание предполагать, что в операции по его уничтожению принимал участие Франсишку Мартинш. Если это так, то Камознс, несомненно, был в этом походе, поскольку по контракту он все еще находился на военной службе у короля.

Это объясняет, почему Камознс попал в Макао. Возникает, однако, вопрос, что заставило его находиться здесь почти десять месяцев? Ответ следует искать в климатических условиях этого района и в особенностях навигации. Обычно отплывали из Гоа в Малакку весной, в апреле. Здесь некоторое время дожидались наступления муссонов и тогда плыли в Макао. Там в течение девяти месяцев или немногим больше ожидали попутных ветров, которые отнесли бы корабли к берегам Японии. И снова несколько месяцев приходилось ждать попутного ветра, чтобы вернуться в Макао, а оттуда в Гоа. Таким образом, на путешествие туда и обратно уходило три года.

Из этого следует, что Макао был важным пунктом на пути следования «корабля серебра и шелка», как называли судно, совершавшее рейс из Малакки в Японию и обратно: туда везли шелк, оттуда — серебро.

Когда Камознс высадился в Макао, португальцы жили на берегу бухты. Они ютились в жалких хижинах, подле складов с товарами, и никакой защиты от пиратов еще не было, кроме нескольких пушек, снятых с кораблей, да личных аркебузов. Со временем, лет через двадцать, тут возведут форты и бастионы,

вырастет город.

Камознс, склонный к уединению, предпочел поселиться в гроте на вершине горы, севернее бухты. Это место и сегодня одно из достопримечательностей Макао. С возвышенности была хорошо видна китайская деревушка, а дальше, в море, среди волн бухты Чжуцзянкоу, на противоположной стороне которой расположен Кантон, отчетливо просматривались два небольших острова — Тайпа и Колоан.

Тем временем истек срок контракта. Камознс наконец был свободен. Но чтобы выбраться из захолустного Макао, надо было дожидаться из Японии «корабля серебра и шелка», с которым он мог бы вернуться в Гоа.

Пока поэт коротал дни в гроте, в поселке о нем начали распространять небылицы. Поселенцы, люди грубые и ограниченные, все помыслы которых были сосредоточены на презренном металле, нетерпимо отнеслись к человеку, который презирал их общество, не захотел жить среди них. Они стремились вытолкнуть из своей среды гордого пришельца. Камознса оклеветали. Губернатор, не сочтя необходимым вникнуть в дело, приказал взять его под стражу и отправить в Гоа.

Из бухты Макао очередной «корабль серебра и шелка» вышел сразу же по окончании сентябрьских штормов. В качестве арестанта на борту его находился опальный поэт.

Во время плаванья недалеко от дельты Меконга корабль попал в жестокий шторм. Спасаясь от разъяренной стихии, судно попыталось укрыться в устье реки, но затонуло. Камознсу удалось доплыть до берега и спастись.

Случай этот обернулся красивой легендой. Будто он плыл, одной рукой рассекая волны, а в другой держал, подняв над головой, рукопись своей знаменитой поэмы. Возможно, легенда эта родилась из самой поэмы «Лузиады», где рассказывается о «певце Португалии, который будет искать на берегах Меконга со своими стихами приюта, весь измоченный пенящимися волнами».

Легенда эта вдохновила многих поэтов и художников. И, пожалуй, чаще всего Камознса изображали в стихах и на картинах в момент спасения — на берегу с рукописью в руках.

Несколько месяцев поэт провел на земле Камбоджи. Но ничто не радовало его: ни радушный народ, ни плодородные поля и красивые города. Все труднее стало преодолевать чувство тоски по родине. К этому добавлялась обида за

несправедливое гонение, жертвой которого он стал.

Как удалось Камознсу добраться до Малакки, а оттуда до Гоа, неизвестно. Видимо, он нанялся на какой-то португальский парусник, поскольку на торговых судах всегда должен был находиться вооруженный гарнизон для защиты от пиратов.

Снова в тюрьме

В начале лета 1561 года Камознс возвратился в Гоа, где его тут же заключили в тюрьму.

Вице-король Гоа дон Конштантину де Браганша, человек грубый и жестокий, не удосужился разобраться в обвинениях, выдвинутых против Камознса.

К счастью для Камознса, правление Конштантину де Браганши оказалось недолгим. Когда в сентябре 1561 года власть перешла к дону Франсишку Коутанью, друзьям Камознса удалось доказать, что он стал жертвой подлого оговора, и его освободили.

Выйдя из тюрьмы, Камознс продолжал работу над поэмой. Готовые главы читал друзьям, советовался. Особенно ценную информацию он получал от Гаспара Коррейи, знаменитого автора книги «Легенды Индии», хорошо осведомленного о проникновении португальцев в Азию. Он внес некоторые уточнения в сочинение Камознса. Другим, кто оказал помощь автору, был не менее известный хронист Диогу де Коуту.

Вообще, надо сказать, Камознс был знаком со многими известными людьми своей эпохи. Особая дружба во время пребывания в Гоа связывала его с выдающимся ботаником и медиком Гарсиа да Ортой, которому Камознс помог издать его книгу о лекарственных растениях Индии.

Дело это, как ни странно, было нелегкое. В Гоа царили нетерпимость и религиозный фанатизм. Обстановка особенно накалилась, когда в 1561 году был учрежден трибунал инквизиции, и вскоре церковь послала на огонь свою первую жертву, бакалавра медицины Жеронимуша Диаша. С этих пор аутодафе в Гоа (отличавшиеся особым великолепием и беспримерной жестокостью) стали постоянными. Инквизиция преследовала и душила каждое живое слово, тем более научные труды, основанные на материалистических взглядах.

Книги, признанные еретическими, бросали в огонь нередко вместе с их авторами. В частных библиотеках и в книжных лавках устраивали обыски, чтобы «выловить» запрещенные издания (к тому времени уже существовал «Индекс запрещенных книг», составленный инквизиторами по поручению папы Павла IV).

Не надеялся увидеть свой труд опубликованным и Гарсиа да Орта. Тогда Камознс обратился к вице-королю, которого хорошо знал, с просьбой предоставить ученому привилегию и издать его опус, на что тот и дал разрешение.

Приблизительно в это же время пришло известие, что в Малакке убит выдающийся хронист Гаспар Коррейя. Он пал от руки наемного убийцы, посланного, как считали, губернатором доном Эстеваном да Гамой, правнуком знаменитого мореплавателя. В Гоа погибли, умерли от заболеваний многие другие друзья Камознса. Он чувствовал себя одиноким, жизнь в Золотом Гоа ему опостылела.

Заняв двести крузадо, Камознс отплыл в Африку, откуда было легче добраться до Лиссабона. Однако в суровом Мозамбике, как называет его Камознс, он оказался в новом изгнании и нищете. Если здесь он и завтракал, то не обедал, а если удавалось поужинать, то завтрака ждать было бесполезно. Он питался скудным подаванием, которое из сострадания, как милостыню, подавали ему.

Неизвестно, сколько времени провел бы Камознс в Богом забытом Мозамбике, если бы не случай. Однажды в гавань вошел корабль, на котором возвращался в Лиссабон дон Антан де Норонья, бывший вице-король и добрый знакомый поэта. Друзья, а их оказалось немало на прибывшем судне, организовали подписку и собрали необходимые двести крузадо, чтобы Камознс расплатился с кредиторами.

В ноябре 1569 года он покинул Мозамбик.

Разрешение короля

И вот сбылась мечта поэта — он увидел горы Синтры, с которыми расстался семнадцать лет назад. Это случилось в начале апреля 1570 года.

Столица встретила мореходов тревожным колокольным звоном. Так оповещали о смерти. В городе свирепствовала чума. Чтобы сойти на берег, необходимо было разрешение короля. Спустя пару дней оно было получено, и Камознс ступил на родную землю.

Обезлюдивший Лиссабон мало походил на веселый и шумный город тех времен, когда его покинул Камознс. Город словно вымер: страшная эпидемия унесла почти всех его жителей, особенно, конечно, бедняков, которые не могли укрыться в загородных поместьях. «Черная смерть» уносила в день по пятьсот человек. Кладбищ не хватало, в могилах хоронили сразу по 30—50 трупов. Но освященной земли было мало, и тогда, как говорится в старинной рукописи, стали освящать горные склоны, оливковые рощи, побережье, чтобы зарывать там мертвецов. Доставлять же к месту погребения умерших заставляли преступников, за что им смягчали наказание.

К счастью, эпидемия пошла на убыль, и вскоре Камознс мог заняться тем, что его занимало прежде всего: изданием поэмы «Лузиады». Но как добиться разрешения короля на публикацию, а главное, как обойти основное препятствие — церковную цензуру? Действовать открыто — значило потерпеть неудачу, хотя бы потому, что тщеславный и заносчивый семнадцатилетний король дон Себастьян, прозванный «Желанным», питал неприязнь к любой просьбе, с которой к нему обращались.

Требовалось найти человека, приближенного короля, с мнением которого тот бы считался. Дон Себастьян был столько же непокорен чужой воле, сколь непоследователен в собственных деяниях.

События, происходившие в стране, мешали сосредоточиться на духовной жизни и должным образом оценить «грубую песнь», как называл сам поэт свое творение. Однако, вопреки ожиданиям, поэма произвела впечатление на многих, кто с ней успел познакомиться до опубликования.

Таким человеком стал знатный вельможа Педро де Алкасова Корнейра. На вопрос, в чем, по его мнению, недостаток поэмы, он ответил: «Она слишком длинна, чтобы выучить ее наизусть, и слишком коротка, чтобы ею пресытиться». Ему удалось убедить дона Себастьяна, что книга подобного рода будет способствовать осуществлению его замыслов. На гравюрах нередко изображали поэта, читающего свою поэму королю. Это маловероятно. Однако португальские биографы не сомневаются: Камознс преподнес монарху экземпляр поэмы с надписью, в которой предрекал молодому монарху многие победы.

Камознс действительно верил в счастливую звезду дона Себастьяна. Он был убежден, что король, с виду решительный и отважный, откроет для своего

народа новую эру величия и славы. Ослепленный этой одной лишь видимостью, поэт, как, впрочем, и многие другие его соотечественники, не увидел, что кроме напыщенных поз и театральных жестов у короля не было за душой ничего. В сущности, слабый и бессильный, одержимый манией величия, он безрассудно пускался в рискованные военные авантюры, тяжелым бременем ложившиеся на плечи народа. Дон Себастьян бесславно погибнет в африканских песках в 1578 году.

Впрочем, это произойдет восемью годами позже, а пока что с помощью нехитрой уловки монарха превратили в покровителя великого поэта, который, в свою очередь, не замедлил воспеть своего благодетеля за покровительство его вдохновению. После этого не составляло особого труда миновать порог церковной цензуры.

Так и получилось. Назначенный цензором фрай Бартоломеу Феррейра вынес положительное решение. После заключения цензуры рукопись ушла в типографию. И в начале лета 1572 года поэма вышла в свет. На обложке издания было написано: «Лузиады Луиша де Камозэнса. Королевская привилегия. Напечатано в Лиссабоне с дозволения святой инквизиции, в доме Антониу Гонсалвеша, печатника».

Затем последовало королевское повеление о выплачивании пенсионера в пятнадцать милрейс на срок в три года Луишу де Камозэнсу, «пробывшему долгие годы в различных частях Индии» и рассказавшему об этом «в книге, написанной об индийских делах».

Наконец после стольких лет лишений и упорного труда Камозэнс испытал радость успеха. Со всех сторон на него сыпались поздравления и похвалы, поэты славили его в стихах. Очень скоро известность его перешагнула границы Португалии. Им восхищались современники — Эррера в Испании, Тассо в Италии, Ронсар во Франции. Поэму перевели на испанский и французский языки (позже она выйдет почти на всех европейских языках).

Другие сочинения Камозэнса, стихи и пьесы, лежали без движения. Они увидели свет лишь много лет спустя, после его смерти.

Когда, где и при каких обстоятельствах умер поэт? Много позже установили, что Камозэнс скончался 10 июня 1580 года в возрасте пятидесяти пяти лет, видимо, от чумы.

Жертвы эпидемии хоронили в огромных рвах на склоне холма святой Аны. В братской могиле на этом холме покоится и прах Камознса.

МАДАМ ВОНГ, или ПИРАТЫ НАШИХ ДНЕЙ

В начале XX века пиратство, казалось, уже не представляло опасности для мореплавания. Случались, правда, отдельные нападения на торговые суда, но массовый характер морской разбой утратил. В начале двадцатых годов было зафиксировано несколько нападений на мирные суда.

Подверглись нападению каботажное судно «Солвикен», его капитан был убит. На корабле «Анкинг» пираты застрелили вахтенного офицера и унтер-офицера, тяжело ранили капитана. С кораблем «Саньнамхой» им повезло меньше. Около тридцати пиратов пытались захватить его, но капитан Спарк оказал отчаянное сопротивление. Он лично вступил в бой с непрошеными гостями, стрелял по ним из автоматического пистолета. Когда же увидел, что их не одолеть, пошел на хитрость — подал сигнал сиреной и изменил курс. Пираты подумали, что капитан увидел канонерку, подает ей сигнал, и обратились в бегство.

В 1924 году было совершено четырнадцать пиратских нападений, в 1925-м — семнадцать. Известен случай, когда в 1952 году во главе морских разбойников, действовавших в Средиземном море, стоял американец Пэйл.

В пятидесятых годах наблюдался разгул пиратства в Тайваньском проливе. Нападению подверглись английские торговые суда «Сент-Джорж», «Геликон», «Гленовен», «Инчалва», «Розита». Капитан последнего был убит. Доходило до того, что пираты использовали даже самолеты для захвата торговых судов.

В декабре 1965 года около ста пиратов захватили греческое судно «Аэкос». В мае 1968 года двадцать пять пиратов напали на пассажирский паром, который шел из порта Замбоанга, расположенного в девятистах километрах к югу от Манилы на Филиппинах. Пираты вступили в бой с командой парома, один пассажир, оказавший сопротивление, был убит.

В другой раз пираты объявились в самом порту Замбоанга. Со времен знаменитых Дрейка, Моргана и других джентльменов удачи многое изменилось в поведении пиратов, в их вооружении, но методы остались прежними. Вот и на этот раз пиратские барки незаметно проскользнули в порт. Один из барков приле-

пился к высокому борту японского лесовоза «Суэхиро-мару». И когда вахтенный отошел в дальний конец палубы, на противоположной стороне несколько человек перемахнули через борт и скрылись в тени палубных надстроек. Свет прожектора, на секунду осветившего громаду японского судна, ярким бликом сверкнул на вороненой стали оружия, и вновь все погрузилось во тьму. Прошло несколько минут, и непрошенные визитеры ввалились в кают-компанию, где отдыхала команда. Направленные на безоружный экипаж дула автоматов говорили, что сопротивление бесполезно.

Портовые власти были бы несказанно удивлены, если бы видели, как глубокой ночью японский лесовоз «Суэхиро-мару», не зажигая опознавательных и бортовых огней, неожиданно снялся с якоря и исчез во тьме...

Давным-давно, как нам казалось, отзвучала команда «На абордаж!», давно истлели черные флаги с «веселым Роджером» и канула в небытие ватага головорезов, увешанных саблями и кремниевыми пистолетами. Их времена прошли. Но тогда кто же так дерзко, под носом у пограничных и таможенных филиппинских властей, завладел японским лесовозом? Да, это были пираты, только вполне современные, вооруженные автоматами и револьверами, готовые на все ради наживы, как и их далекие собратья по ремеслу.

На следующий день с захваченного бандитами судна с двадцатью шестью японскими моряками в качестве заложников на борту в адрес японского посольства в Маниле по радиации была передана радиограмма. Пираты требовали выплатить им в течение сорока восьми часов кругленькую сумму — один миллион песо. В противном случае... Что может быть «в противном случае», владельцы судна знали хорошо. Незадолго до похищения «Суэхиро-мару» филиппинский корабль, груженный копррой, подвергся нападению пиратов и бесследно исчез вместе с командой и грузом.

В соответствии с инструкциями, полученными по радио от похитителей, представитель японской фирмы вместе с деньгами должен был появиться на лодке с белым флагом в трех километрах от захваченного судна и ждать каноэ, которое и заберет выкуп. После этого, как рассчитывали пираты, корабль возвратится в порт, а они сами бесследно исчезнут, чтобы через некоторое время появиться в другом месте, опять похитить очередное судно с людьми и потребовать выкуп.

Однако на этот раз все получилось иначе. Филиппинским военным катерам удалось обнаружить «Суэхиро-мару» в сорока милях к северу от порта Замбоанга и окружить его. Пиратам не оставалось ничего другого, как сдаться.

Что же вдохновляет современных морских разбойников на захват безоружных торговых судов? Конечно, не романтические легенды о бесстрашных флибустьерах. Над их головами реет самый низменный дух наживы, который во все времена толкал морских разбойников на преступления.

Да, современные пираты — это не то что их далекие подельники. Нынешние морские разбойники чаще всего члены международной мафии, промысляющей морским разбоем. Так что, можно сказать, пиратская летопись продолжается. С той лишь разницей, что на смену шхунам и бригантинам под черным флагом пришли быстроходные катера и скорострельные автоматы.

Масштабы морского разбоя сегодня почти столь же впечатляющи, как три века назад. Случается, что в год происходит более четырехсот пиратских ограблений. Только за десять лет в конце XX века в стычках с морскими разбойниками погибло более тысячи моряков. Судоходные компании понесли убытки в миллионы долларов. Есть даже целые акватории, пользующиеся дурной славой из-за частых нападений: по-прежнему это Карибское и Южно-Китайское моря. Именно здесь действовала хорошо оснащенная пиратская шайка под предводительством неуловимой мадам Вонг.

Катера с вооруженными до зубов молодчиками успешно грабили торговые и рыболовецкие суда. Чаще всего нападения совершались в районе Сингапура и в Малаккском проливе — здесь суда идут на малой скорости. Были нападения и на наши корабли. Так, однажды банда китайцев и филиппинцев напала на сухогруз, идущий из Одессы во Владивосток. При этом был ранен второй помощник капитана. Говорили, что нападение совершили люди мадам Вонг.

Но что примечательно — никто никогда не видел эту таинственную мадам. Португальская полиция в Макао предлагала немалую сумму за одну только ее фотографию. Всего лишь за одну фотографию. А тот, кто поймал бы ее, мог назначить свою собственную цену. Власти Японии, Гонконга, Тайваня, Филиппин и Таиланда — всем, кому она особенно досаждала, готовы были заплатить любые деньги, лишь бы избавиться от напасти в лице мадам Вонг.

Эта история началась еще в тридцатые годы XX века, когда ее отец, Вонг

Кунчкит, пиратствовал в Южно-Китайском море. До того как заняться разбойным промыслом, он был китайским чиновником. Его молодая и красивая жена Шан до встречи с ним была танцовщицей в ночном клубе Кантона. Как-то в декабре 1946 года Вонгу стало известно, что к Гонконгу подходит груженная джонка. Он вышел в море на моторной лодке и пошел на абордаж. Но его ждал неприятный сюрприз. Команда джонки, которую он считал уже захваченной, как оказалось, состояла из военных моряков. Бой был недолгим.

Смерть Вонга стала большой сенсацией. Судовладельцы и капитаны вздохнули свободнее. Но, увы, ненадолго.

Два главных приспешника Вонга заявили права на пиратскую фирму. Будто они, а не мадам Вонг — истинные наследники дела и имущества погибшего. С этим и явились к вдове и предложили ей убраться, но женщина просто пристрелила обоих. После чего охотников обсуждать тему о наследстве больше не нашлось.

Местом для своего логова мадам Вонг избрала один из островков близ Гонконга. Отсюда и начала она свои набеги. Причем дело поставила с размахом, по-современному.

Однажды два торпедных катера мадам Вонг, то ли украденные у японцев, то ли купленные у них, остановили португальское судно «Опорто» водоизмещением 4 тысячи тонн, которое шло в Макао. Вся команда из двадцати двух человек была расстреляна тут же на борту. Только одному моряку удалось спастись. Он ухватился за доску от ящика, который пираты выбросили в море, и держался на воде, пока его не подобрал португальский эсминец. Это был, пожалуй, единственный человек, кому довелось воочию лицезреть знаменитую мадам Вонг. Но словесный портрет, составленный на основе его показаний, мало чем помог полиции.

Через полгода контора английского пароходства в Гонконге получила письмо: «Ваш фрахтер, который отплывает 25 августа, будет атакован. Если вы перенесете отправление на другое число, это не поможет. Можете обеспечить безопасность судна, заплатив двадцать тысяч гонконгских долларов».

В письме указывалось, каким образом следует уплатить деньги. И пароходство заплатило их. Это был наипростейший выход. Уповать на помощь военных судов было нельзя — все они были задействованы в войне в Корее.

Другие компании в Кантоне, Макао, Сайгоне и даже Сингапуре получали аналогичные извещения с угрозой и требованием выплаты денег.

Английская морская полиция в Гонконге считала, что доходы пиратов, получаемые таким образом, составляли миллионы долларов ежегодно. Львиная доля доставалась лично мадам Вонг. Ходили слухи, что мадам Вонг часто посещает Макао, Гонконг, Сингапур и даже Токио. Здесь она собирала нужную информацию, встречалась с клиентами и предавалась азартным играм, единственному ее увлечению.

Полиция Макао была, например, уверена, что мадам часто бывает в городе, где в одном из многочисленных казино предается своему любимому пороку — карточной игре или игре в маджонг. Но распознать ее было невозможно. Именно это и заставило португальскую полицию назначить вознаграждение за фотографию Вонг.

Через месяц начальник полиции получил пакет с надписью: «Эти фотографии заинтересуют вас, потому что они касаются мадам Вонг».

Полицейский комиссар с нетерпением вскрыл пакет, вынул фотографии и ужаснулся. На них были изображены разрубленные тела двух человек. Сообщалось, что они были пойманы при попытке сфотографировать мадам.

Приблизительно тогда же пароходной компании Куангси было предложено «покровительство» мадам Вонг за сто пятьдесят тысяч долларов в год. Компания отвергла предложение. Вскоре после этого одно из ее судов было взорвано миной. При этом погибло семнадцать человек.

Летом 1962 года вице-президент Филиппин давал ужин в своем шикарном доме в пригороде Манилы — Кесон-сити. Среди двухсот гостей находилась роскошно одетая женщина — мадам Сенкаку. Весь вечер она провела за игорным столом, делая очень большие ставки. Если проигрывала, сохраняла абсолютное спокойствие, как будто дело шло о проигрыше в несколько долларов. Ее хладнокровие привлекло внимание. Вице-президент спросил: «Вы так спокойно играете и делаете такие большие ставки, как могла бы играть сама мадам Вонг».

— А я и есть мадам Вонг, — спокойно ответила дама. — Сенкаку — мой псевдоним.

Присутствующие вежливо рассмеялись. А через неделю вице-президент получил письмо из Макао: «Благодарю за приятно проведенный вечер. Вонг-

Сенкаку».

Как велика шайка мадам Вонг, было неизвестно. Английские власти в Гонконге считали, что в ней около трех тысяч человек, а португальцы утверждали, что восемь тысяч, да еще многочисленные информаторы. Японцы полагали, что ее флот состоит из ста пятидесяти судов и джонок.

Одно время японцы были близки к тому, чтобы получить очень ценную информацию о мадам Вонг. Ее помощник согласился встретиться с полицейским детективом. Информатор был на условленном месте, как обещал, только с отрезанными руками и вырванным языком. Прожил этот несчастный еще несколько недель, но передать какую-либо информацию так и не смог.

Говорили, что мадам Вонг часто проводит лето на Французской Ривьере, посещает игорный дом в Монте-Карло, где безмятежно предается своей страсти, оставаясь, на удивление, неуловимой.

* * *

Возникает вопрос: пытается ли кто-нибудь остановить растущий морской разбой? Официально морской бандитизм строго порицается. Женевская конвенция от 29 апреля 1958 года определяет пиратство в открытом море как «незаконный акт насилия и хищения (грабежа) со стороны экипажа или пассажиров одного корабля против другого, или лиц, или их имущества, находящегося на борту...».

На деле же гражданские суда оказываются абсолютно беззащитными.

В 1995 году генеральный секретарь Международной морской организации (ИМО) Уильям О'Нил направил всем членам ИМО официальное предупреждение о росте угрозы морского пиратства в мире. Он потребовал от председателя Комитета по безопасности на море и Международного комитета борьбы против пиратства усилить меры по предупреждению и подавлению актов пиратства и вооруженных ограблений судов.

Но помогут ли эти бумажные призывы? Пока что доходы пиратской морской мафии постоянно растут.

ФРЭНСИС ДРЕЙК. МОРСКОЙ ПЕС КОРОЛЕВЫ

Ожившая реликвия

В последнее время вошло в моду оживлять, то есть восстанавливать, корабли, прославившиеся в истории мореплавания. Иначе говоря, давать новую жизнь старинным судам, ставшим реликвиями. Все чаще на морских дорогах можно встретить современные копии доисторических плотов «Ра» и «Кон-Тики», джонку «Тай-Ки», колумбовскую каравеллу «Санта-Мария», поморский коч «Щелья», корабль «Мэйфлауэр», на котором английские пуритане достигли берегов Америки, судно «Резольюшен» Джеймса Кука, совершившего на нем третье кругосветное путешествие.

Не так давно на рейде английского порта Плимут появился трехмачтовый парусник с высокоподнятыми баком и полуютом. Это тоже копия в натуральную величину корабля знаменитого английского морехода — «королевского» пирата Фрэнсиса Дрейка, в XVI веке совершавшего кругосветное плавание на «Золотой лани». В наши дни ее копии предстояло повторить путь, проделанный Дрейком четыре столетия назад.

С восстановлением корабля возникли трудности. Потребовались три года скрупулезной работы в архивах, прежде чем были воссозданы его чертежи. Работу эту выполнил инженер Аристид Наргард. «Золотая лань» оказалась по современным масштабам совсем небольшим судном — длиной 30,5 метра. При строительстве копии использовали те же материалы, что и в XVI веке: киль вырубали из вяза, корпус собрали из дуба, мачты из шотландских сосен. Две каюты оборудовали в стиле той эпохи, а на верхней палубе установили 18 кулеврин (типа пищали), отлитых по музейным образцам. Рядом расставили бочонки с порохом и разложили ядра.

После этого «Золотая лань»-2 могла отправляться в плавание и пройти путем «пирата ее величества». Но в XX веке выйти в море оказалось труднее, чем в XVI обойти Землю. Морская инспекция, осмотрев судно, заявила, что оно не гарантирует безопасности команде. Пришлось срочно доделывать. Поставили еще один движок, разместили спасательные пластиковые плоты, радиостанцию, а на реях укрепили антенну радара... Только после этого было получено разрешение на выход в море.

И вот восемнадцать потомков моряков экипажа Дрейка отправились в плавание. В точности повторив маршрут морехода, обойдя вокруг Земли, «Золотая лань»-2 благополучно возвратилась в родной Плимут.

Давайте и мы совершим плавание в прошлое, пройдем маршрутами знаменитого авантюриста и познакомимся с его исключительной биографией.

Море Мрака

Прежде чем рассказать об одном из самых знаменитых пиратов, личности, можно сказать, выдающейся, мореплавателе под стать Колумбу и Магеллану, напомним о ситуации, которая сложилась на морях во второй половине XVI века. За 70 лет до этого, в 1494 году, между Испанией и Португалией был подписан договор о разделе мира. Согласно этому договору все нехристианские страны, расположенные к западу от линии раздела, то есть к западу от островов Зеленого Мыса, считались владениями Испании, а к востоку — владениями Португалии. Договор этот был «осенен» папской буллой. И выходило, что для английских кораблей мир был закрыт. Это неизбежно вело к смертельной схватке между Англией и Испанией. И она началась.

Молодая английская буржуазия, заинтересованная в колониях, решила сокрушить величие Испании. Для этого все методы хороши, даже привлечение к этой борьбе пиратов. Впрочем, те из них, кто получал от английского короля каперскую грамоту, то есть право нападать на вражеские суда, отнюдь не считали себя пиратами. Когда они возвращались домой, их встречали как героев.

Война между пиратами-англичанами и испанцами была беспощадной и жестокой. Но для пиратов игра стоила свеч: добыча была слишком велика — несметные сокровища, которые испанцы выкачивали из своих колоний в Новом Свете и перевозили на кораблях в Испанию.

К тому времени заморская экспансия двух стран-соперниц, Португалии и Испании, как было сказано, определялась договором между ними. Однако португальцы значительно раньше испанцев начали заморские завоевания.

Первым, кто стал их инициатором был Генрих Мореплаватель — португальский принц (1394—1460), целью жизни которого стало проложить морской путь в Индию. Ради своих дерзких, а тогда едва ли не фантастических планов неутомимый Генрих одну за другой снаряжал армады в сторону Моря

Мрака, как со страхом называли в те времена неизведанные просторы Атлантики. Именно он, Генрих Мореплаватель, в первой половине XV столетия заложил основы будущей колониальной экспансии португальских Конкистадоров. И именно ему довелось «впервые углубить в незнаемый предел торжественный полет тяжелых каравелл...».

Наитруднейшим препятствием был мыс Бохадор — самая южная точка на западном Африканском побережье, известная тогда географической науке. На пути к этому мысу приходилось преодолевать коварные отмели и буруны. Не менее страшными были рассказы об ужасающих чудовищах, обитающих в море за этим мысом, о том, что всякий, кто осмелится пройти мимо Бохадора, непременно обратится в пепел или будет «сварен заживо», и другие суеверия, способные отпугнуть любого смельчака. Когда же каравелла Жила Эаннеша в 1434 году прошла страшный Бохадор, то оказалось, что море за ним несколько не отличается от обычного, а земля покрыта теми же, что и в Португалии, растениями.

Преодолев этот рубеж, португальцы отважно устремились на юг, опровергая древние небылицы, преодолевая страх, так долго закрывающий им путь в Индию. А еще через полвека Бартоломеу Диаш воплотил заветную мечту европейцев: обогнул мыс на самой южной оконечности Африки. Он назвал его мысом Бурь из-за ужасных штормов, которые тогда пришлось выдержать. Но король не принял это название и дал другое, более приятное — мыс Доброй Надежды, то есть надежды на то, что теперь наконец-то будет найдена морская дорога в желанную Индию. Там, верили, обнаружат загадочное «Царство пресвитера Иоанна» — святую землю обетованную и легендарную страну Офир, откуда библейский царь Соломон за три года вывез десять тонн золота, серебра и слоновую кость для храма в Иерусалиме.

Несметные сокровища таинственной страны Офир много веков не давали покоя, будоражили воображение. Золото было тем магическим словом, которое заставляло, рискуя жизнью, преодолевать бурное, коварное море, плыть в неизвестность за несметными сокровищами.

В погоню за ними устремились и испанцы, но их маршруты шли в ином направлении, согласно все тому же договору — на Запад. Магеллан совершил первое в истории человечества кругосветное плавание. Точнее, совершил его Эль-

Кано, сподвижник Магеллана. Сам Магеллан был убит на Филиппинах и домой не вернулся. Однако всемирная слава досталась Магеллану, а на долю Эль-Кано — почести. Сам испанский король даровал ему герб, на котором был изображен земной шар, опоясанный лентой с девизом: «Ты первый, кто обошел меня вокруг».

Испанцы-конкистадоры железом и кровью утверждали свое господство на землях Латинской Америки. Вслед за ними сюда хлынули и другие искатели приключений, желающие быстро разбогатеть. На захваченных землях начали добывать золото, серебро, драгоценные камни. Богатства эти перевозили на кораблях в Испанию. И все чаще становились они добычей пиратов. Главным районом, где действовали морские разбойники, было Карибское море, а базы их располагались на островах Вест-Индии.

Одним из тех, кто стал грозой этого моря, был Фрэнсис Дрейк, личность незаурядная и, можно сказать, легендарная. Будущий знаменитый мореход и королевский пират родился около 1540 года в семье ревностного протестанта. Первым его наставником стал его родной дядя Джон Хоукинс, преуспевающий торговец и судовладелец из Плимута. Не брезговал он и морским разбоем. Дядя охотно взял на борт своего судна юного племянника. И не ошибся в нем. Уже вскоре Дрейк стал капитаном корабля «Юдифь», который вместе с другими судами Хоукинса совершал нападения на испанцев у берегов Америки. Но однажды Хоукинсу не повезло, его корабли попали в засаду и были захвачены. Только «Юдифи» удалось ускользнуть. Дрейк и Хоукинс поклялись отомстить, и через несколько лет Дрейк вернулся к американским берегам.

Это было его первое самостоятельное плавание. Он хотел захватить драгоценности, которые испанцы добывали на рудниках в Перу. Обычно отсюда сокровища морем доставляли в Панаму на Тихоокеанское побережье, а затем на мулах переправляли по перешейку на Атлантическое побережье. Здесь их грузили на корабли, прибывшие из Испании.

Место, где скапливались сокровища в ожидании погрузки на суда, пираты называли «Сокровищницей мира». Добраться до этого вожаделенного места и поживиться мечтали многие. В том числе и Фрэнсис Дрейк. Но от остальных его отличало колоссальное упорство в достижении поставленной цели.

На небольшом барке «Лебедь» Дрейк направился в Карибское море. Цель

экспедиции — панамский перешеек — держалась в строгом секрете. Но пока что это было скорее разведывательное плавание, подготовка к серьезной экспедиции.

Ключи к «Сокровищнице мира»

Через год Дрейк был снова на пути к Панамскому перешейку. Его притягивало сюда словно магнитом. Снарядив два корабля, «Панда» и «Лебедь», Дрейк отважился бросить вызов самому могущественному флоту мира — испанскому. Иначе говоря, он стал капером, или королевским пиратом.

С конца XV века действовал особый способ борьбы с обычными пиратами. Придумал его Генрих VII. Заключался он в следующем. Капитаны кораблей, которые желали на свой страх и риск бороться с морскими разбойниками, получали на это королевскую грамоту. По существу, это был тот же разбой, но «узаконенный». Причем нередко суда для этого снаряжались за счет «пайщиков», которые получали часть добычи. Этим источником дохода не брезговали даже особы королевской крови. Например, сама Елизавета I охотно вкладывала средства в пиратскую фирму Фрэнсиса Дрейка.

В период военных действий грамоты на узаконенный разбой раздавали особенно щедро. Право получить ее, по существу, имел всякий, кто желал вести партизанскую войну на море против кораблей противника, в том числе и торговых. Тех, кого завербовали, именовали каперами ее королевского величества. В число их в эпоху нескончаемых войн с Испанией за колонии англичане вербовали храбрейших из пиратов. Патент на ведение войны против вражеских кораблей имели знаменитые пираты, заслуги которых нередко оплачивались дворянскими титулами. И бывшие флибустьеры — то есть «свободно грабившие», они становились орудием в осуществлении военных планов европейских политиков. Однако случалось, что, прикрываясь каперской грамотой, пират, по существу, оставался морским разбойником, по-прежнему без разбора нападая на чужих и своих. Когда об этом становилось известно, капера объявляли пиратом, а это означало, что в плену его ждала виселица.

На тридцать седьмой день плавания корабли Дрейка вошли в Карибское море и бросили якоря у острова Доминика. Это была первая стоянка с тех пор, как они покинули Плимут. Три дня моряки отдыхали, пополняли запасы пресной воды. Покинув остров, взяли курс на «Порт фазанов», как Дрейк назвал удобную

бухту, где побывал во время прошлого плавания и спрятал запасы продовольствия.

Прибыв в «Порт фазанов», начали строить форт — испанцы находились в ста милях. Здесь к Дрейку присоединился Джеймс Ренс со своим судном и тридцатью членами экипажа. После чего объединенная флотилия двинулась вдоль побережья. По пути им встретились два испанских судна из Номбре-де-Диос с командой из негров. От них узнали, что на город недавно напали мароны — так называли беглых рабов, ставших с некоторых пор внушительной силой. Дрейк решил идти в Номбре-де-Диос и атаковать город.

Перед тем как бросить своих головорезов на штурм, он заявил им: «Я привел вас в «Сокровищницу мира». Если уйдете отсюда без добычи, то вините в этом только себя!» Когда люди Дрейка ворвались в город, они первым делом кинулись к дому губернатора. Здесь, они знали, складывали серебро, которое доставляли на мулах с Тихоокеанского побережья. И действительно, в подвале они обнаружили груды серебра. Это было полдела — главные сокровища хранились в казначейском доме. Вскоре и они оказались в руках пиратов. Но тут случилось непредвиденное. Неожиданно Дрейк упал, из раны в груди хлестала кровь.

Оказалось, что во время штурма его ранило, но он скрывал это, чтобы не «отвлекать» своих ребят. Рану перевязали, и Дрейка отнесли на корабль. Жизнь капитана была им дороже всех сокровищ: без него они не смогли бы вернуться на родину. И как ни было досадно, людям Дрейка пришлось, бросив и серебро, и золото в городе, поспешить на корабль, чтобы врач поскорее оказал помощь капитану. Вся операция по захвату города обошлась без больших потерь: у Дрейка был убит один человек, испанцы потеряли 18.

Выбрав небольшой, удобный островок, корабли Дрейка встали на якорь. Команда отдыхала, чинила суда, запасалась провиантом. А Дрейк продолжал собирать сведения о том, каким образом и по какому маршруту доставляют испанцы из Перу сокровища от города Панама на берегу Тихого океана до порта Номбре-де-Диос на атлантическом берегу.

Подробно ему поведал об этом марон Педро, спасенный им от испанцев. Предстояла решительная схватка за золото. Но этому воспротивилась природа. Начался сезон дождей, и доставка золота из Панамы в Номбре-де-Диос на мулах

прекратилась. Пришлось выжидать не день и не два, а целых пять месяцев. У Дрейка было время поразмыслить и, может быть, даже немного помечтать. Он давно вынашивал идею пройти к Тихому океану по суше через Панамский перешеек. То есть повторить труднейший маршрут, которым в 1513 году прошел знаменитый авантюрист Бальбоа. Он первым из европейцев омочил ноги в водах Тихого океана, который в то время еще называли Южным морем.

Знал Дрейк и о том, что Бальбоа хотел завоевать страну золота, которую туземцы называли «Биру», то есть Перу. Выход к Тихому океану позволил бы Дрейку зайти как бы в тыл испанцам и оказаться в непосредственной близости к месту добычи золота и серебра. Но главной целью его было выйти в Тихий океан на английском корабле и совершить рейд вдоль побережья Перу и здесь перехватить корабли с испанским золотом.

В начале 1573 года Дрейк выступил в поход. С ним было 18 матросов и 25 маронов. Последние служили носильщиками, они добывали и готовили пищу, охотились, выбирали место для лагеря там, где росли овощи и фрукты. Вооружены они были луками и стрелами. Мароны были очень выносливы, могли без отдыха преодолевать большие расстояния, были неприхотливы и сообразительны. Но главное — они знали местность и служили отличными проводниками. К тому же на пути встречались поселения маронов, которые оказывали помощь и гостеприимство.

В одном таком селении, расположенном на склоне холма около реки, спутники Дрейка смогли как следует отдохнуть. В селении было пятьдесят домов, оно было окружено рвом в три метра шириной и обнесено стеной высотой в четыре метра. Вокруг селения находились патрули маронов, чтобы в случае чего предупредить о появлении испанцев.

После однодневного отдыха отряд Дрейка двинулся дальше. Четыремарона шли впереди, двенадцать замыкали колонну. Шли сквозь густой тропический лес, было пасмурно и прохладно.

На четвертый день перехода подошли к огромному дереву. На его вершине находилась построенная маронами деревянная площадка. Когда Дрейк взобрался на нее, перед ним открылась фантастическая картина. С одной стороны, там, откуда он пришел, простиралась вода Карибского моря, с другой — впереди — воды Тихого океана. Зрелище было грандиозное и величественное. Все пережили

незабываемый момент. Еще бы, ведь они были первыми британцами, которые увидели «Испанское море», как называли Тихий океан испанцы, считавшие его своей вотчиной. Дрейк тут же поклялся, что если Всемогуший продлит его дни, то он пройдет на британском корабле по этому морю.

Потребовалось еще несколько дней, чтобы выйти к Панаме. 14 февраля Дрейк и его спутники увидели колокольню, возвышающуюся над городом.

Первым делом Дрейк приказал предводителю маронов Педро переодеть одного из его людей в одежду, которую носили негры в Панаме, и послать на разведку. Надо было разузнать, когда и в какое время караван с ценностями отправится в Вента-Круз, откуда их переправляли в Номбре-де-Диос. Караван из Вента-Круз обычно выходил ночью, так как дорога проходила по открытой местности. Вторую часть пути от Вента-Круз до Номбре-де-Диос проделывали днем, ибо шли под прикрытием густого леса.

Когда марон, посланный на разведку, вернулся, он сообщил важные сведения. Караван из сорока мулов, нагруженных золотом и драгоценными камнями, выйдет из города той же ночью.

Дрейк решил напасть на караван. Он разделил отряд на две группы. Одна спряталась в траве около дороги. Другая расположилась поодаль на противоположной стороне метрах в 100 от первой. План был прост: одновременно напасть на первого и последнего мулов каравана.

Обычно мул-вожак, почуяв опасность, ложился, и все остальные следовали его примеру. Таким образом, караван останавливался. Дрейк сидел в засаде, он был уверен в успехе, и ему казалось, что богатства перуанских рудников уже у него в руках.

В безмолвии тропической ночи слышался звон колокольчиков, которые обычно подвешивают к шее мулов. Перуанские сокровища приближались. Но, как оказалось, это был встречный караван из Вента-Круз с продовольствием и товаром для населения Панама. Когда последний мул из этого каравана поравнялся с сидевшими в засаде, один из матросов Дрейка, будучи пьяным, встал во весь рост и бросился к животному, перепутав караваны. И хотя свои успели остановить матроса, охрана, видимо, что-то заметила.

Дальнейшее развитие событий подтвердило это. Когда второй караван, который и поджидал Дрейк, подошел к месту засады, люди Дрейка напали на

него. Но вместо золота и драгоценных камней в мешках было продовольствие. Что же случилось? Оказалось, что испанцы, предупрежденные охраной встречного каравана, пропустили вперед мулов, нагруженных продовольствием. К тому же они послали гонца в город предупредить об опасности и вызвать подмогу. И действительно вскоре показался конный испанский отряд. Пришлось Дрейку вступить с ним в бой. Между офицером, командиром испанцев, и Дрейком произошел любопытный обмен любезностями.

Офицер: «Кто вы такие?»

Дрейк: «Англичане».

Офицер: «Сдавайтесь во имя короля Филиппа. Даю слово джентльмена и солдата, что я встречу вас со всем почтением».

Дрейк: «Во имя королевы Англии я найду свой путь».

После этого началась стрельба, и одна пуля слегка задела Дрейка. Испанцы стали отступать по дороге к Вента-Круз. И вскоре Дрейк ворвался в город. Но и тут его ожидало разочарование. Никаких сокровищ здесь обнаружить не удалось.

Однако неудача не обескуражила Дрейка, а тем более не поколебала его намерения захватить испанские сокровища. Он решил вернуться к своим кораблям и отныне действовать на море, тем паче что «золотой флот» испанцев еще стоял в Номбре-де-Диос.

На пиннасе «Миньон» — легком парусном и гребном судне типа большой шлюпки — он отправился сюда подстергать испанские корабли. Вторую группу во главе со своим сподвижником Оксенгемом на другой пиннасе «Медведь» отправил добывать продовольствие.

Вскоре Дрейку повезло — он захватил испанский корабль с золотом. От шкипера судна он узнал, что в Веругуа, откуда идет судно, царит паника, вызванная слухами о приближении Дрейка. Шкипер добавил, что город легко взять — он почти не защищен. Дрейк буквально на всех парусах ринулся в Веругуа. Но вопреки тому, о чем сообщил шкипер, Дрейка встретили орудийными выстрелами. Оказалось, что порт неплохо защищен. Пришлось уходить ни с чем.

Зато Оксенгему повезло больше. Он захватил испанский фрегат — новенькое судно, построенное из отличного материала. Когда Дрейк увидел фрегат и оценил его, он сразу же отправился на нем в Номбре-де-Диос.

По пути ему повстречался французский корабль под командованием

капитана Тету, который с готовностью присоединился к англичанам. В знак дружбы француз преподнес Дрейку ценный подарок — золотую шпагу, которая, как он сказал, принадлежала французскому королю Генриху II.

Теперь у Дрейка было четыре корабля — захваченный фрегат, французское судно и большой бот с него, а также одна пиннаса. Дрейк приказал стать на якорь в Рио-Франциско, что в двадцати милях от Номбре-де-Диос, и готовиться к предстоящей операции.

Тем временем он отправил в разведку маронов. Они вернулись и сообщили, что к Номбре-де-Диос идут караваны мулов. На них столько золота и серебра, что людям Дрейка его просто не унести. Всего идет три каравана из ста двадцати мулов. Одно только серебро, которое они везут, весит двадцать пять тонн, не считая золота и драгоценных камней.

На этот раз Дрейку сопутствовала удача. Солдаты охраны быстро разбежались, но во время недолгой перестрелки был тяжело ранен Тету. Каждому досталось столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько он смог унести. Остальное зарыли в землю и поспешили вернуться в Рио-Франциско.

Два дня ушло на то, чтобы дойти до Рио-Франциско. По дороге пришлось оставить капитана Тету — он был очень плох. Его поручили двум матросам. Но когда подошли к Рио-Франциско, увидели, что в бухте хозяйничают испанцы. Корабли Дрейка исчезли. Что было делать? Казалось, положение безвыходное. Но Дрейк не растерялся. По его приказу соорудили плот, на котором он намеревался незаметно проскочить в открытое море, где, возможно, находились его корабли, покинувшие бухту.

Когда плот был готов, несколько человек вызвались участвовать в операции. С ними отправился и Дрейк. Как он и задумал, они сумели незаметно пройти под носом у испанцев. Через несколько часов плавания на плоту удалось обнаружить две пиннасы из кораблей Дрейка. Это была большая удача.

Той же ночью пиннасы скрытно подошли к берегу, где поджидали матросы, оставленные Дрейком. Драгоценности погрузили на пиннасы, и Дрейк приказал разделить добычу поровну. Нескольких человек он отправил на поиски Тету. Те вскоре вернулись и сообщили, что французский капитан убит, а от матроса, отставшего от отряда Дрейка, испанцы узнали, где были зарыты сокровища, и выкопали их. Теперь можно было возвращаться на родину. Удача

сама шла в руки — после короткой стычки Дрейк захватил испанское судно, груженное маисом, курами и свиньями. Этого провианта было достаточно на обратную дорогу.

Прощаясь с маронами, Дрейк спросил Педро, их предводителя, что бы тот хотел получить от него на память. И услышал в ответ: ту самую шпагу Генриха II, которую французский капитан подарил Дрейку. Как ни жаль было расставаться с подарком, пришлось его отдать.

И вот через год и три месяца с начала плавания Дрейк вернулся в Англию. С ним возвратились лишь 40 человек, 34 погибли во время экспедиции.

Вокруг света

Отныне за Дрейком укрепились слава отважного капитана и богача. Правда, остались неизвестными размеры его состояния. Сам же он помалкивал, предпочитая загадочно улыбаться на вопросы о его богатстве. Тем не менее он купил дом в Плимуте, зафрахтовал три судна и, казалось, стал вести жизнь добропорядочного буржуа. Но это только казалось. На самом деле он уже задумал новое плавание.

Его план поддержали сильные мира сего. За то, чтобы отправить военную экспедицию для борьбы с испанцами на море, высказались видные политики. Членами «синдиката», пожелавшими субсидировать экспедицию, стали шестеро членов правительства. Даже сама королева пожелала, правда втайне, участвовать в этой аванюре. Внес солидную сумму и сам Дрейк — целую тысячу фунтов стерлингов, что составило треть всех расходов.

В чем же состоял план Дрейка?

Во время аудиенции у королевы Дрейк изложил свой замысел. Обогнуть Американский континент на юге, то есть пройти путем Магеллана, выйти в Тихий океан и напасть на испанские владения как бы с тыла, где его никто не ждал. Заодно предпринять поиски «Терра Аустралис» — таинственного Южного континента, о существовании которого тогда только догадывались. По тем временам это был действительно дерзкий план. Никому еще после Магеллана не удавалось пройти этим путем.

Начались приготовления к плаванию. Проходили они в глубоком секрете, чтобы испанские шпионы ничего не заподозрили. Только так можно было

обеспечить успех внезапного нападения на испанцев. Был даже пущен слух, что Дрейк собирается плыть в Шотландию. Испанцы поверили, и их резидент доносил в Мадрид, что пират Дрейк готовится к плаванию на север.

А тем временем Дрейк форсировал приготовления к экспедиции. В нее вошли корабли «Пеликан» (100 т), «Елизавета» (80 т) и «Златоцвет» (30 т). Кроме того, в их трюмах в разобранном виде находились четыре быстроходных бота. Были еще два судна — «Лебедь» (50 т) и «Бенедикт» (15 т), груженные запасами продовольствия.

Предусмотрительный Дрейк тщательнее, чем обычно, заготовил сухари и солонину, а также сушеный чернослив, мед и сыр. После того как эти съестные припасы будут съедены, оба судна следовало потопить.

Экипаж на всех судах состоял из 164 человек: офицеры, матросы, солдаты, юнги, а также аптекарь, сапожник, портной, трубач, барабанщик и, конечно, священник, который подробно описал это плавание.

13 декабря 1577 года флотилия Дрейка незаметно покинула Плимут. Никто ничего не заподозрил. Даже членам экипажа было сказано, что они плывут в Средиземное море.

На мостике флагманского судна «Пеликан» стоял невысокого роста, крепкого телосложения капитан: широкие плечи, мощная грудь. Каштановые волосы, острая бородка и усы. Голубые глаза и небольшой улыбчивый рот. Так выглядел адмирал Фрэнсис Дрейк.

Ради точности следует сказать, что называли его так, можно сказать, неофициально. Пока что он не имел этого звания, но и не останавливал тех, кто его так именовал. Не уступал он и знатым вельможам по роскоши в одежде, посуде и убранству корабля. Ему хотелось выглядеть важным аристократом — это, говорил он, ради престижа.

Уже через месяц на пути к мысу Бланко удалось захватить несколько испанских судов. Перегрузив на свои суда все, что было на них полезного и ценного, Дрейк отпустил испанцев. Но один корабль все же задержал, обменяв его на «Бенедикта». Новое судно он назвал «Христофор».

У островов Зеленого Мыса удалось захватить еще один испанский корабль. Самым ценным на нем оказался опытный лоцман да Сильва, прекрасно знавший побережье Бразилии. Сюда и направилась флотилия Дрейка.

Оба они — Дрейк и да Сильва — сразу понравились друг другу. Дрейк ценил знания и мастерство лоцмана, а тот проникся уважением к капитану за то, что он интересовался руководством по навигации, умел читать географические карты и знал в них толк, ценил компас и астрольбию — это первое, что он забирал на захваченных судах. И еще удивил тем, что тщательно изучал книгу о плавании Магеллана.

Десять дней спустя после того, как корабли пересекли «линию раздела» — повторяю, что так тогда называли линию, разделявшую на карте испанские и португальские владения, — показался бразильский берег.

Судовой священник Ф. Флетчер на страницах книги «Кругосветное плавание сэра Фрэнсиса Дрейка» напишет, что он был поражен многообразием малых и огромных тварей в необозримом море. Вопреки древним грекам, считавшим, что в тропиках нет живой жизни из-за невыносимой жары, здесь, по его словам, истинный рай на суше и на море. Ничто не может быть более приятным для жизни человека, чем этот район, продолжает он. И лишь нехватка воды омрачала здесь жизнь.

На подходе к бразильскому берегу, возле устья реки Ла-Плата, внезапно разразилась страшная буря. «Наступила тьма египетская», — пишет Ф. Флетчер. Корабли были на краю гибели, но да Сильве удалось вывести их в открытое море, иначе они разбились бы о скалы или сели на мель.

Когда буря утихла, да Сильва пояснил, что берег, к которому они подошли, называют Землей Дьявола. Такое наименование дали ему португальцы. Когда они впервые высадились здесь и начали жестоко преследовать туземцев, те продали свои души дьяволу. С тех пор стоит им увидеть иноземный корабль, как они начинают бросать в воздух песок. От этого поднимается густой туман, а затем наступает тьма и нельзя отличить небо от земли. Поднимается страшный ветер, идет дождь — и никому нет спасения. Множество судов с тех пор погибло у Земли Дьявола. Вот и в этот раз, видимо, они наслали бурю на пришельцев.

В благодарность за счастливое спасение Дрейк назвал место стоянки своих кораблей в устье Ла-Платы — мысом Радости. Затем он решил подняться вверх по реке и заодно пополнить запасы пресной воды. За это время матросы отдохнули, и можно было продолжать плавание.

Шли вдоль побережья на юг. Неожиданно исчезло судно «Лебедь»,

которым командовал Томас Доути. Несмотря на это, Дрейк упорно шел на юг, к порту Святого Юлиана, где останавливался еще Магеллан. К этому времени Дрейк переименовал своего «Пеликана» в «Золотую лань». Под этим названием судно и вошло в историю мореплавания.

Тем временем нашлось судно «Лебедь». Дрейк приказал его уничтожить, а капитана Доути судить за то, что тот намеревался сорвать экспедицию в угоду кое-кому в Лондоне. И такой суд состоялся. Когда один из офицеров высказал свое сомнение, правомочен ли суд решать вопрос о лишении Доути жизни, Дрейк, как пишет его биограф Дж. Томсон, ответил: «Я и не поручал вам решать этот вопрос. Оставьте его решение мне. Вы должны только определить, виновен он или нет».

Доути признали виновным в заговоре, и он был обезглавлен на берегу в том самом месте, где когда-то Магеллан подавил бунт и расправился с недовольными. Дрейк казнил Доути, скорее всего, из «профилактики», для острастки, — чтобы в зародыше подавить мятеж, который, как ему казалось, зрел на судах. Теперь, думал он, никто не осмелится замышлять недоброе.

Между тем корабли продолжали свой путь на юг. Прошли Патагонию и убедились, вопреки рассказам испанцев о кровожадности ее жителей, что это вполне миролюбивые и приветливые существа. «Они, — записал Ф. Флетчер в своем дневнике, — проявили по отношению к нам большую сердечность, чем многие христиане, большую, чем я нахожу среди многих своих братьев по вере в моей стране».

Туземцы приносили пищу, в том числе и мясо страусов. Флетчер описывает этих невиданных птиц, которые не летают, а бегают, да так быстро, что их трудно поймать. Ловят их исключительно хитростью, заманивая с помощью наряженного в страусовое чучело туземца в ловушку. Флетчер сообщает много всяких сведений, о которых европейцы тогда и понятия не имели.

Но время шло. Уже два месяца стояли корабли без движения. Надо было трогаться в путь. 17 августа 1578 года все три судна снялись с якоря и двинулись к проливу Магеллана. Через три дня показался огромный утес. Это был мыс Девственниц. Здесь был вход в пролив. Извилистый берег, подводные камни затрудняли движение. Корабли буквально ползли меж отвесных скал. Дрейк надеялся на сильное течение, о котором испанцы говорили, будто оно само

увлекает корабли и выносит их в Тихий океан. Но никакого течения он не обнаружил. Это была очередная выдумка испанцев, чтобы запутать конкурентов.

Несмотря на попутный ветер, проход через Магелланов пролив представлял большую трудность. Извилистый берег заставлял то и дело менять направление. Флетчер записал, что с очень высоких, покрытых льдом гор дуют сильные и холодные ветры. Часто они меняют направление — то подгоняют корабль вперед, то отбрасывают его назад. «Но хуже всего было тогда, когда два или три этих ветра дули одновременно с такой силой, что образовывались смерчи, или, как говорят испанцы, торнадо, и начинался страшный ливень. Кроме того, море в проливе так глубоко, что невозможно стать на якорь».

Но на склонах гор, продолжает Флетчер, температура воздуха — как в Англии летом, растут густая трава, цветы, зеленеют деревья. Не обошлось и без встречи с тюленями и пингвинами, что позволило пополнить запасы.

В конце плавания по проливу путь стал еще более извилистым и опасным. По-прежнему дул свирепый ветер. Плыть приходилось среди множества островков, отделенных друг от друга протоками.

Наконец на пятнадцатый день плавания по проливу корабли вышли в Тихий океан. Мечта Дрейка «пройти по этому морю на английском корабле» осуществилась. Дрейк был третьим мореплавателем, кому это удалось со времени плавания Магеллана в 1520 году. В 1525 году пролив прошел испанский капитан Гарсия де Лоайса, а в 1540-м — тоже испанец — Алонзо де Камарго.

Тихий океан встретил пришельцев неприветливо, словно хотел доказать ошибку Магеллана, присвоившего ему это название. «На второй день, — пишет Флетчер, — после выхода в Южное море (некоторые называют его Тихое море, но для нас оно было скорее безумное море), разыгралась такая страшная буря, какой никто из нас не видел». Продолжался этот ужас 52 дня, не ослабевая ни на день, а, наоборот, усиливаясь. Во время этого шторма был потерян из вида «Златоцвет» (корабль погиб на рифах), а затем исчезла и «Елизавета».

Шторм отнес «Золотую лань» далеко на юг. На картах той эпохи к югу от Магелланова пролива был нарисован огромный континент, который называли «Таинственной южной землей». Дрейк невольно установил, что никакого материка не существует, а есть небольшие острова. За ними снова простирается необозримая водная гладь. Иначе говоря, Дрейк достиг мыса Горн. Здесь он и его

спутники высадились на землю, точнее, на голые скалы. Это была, как справедливо записал Флетчер, самая южная из известных земель в мире.

А что стало с «Елизаветой»? Она укрылась от шторма в проливе, а потом ее капитан настоял на возвращении в Англию. Там его судили за дезертирство и приговорили к виселице. Правда, приговор отложили до возвращения Дрейка.

Когда шторм стих, Дрейк вновь устремился на север к берегам Перу. Теперь погода благоприятствовала плаванию. В Южном полушарии наступило лето, океан был тихим, как бы подтверждая, что все-таки Магеллан не ошибся, назвав его так.

По пути, пристав к небольшому островку, Дрейк высадился на берег. Произошла встреча с индейцами, вполне дружелюбно настроенными. Они подавали англичанам фрукты и двух баранов. В свою очередь Дрейк ответил тем же: раздал бусы, цветные нитки, пуговицы и т. п. Все шло хорошо, и Дрейк договорился, что утром следующего дня вернется, чтобы пополнить запасы свежей воды. Индейцы обещали показать место, где можно будет ее набрать.

Когда шлюпка Дрейка с 12 матросами пристала на другой день к берегу, Дрейк приказал двоим отправиться за водой. Не успели они отойти от берега, как их схватили индейцы и куда-то увели. И в тот же миг из зарослей показалось множество индейцев, вооруженных луками. Они обстреляли матросов, у которых были лишь мечи и щиты. Но щиты не защищали, так как индейцы стреляли с близкого расстояния и могли попасть в любую часть тела. Многие были ранены, в том числе и сам Дрейк. Стрела угодила ему в лицо. Пришлось отступить и вернуться на корабль. Как пишет Флетчер, индейцы посылали вслед англичанам тучи стрел, которые буквально «закрыли солнце».

Что же произошло? Почему индейцы сменили дружелюбие на враждебность? По всей видимости, они приняли их за испанцев, которых ненавидели. Так Дрейк объяснил матросам нападение после того, как англичане произнесли по-испански слово *aqua* — вода.

Дрейк, вопреки настойчивым просьбам отомстить, решил не испытывать судьбу и предпочел не связываться с индейцами. Что касается раненых, то лечить их из-за отсутствия доктора пришлось самому Дрейку, кое-что смыслившему в искусстве врачевания.

Через три дня «Золотая лань» бросила якорь в нескольких милях от

испанского порта Вальпараисо. Здесь подготовились к нападению. Через день, рано утром, «Золотая лань» вошла в гавань Вальпараисо. Тут англичане увидели испанский галион «Капитан Мориаль» (120 т).

Это было непростое судно. За десять лет до этого оно было флагманским в эскадре Педро Сармьенто де Гамбоа, открывшим на нем Соломоновы острова. Сейчас знаменитый галион с экипажем 15 человек совершал коммерческий рейс в Перу с грузом вина и золота.

Испанцы нисколько не обеспокоились при виде «Золотой лани». Корабль не вызвал у них ни малейшего подозрения. Они были уверены, что ни одно судно, принадлежавшее другой стране, не может появиться в «Испанском море, то есть в Тихом океане.

Дрейк приказал спустить шлюпку и поплыл с матросами к испанцу. На галионе подняли флаг и забили в барабаны, приветствуя, как они думали, своих. Никого, кроме испанцев, здесь не ожидали. Каково же было их удивление, когда восемнадцать англичан во главе с Дрейком направили на них свои аркебузы и луки. Обошлось без кровопролития. Всех испанцев заперли в трюме, лишь одному удалось прыгнуть за борт и предупредить жителей городка, где тогда насчитывалось всего-навсего девять жилых домов и несколько складов. Поэтому когда англичане вошли в город, они там не нашли ни людей, ни золота. Зато им достались огромные запасы провизии: хлеб, мясо, сало. Это тоже кое-чего стоило. Но особенно много было вина.

Дрейк не задержался здесь. Через сутки, отпраздновав начало «пиратского сезона», благо вина было вдоволь, он покинул Вальпараисо на двух кораблях. В эти дни он дал клятву, что не уйдет из «Испанского моря», пока не соберет с испанцев два миллиона дукатов. Возникает вопрос: а сколько досталось англичанам при этом первом нападении? Когда подсчитали, барыш оказался немалым. В сегодняшних ценах — миллионы фунтов стерлингов. «Неплохое начало, думал Дрейк», — потирая руки.

Плавание продолжалось. Курс взяли на север к Лиме, столице Перу. Здесь находился вице-король этой испанской колонии, город был красив и богат. В нем проживали девять тысяч испанцев и пять тысяч негров-рабов, а также индейцы. Здесь были роскошные здания, великолепный дворец вице-короля.

Портом столице служил Кальяо, расположенный в шести милях от Лимы.

На пути к нему Дрейк захватил несколько испанских судов, ограбил ряд поселков на берегу. Наконец под покровом ночи подошли к Кальяо. В гавани стояло около тридцати испанских судов, некоторые в полной боевой готовности. «Золотая лань» незаметно вошла в гавань и встала среди других судов. Никто ничего не заподозрил. Тем более что экипажи их находились на берегу.

Люди Дрейка осмотрели корабли и не нашли ничего ценного: все заранее переправили на берег. Тем временем Дрейк переходил с корабля на корабль и рубил якорные канаты. Он надеялся, что ветер и течение сдвинут корабли и испанские моряки, вернувшись, не найдут их в темноте. За это время он сумеет ускользнуть. Но все произошло совсем не так, как думал Дрейк.

В порт вошло испанское судно и к нему направилась шлюпка с таможенниками. Становилось темно, и таможенники решили перенести досмотр на утро. На беду Дрейка, их внимание привлек его корабль, стоявший рядом. Последовал запрос, что это за судно. Не успели с «Золотой лани» ответить, как таможенники, видимо догадавшись, что это то ли француз, то ли англичанин, поспешили к берегу. Тогда, захватив рядом стоявший корабль, Дрейк поспешил уйти в открытое море.

В порту началась паника, а вскоре и в Лиме узнали о нападении. Зазвонили колокола, слышались призывы «К оружию!». Вице-король срочно послал в Кальяо конный отряд. К этому моменту уже стало известно, что нападение совершили английские пираты во главе с Дрейком.

Одного не могли понять испанцы: как эти разбойники оказались в Тихом океане? Каким путем пришли? Через Панаму? Но это исключено, так как она хорошо защищена. Через Магелланов пролив? Но это еще менее вероятно. Он закрыт для плавания вот уже целых двадцать лет, и только безумец может отважиться пройти по нему. Но не с неба же, в конце концов, свалились эти англичане. Не иначе как это проделки дьявола.

Вице-король приказал захватить этого проклятого «Франциско Драказа», как испанцы называли Дрейка. Но попытка на двух судах догнать его кончилась ничем. В то же время был послан фрегат, чтобы предупредить все порты от Лимы до Панамы о появлении англичан.

Между тем Дрейк продолжал разбойничать. Он узнал, что два дня назад сюда заходил корабль «Какафуэго» с грузом золота и драгоценностей. Дрейк

бросился в погоню. По пути был захвачен испанский барк, на котором обнаружили запасы нового такелажа (тросы, канаты — для управления парусами, удержания мачт, подъема и спуска шлюпок, парусов, груза). Это было весьма кстати, так как такелаж на «Золотой лани» был на износе и требовал замены.

Тому, кто первым увидит «Какафуэго», Дрейк пообещал подарить золотую цепь. Награду завоевал пятнадцатилетний Джон Дрейк — младший брат капитана. Он первым заметил с грот-мачты в море парус. «На горизонте корабль!» — прокричал он. Дрейк выбежал на палубу. Действительно, милях в десяти шел большой испанский корабль. Это был «Какафуэго».

Дрейк приказал сбавить ход, для чего за борт сбросили на тросах пустые бочки. «Золотая лань» лениво, не возбуждая подозрения, плелась по воде. Испанцы, решив, что с судном что-то неладно, и уж конечно не предполагая, что это англичане, сами направились к «Золотой лани». Когда между кораблями оставалось несколько десятков метров, Дрейк прокричал: «Сдавайтесь, мы англичане, уберите паруса!» Испанцы не отвечали. Дрейк повторил: «Если не подчинитесь, пойдете на дно». С испанского судна ответили: «Придите на борт и сами уберите паруса».

Дрейк подал сигнал, открылись крышки пушечных портов, и раздался залп. Выстрел был удачным — сбили грот-мачту. И через несколько минут все было кончено. Пленных заперли в трюме, а капитана Дрейк пригласил к себе в каюту, где его угостили шикарным обедом. Сам же он в это время следил за тем, как с захваченного корабля переносили драгоценности, а также запасы воды, паруса и канаты.

Общая стоимость захваченной добычи — золота и серебра — оценивалась в 400 тысяч песо или, как подсчитал Дрейк, в четверть миллиона фунтов стерлингов. По сегодняшним ценам это более чем пятьдесят миллионов долларов. И это не считая других ценностей — фарфора, ювелирных изделий, драгоценных камней.

Закончив перегружать добычу на «Золотую лань», Дрейк вернул всех пленных испанцев на их корабль и отпустил с миром. Перед этим, разыграв благородство, Дрейк одарил испанцев подарками (из тех же трофеев, что сам захватил у них), каждому дал по 30 песо, а капитану — серебряный кубок с надписью «Фрэнсис Дрейк».

Так он создавал легенду о Дрейке — джентльмене, который милостиво обходится с пленными. На самом деле он был, как и все пираты, жестоким и коварным. От остальной братии морских разбойников его отличало лишь то, что он был умнее и хитрее. Да, он не убивал без нужды, не издевался над пленными, он действовал по-иному. Так, на захваченных кораблях он приказывал срубить мачты и посылал его плыть по воле волн. Неуправляемый корабль неминуемо погибал а первый же шторм или разбивался о скалы, или его уносило в океан, и люди погибали от голода и жажды.

Все чаще Дрейк подумывал о возвращении домой. Но каким путем? Он догадывался, что его будут поджидать и у Магелланова пролива, и у Молуккских островов, если ему удастся пересечь Тихий океан в западном направлении. Тогда он задумал пройти третьим путем — решил отыскать на севере таинственный пролив, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. Флетчер по этому поводу замечает: «Открытием для мореходства этого прохода в Северной Америке из южных морей в наш океан мы бы не только оказали большую услугу нашей стране, но и намного бы сократили срок возвращения домой, ибо в противном случае мы должны были бы идти очень долгим и мучительным путем...»

Но свой план Дрейк держал до поры в секрете. Больше того, прибег к хитрой уловке. Он отпустил трех испанских моряков, которых удерживал на борту. Они должны были, как он рассчитывал, рассказать испанцам, что Дрейк намерен идти домой через Магелланов пролив.

Хитрость удалась, и его поджидали у чилийских берегов. А он между тем плыл на север к заветному проливу. Погода стала переменчивой, похолодало, море было неприветливым, шел дождь со снегом, снасти за несколько дней покрылись слоем льда. Штормило, в воздухе висел густой туман. Тревога охватила многих, моряки стали сомневаться, правильный ли путь избрал капитан. Только Дрейк сохранял спокойствие и бодрость духа, старался поднять упавшее настроение экипажа и продолжал уверять, что надо еще немного потерпеть и всех их ждет великая слава.

Но, увы, когда подошли к 48° северной широты, это около современного канадского города Ванкувер, никакого пролива здесь не обнаружили. До Дрейка никто из мореплавателей так далеко на север не заходил. Он понял, что следует повернуть назад, тем более что «Золотая лань» требовала серьезного ремонта, так

как за два года странствий судно изрядно изнашивалось.

Дрейк выбрал удобный залив недалеко от современного Сан-Франциско и разбил на берегу лагерь. Осмотрев корабль, увидели, что его необходимо чинить на суше. На берегу соорудили что-то вроде форта, поставили палатки из старых парусов. И целых пять недель чистили днище корабля, заделывали щели, меняли такелаж. Словом, готовились к дальнему и опасному плаванию через Тихий и Индийский океаны. Именно этот путь домой избрал Дрейк.

За то время, что чинили судно, пришлось общаться с индейцами, которых здесь оказалось великое множество. Но люди Дрейка, следуя его указанию, старались не портить с ними отношения. И индейцы платили добром. Они приносили подарки, шкуры зверей, перья птиц, доставляли воду и продукты. По словам того же Флетчера, индейцы были уверены, что перед ними боги.

Дрейк назвал эту землю Новым Альбионом (теперь залив носит его имя) и по традиции установил на берегу столб с медной табличкой. На ней было написано: «Да будет известно всем людям, что 17 июня 1579 г., по милости Господа и от имени ее величества королевы Елизаветы Английской и ее преемников, я взял во владение это королевство, чей король и народ по своему желанию передали ее величеству их права на всю землю, названную мной, к сведению людей, Новым Альбионом. Фрэнсис Дрейк».

Любопытно, что вместо печати, которая должна была удостоверить подлинность и законность этой надписи, в углубление на столбе вставили монету с изображением королевы.

Настал день, когда отремонтированную «Золотую лань» снова спустили на воду. Можно было возвращаться домой. Дрейк решил идти напрямик к Молуккским островам, мимо мыса Доброй Надежды.

Больше двух месяцев, а точнее, шестьдесят восемь дней «Золотая лань» без остановок пересекала Тихий океан. Прошли мимо Филиппинских островов, где погиб Магеллан, и подошли к Молуккам. Здесь стало ясно, что судну снова необходим ремонт. На это ушло четыре недели. После чего покинули островок, где ремонтировались, и вышли в Индийский океан. Дрейк был первым из англичан, кто здесь появился.

Но тут Дрейка и его людей поджидало серьезное испытание. «Золотая лань» села на мель, точнее говоря, наскочила на подводную скалу. Судно сохра-

няло плавучесть, но положение было критическим. Остаться на судне — значило погибнуть от голода и разбиться о скалы, если разразится шторм. Покинуть его всей команде из пятидесяти восьми человек не представлялось возможным, поскольку единственная шлюпка вмещала лишь двадцать человек. Но и этим двадцати никто не взялся бы гарантировать, что они доберутся до обитаемой земли. Все были в отчаянии.

Не растерялся один лишь Дрейк. Он приказал выбросить за борт часть груза: тюки с тканями, восемь пушек и боевые припасы, мешки с мукой и т. п. Оставили лишь золото и драгоценности. В этот момент случилось то, на что никто уже не надеялся. Стала прибывать вода, ветер изменился, и «Золотая лань» освободилась от плена. Плавание продолжалось.

Теперь у Дрейка была лишь одна забота — избежать встречи с португальскими кораблями, которые, как он узнал, начали охоту за ним. Он решил идти напрямик через Индийский океан. Дули попутные ветры, и судно успешно продвигалось вперед. Ни о каких пиратских набегах, нападении на торговые суда Дрейк уже не помышлял. Главное было в том, чтобы сохранить богатую добычу и доставить ее на родину.

Миновали мыс Доброй Надежды, Канарские острова. Наконец 26 сентября 1580 года «Золотая лань» вошла в гавань Плимута. Два года и почти десять месяцев прошло с начала кругосветной экспедиции, и Дрейк стал первым капитаном, который совершил это плавание (ведь Магеллану лично это сделать не удалось — он погиб в середине пути).

Трудно вообразить, с какими почестями встречали Дрейка на родине. Сама королева удостоила его аудиенции и возвела «своего пирата», как она его называла, в рыцарское достоинство. Дрейк стал одним из трехсот человек, кто носил тогда в Англии это звание.

А что стало с богатствами, которые Дрейк привез на «Золотой лани»? Ими распорядилась королева. Она решила так: после регистрации, взвешивания и упаковки всех сокровищ Дрейк имеет право взять свою долю — десять тысяч фунтов стерлингов. Столько же он должен раздать членам своего экипажа. Остальное в строжайшей тайне отвезти в Тауэр.

Сюда было доставлено золото, серебро и драгоценные камни. В тайне сохранялась и общая стоимость добычи. Но можно с уверенностью сказать, что

сумма была весьма внушительная — около шестьсот тысяч фунтов стерлингов на тогдашние деньги. Естественно, королева не забыла и себя, ей досталась львиная доля. Не остались внакладе и пайщики «синдиката». Барыш каждого из них составил четыре тысячи семьсот процентов их вкладов в экспедицию.

Одним словом, все были довольны, за исключением испанского короля Филиппа II. Через своего посла он потребовал возвращения захваченных Дрейком ценностей, а заодно требовал прислать и его голову. Но ответа посол не дождался. Тогда испанцы решили отомстить пирату. Купцы, пострадавшие от Дрейка, замыслили его убить. Их поддержал Филипп II — он лично обещал 20 тысяч дукатов тому, кто поймает Дрейка или принесет ему его голову. Но заговор провалился, и Дрейк остался живым и невредимым.

Дрейк стал национальным героем, а «Золотая лань» объектом поклонения. Сама королева распорядилась поставить прославленный корабль на якорь в Темзе, дабы этот символ славы нации мог видеть каждый англичанин. Долго еще «Золотая лань» стояла у пристани, пока совсем не обветшала и пошла, видимо, на слом.

Победитель «Непобедимой армады»

Врагом номер один для Англии продолжала оставаться католическая Испания. «Черная Испания» Филиппа II. Она жестоко притесняла протестантов, посылала их на костер, будь то англичане, приверженцы англиканской церкви, или представители других наций, исповедующих протестантизм: лютеран, кальвинистов и других.

Между Англией и Испанией то и дело возникали большие или мелкие конфликты.

В 1585 году в Испании был плохой урожай пшеницы. По просьбе самого Филиппа английские купцы направили ему корабли с зерном. Но коварный король приказал захватить английские суда, пришедшие в испанские порты, груз конфисковать, а команды посадить в тюрьму. Только одному английскому судну удалось избежать плена. Когда оно вернулось, в Англии узнали о том, что случилось.

А дело было так. Когда корабль «Примроз» — так называлось это судно, встал на якорь в Бильбао и дожидался выгрузки, на борт поднялся испанский

чиновник и шестеро сопровождающих, назвавшихся торговцами. Капитан «Примроз» Фостер пригласил всех перекусить. Неожиданно чиновник и еще трое испанцев, сославшись на срочные дела, покинули судно. Это показалось капитану странным — так внезапно, не закончив трапезу, удалиться. На всякий случай Фостер приказал команде, состоящей из двадцати семи человек, быть готовыми к неожиданному нападению. Вскоре испанский чиновник вернулся на судно с семьюдесятью людьми, одетыми как купцы. В шлюпке, которая сопровождала их, находилось еще двадцать четыре человека.

По приглашению Фостера чиновник и еще четверо поднялись на борт «Примроз». Не успели эти пятеро ступить на палубу, как «купцы», находившиеся в шлюпке, выхватили шпаги и бросились на палубу английского корабля. Это были переодетые солдаты.

«Вы пленник короля», — заявил Фостеру чиновник. Тогда капитан дал знак своим матросам, и те, будучи заранее хорошо вооруженными, дали залп из мушкетов и трех пушек. Испанцы быстро ретировались, а чиновник оказался в плену. Он сделал важное признание, что действовал по приказу короля, и показал письмо Филиппа II, в котором предписывалось арестовывать все английские суда, которые появятся у испанских берегов или зайдут в порты.

Вся Англия была возмущена таким коварством и не замедлила с ответными мерами. Королева наложила эмбарго на испанскую собственность в Англии и приказала «своему пирату» готовить корабли к акции возмездия.

Дрейк энергично взялся за дело. Надо было подобрать корабли, команды для них, организовать поставку вооружения, такелажа и провианта — плавание предстояло длительное и трудное. К тому же надо было спешить, чтобы испанцы не успели подготовиться и чтобы застать их врасплох. Дрейк торопился изо всех сил.

Удалось собрать двадцать один корабль. В качестве «пайщиков» предприятия выступили знатные вельможи и купцы, в том числе снова сама королева. Однако поспешность с организацией плавания сказалась на заготовке продовольствия и воды: бочки были залиты лишь наполовину.

Тем не менее 14 сентября 1585 года флотилия Дрейка вышла в море. Под его командованием находились два десятка судов и более двух тысяч солдат и матросов.

Для начала Дрейк напал на испанский порт Виго. Здесь удалось разжиться добычей в тридцать тысяч дукатов. А из местной тюрьмы были освобождены английские матросы.

Отсюда направились к Канарским островам, но англичан встретил огонь береговых орудий. Тогда Дрейк решил идти к островам Зеленого Мыса, надеясь перехватить здесь испанские корабли из Америки с грузом золота и серебра. Но он опоздал — испанцы побывали здесь раньше. Высадившись на острове Сантьягу, Дрейк вошел в город с тем же названием. Но тут не оказалось ни одного человека, все население бежало. Такая же картина ждала англичан и в другом городе — Сан-Доминго — и здесь не было ни души. Дрейк сжег город и вернулся в Сантьягу. За то, что местные жители, укрывшиеся в лесах, убили юнгу, который сбился в темноте с пути, Дрейк дотла сжег и этот город. Ни золота, ни других драгоценностей здесь не нашли. И Дрейк решил покинуть «негостеприимный» Сантьягу и поспешить в Вест-Индию.

Уже восемь дней шла флотилия через Атлантику, как вдруг на моряков напала жуткая хворь — тропическая лихорадка, или, как ее называли, «Желтый Джек». Болезнь, которую, видимо, подцепили во время остановки в Сантьягу, унесла двести человек.

Когда на восемнадцатый день плавания корабли пристали к острову Доминика, островитяне встретили их радушно, угощали хлебом и табаком, который по их словам, хорошо помогает при лихорадке. И действительно, то ли от табака, то ли от хорошей, свежей пищи болезнь прекратилась, и настроение снова стало бодрым.

Дрейк объявил, что намерен напасть на Эспаньолу — самый богатый остров в Вест-Индии — и захватить его столицу Санто-Доминго.

Город этот и в самом деле был прекрасен и богат. Дома из мрамора, роскошный собор, где, кстати сказать, тогда находилась гробница Колумба. Но и защищен город был хорошо. Сторожевые башни на подходе к нему, мощные укрепления и артиллерия, наконец, на холме — крепость.

Поначалу Дрейк думал, что возьмет город, он даже начал было операцию по захвату, но скоро убедился, что этот орешек ему не по зубам. И хотя частью города он все же завладел, гарнизон, и особенно крепость, продолжали сопротивление. Тогда Дрейк вступил в переговоры и потребовал денежной

контрибуции. А пока, ожидая ответа, сжигал квартал за кварталом. Наконец, не дождавшись ответа и поняв, что испанцы ничего не заплатят, он предпочел ретироваться. Все, что удалось захватить, это лишь двадцать пять тысяч дукатов. Не считая продовольствия и более двухсот крепостных пушек.

Оставив город, Дрейк решил попытать счастья в другом месте. Он направился к Картахене — городу на берегу Карибского моря (в современной Колумбии), основанному в 1533 году. Дрейк не знал, что губернатор был предупрежден о его приближении и успел подготовиться к обороне, вооружить жителей — испанцев, индейцев и негров. Но это не помогло — на третий день город был захвачен. Дрейк начал переговоры о денежной контрибуции. Сошлись на сумме в 110 тысяч дукатов. После чего Дрейк ушел из Картахены и направился к берегам Флориды.

Пошипав испанцев и здесь, он задумал посетить первое английское поселение в Америке, созданное год назад другим знаменитым «королевским» пиратом Уолтером Рэли. Место, где находилась эта колония, называли Виргинией. Дрейк застал колонистов в очень трудном положении: их преследовали болезни, недоедание, постоянные стычки с индейцами. Такой жизни они предпочли возвращение на родину. 28 июля 1586 года Дрейк вошел в гавань Плимута. Закончилось еще одно его плавание.

Рейд к берегам Португалии

Недолго пришлось Дрейку быть дома. Поступили известия о том, что Испания готовит огромный флот, чтобы раз и навсегда проучить англичан. Тогда они решили опередить испанцев и первыми нанести удар. И снова командовать экспедицией доверили Дрейку. В строжайшей тайне он начал подготовку. За месяц ему удалось собрать небольшую, но сильную в боевом отношении флотилию. В ее финансировании участвовали, как и прежде, королева, купцы, сам Дрейк и другие богатые компаньоны.

В инструкции королевы, полученной Дрейком, говорилось, что он должен уничтожать испанские корабли где бы то ни было, захватывать продовольствие и, главное, всеми силами воспрепятствовать тому, чтобы испанский флот мог собраться вместе из нескольких портов.

В апреле 1587 года флотилия Дрейка вышла в море. Погода стояла

хорошая, и корабли быстро подошли к испанским берегам. Вскоре, однако, пришлось пережить сильнейший шторм. А когда он закончился и корабли собрались в назначенном месте, англичане узнали, что в порту Кадиса сосредоточен большой испанский флот. Идет погрузка орудий, боеприпасов, продовольствия. Дрейк поспешил туда. Внезапность, он понимал, была важнейшим фактором.

Кадис был сильно укрепленным городом, в его гавани стояло много военных судов. Но ни Дрейк, ни кто-либо другой из его офицеров не были знакомы с укреплениями. И тем не менее, полагаясь больше на случай, Дрейк вошел в гавань Кадиса. За этой внешней гаванью находилась внутренняя. Пройти туда без местного лоцмана не представлялось возможным.

В первой, внешней, гавани Дрейк увидел шестьдесят судов. Они стояли под погрузкой, но пока без артиллерии. С ходу Дрейку удалось потопить огромный сорокапушечный галион водоизмещением тысячу тонн. Среди испанцев поднялась паника. И хотя они попытались оказать сопротивление, это им не удалось. Овладев ситуацией, Дрейк уничтожил тридцать судов. Но этого ему было явно мало.

Во внутренней гавани, как он узнал, стоял галион маркиза Санта Круза, командующего испанским флотом. Это был по тем временам очень большой корабль — водоизмещением тысячу двести тонн, вооруженный мощной артиллерией. Гордость Дрейка не позволила уйти, не захватив этот флагманский корабль. Но как это сделать? На небольшом судне в сопровождении пиннас Дрейк проник во внутреннюю гавань и набросился на флагман, захватив его команду врасплох.

Успех был полный. Дрейк ретировался, уведя за собой захваченное судно. Но тут, как на грех, стих ветер, и английские корабли застыли на воде. Испанцы не преминули этим воспользоваться и обрушили на англичан шквальный огонь орудий береговой артиллерии. К счастью, в этот момент погода изменилась, подул ветер и английская флотилия успела скрыться в открытом море.

Но далеко Дрейк не ушел, а решил направиться к берегам Португалии, к мысу Сан-Висенте. Что заставило его двинуться сюда? Известие о том, что там находился с флотом, предназначенным для нападения на Англию, один из выдающихся испанских адмиралов Жуан Мартинес де Рекальд. Кроме того, мыс Сан-Висенте был важным стратегическим пунктом. Он находился на крайней

юго-западной точке Португалии. И все корабли, которые по приказу Филиппа II должны были прибыть в Лиссабон, пройдут мимо.

Дрейк прекрасно понимал: если он захватит этот мыс, то перережет путь испанским судам в Лиссабон. Но чтобы овладеть мысом, надо было захватить замок Сагриш, построенный еще Генрихом Мореплавателем. Замок этот, возведенный на вершине скалы, казалось, был неприступным. Но Дрейка это не остановило. Он лично, облаченный в шлем и панцирь, с мечом в руке возглавил штурм.

У ворот замка, под пулями, предъявил свой ультиматум. Не дождавшись ответа, приказал тащить хворост, смолу и поджег их под воротами. Вскоре гарнизон (он состоял из ста с небольшим человек) сдался. Дрейк приказал пушки сбросить в море, крепостную стену разрушить.

Разделив флотилию на две части, он во главе главных сил направился прямо к Лиссабону. Корабли вошли в устье Тэжу, на которой стоит португальская столица. Подходы к ней были хорошо укреплены, а в двадцати милях от столицы в бухте Каскэс стоял испанский флот. Им командовал маркиз Санта Круз.

Все это Дрейку было отлично известно, не знал он одного — что испанские галионы, представлявшие собой грозную силу, не были оснащены артиллерией, парусами и экипажами, иначе говоря — не были готовы к действиям. Дрейк тщетно надеялся выманить испанцев из бухты и сразиться. На предложение Дрейка выйти и в честном бою помериться силами Санта Круз ответил, что у него нет таких указаний от короля. В конце концов, так ничего и не добившись, Дрейк вынужден был скрыться так же неожиданно, как и появился.

А тем временем к берегам Испании из Америки двигался «золотой флот», большой караван. Корабли везли шестнадцать миллионов песо, из них четыре миллиона предназначались лично королю. Филипп II, напуганный тем, что Дрейк так неожиданно исчез из-под Лиссабона, решил, что тот пошел на перехват «золотого флота». А Дрейк между тем, ничего не зная о походе «золотого флота», вернулся к мысу Сан-Висенте.

Облегченно вздохнув, Филипп приказал послать шестьдесят кораблей и напасть на ненавистного пирата. В этот момент Дрейк снова исчез. Предположение Филиппа подтвердилось — англичанин взял курс к Азорам. Но не «золотой флот» он думал здесь встретить, а португальский каррак (судно типа

галиона) под названием «Святой Филипп».

Как узнал Дрейк, на борту судна был богатый груз: золото, драгоценные камни, фарфор, шелк, пряности. Всего на сто четырнадцать тысяч фунтов стерлингов. Тем яростнее была атака Дрейка на каррак, набитый ценностями. Захватив судно, Дрейк решил не испытывать судьбу и вернулся домой. Всем досталась солидная доля от приобретенного богатства, но больше всех, конечно, получила королева — сорок тысяч фунтов стерлингов. К тому же хитроумный Дрейк, зная любовь своей повелительницы к драгоценностям, преподнес ей корзинку с бриллиантами. Еще бы ей не любить «своего пирата»!

Армада выходит в море

Тем временем английские шпионы доносили, что в Испании собирают огромный флот и идет активная подготовка к вторжению в Англию. Стало известно о числе судов, их тоннаже и вооружении, численности на них матросов и солдат. Знали в Лондоне и о финансовом положении Испании. Чтобы снарядить флот и отправить его к английским берегам, надо было дожидаться «золотого флота», на борту которого находилось шестнадцать миллионов дукатов.

Однако нетерпение Филиппа было столь велико, что он готов был рискнуть, не дожидаясь «золотого флота», и требовал ускорить подготовку нападения на Англию.

Тогда королева Елизавета решила опередить испанцев. Она снова призвала «своего пирата», чтобы спросить у него совета. Дрейк предложил действовать в обычной для него манере: первыми напасть на испанский флот, стоявший в портах, и по возможности уничтожить его.

И снова Дрейку было поручено командовать эскадрой. У него в кармане лежал секретный приказ королевы: уничтожить испанские корабли. Правда, его назначили всего лишь вице-адмиралом, а командование флотом поручили — адмиралу Говарду.

В Плимуте собралось семьдесят четыре корабля и восемь пиннас и ждали попутного ветра, чтобы выйти в море. В этот момент пришло известие, видимо, все от тех же шпионов, что огромный испанский флот, названный «Непобедимой армадой», вот-вот двинется к берегам Англии.

Очень скоро это известие подтвердилось. «Непобедимую армаду»

проводили в море под звон колоколов, пение церковных гимнов и молитв. Но это не помогло. Уже в самом начале плавания армаду постигла неудача. Сильнейший шторм разбросал корабли по морю. Испанский адмирал Медина Седония, которого король поставил во главе армады, был так напуган ущербом, нанесенным его флоту, что запросил у Филиппа разрешения отложить экспедицию. Но тот был непреклонен, он и слушать не хотел об отсрочке.

Между тем армада приближалась к Англии. А ее корабли стояли в Плимуте и не могли выйти навстречу противнику. Не видя впереди английских судов, Медина решил, что англичане выжидают, пока испанцы пройдут мимо на соединение с сухопутными войсками герцога Пармы, союзника испанцев, находившегося в Дюнкерке.

В этом заключалась большая ошибка герцога Медины. Ему советовали атаковать английские суда в Плимуте, но он не решился на это, а ждал известия от герцога Пармы о готовности его армии к посадке на корабли. А время шло, ветер переменялся, и английский флот вырвался на морской простор. Короче говоря, Медина упустил блестящий шанс напасть на английский флот в гавани Плимута.

Дрейк и остальные капитаны догадывались, что на этот раз у испанцев флот, какого еще не бывало. Армада насчитывала сто тридцать четыре судна, в том числе тридцать три больших боевых галиона. На кораблях находилось восемь тысяч матросов и восемнадцать тысяч солдат. А у англичан было всего девяносто судов, из которых лишь девятнадцать были военными, остальные — кораблями купцов, приспособленными к боевым действиям.

Дрейк находился в засаде на флагмане вице-адмирала «Мщение». Он должен был напасть на арьергард, что и сделал. Первой жертвой он выбрал галион «Сан-Жуан», на котором развевался флаг вице-адмирала армады. Следующей жертвой Дрейка стал галион «Розарио». И его он захватил в плен, а заодно и приличную сумму денег, находившуюся на его борту.

После этого морское сражение продолжалось в разных местах и по многим часам. Но никто не стал пока что победителем. На четвертый день сражения Медина укрылся во французском порту Кале и стал ждать вестей от герцога Пармы. Их отделяли друг от друга всего два десятка миль. Если бы они соединились, то англичанам пришлось бы несладко. Но транспортные суда Пармы с

сухопутным десантом не могли выйти в море, чтобы не подвергнуться нападению. А испанский флот, вместо того чтобы помочь судам Пармы, стоял в Кале. Надо было их оттуда выманить.

И англичане решили сделать так. Отобрали восемь судов, нагрозили их горючими материалами, подожгли и при попутном ветре направили в бухту, где прятались испанцы. Среди них началась паника, когда они увидели в темноте ночи двигавшиеся на них пылающие факелы. Многие перерубили якорные канаты и поспешили выйти в море. Несколько кораблей испанцев в суматохе столкнулись, другие были выброшены на берег, остальные в беспорядке плыли на северо-восток от Кале.

Вот тут англичане и бросились в атаку. Канонада стояла страшная, дым заволакивал арену сражения. Небольшие и низкие английские суда близко подходили к галионам и метким огнем поражали их ниже ватерлинии. К тому же у англичан пушки были скорострельные, а мастерство канониров более высоким. И хотя испанцы сражались мужественно, положение их флота становилось все более критическим. Казалось, поражение неминуемо.

С великим трудом испанским судам удалось оторваться от англичан. Да те и не могли преследовать, так как у них кончился порох и орудия бездействовали. Только Дрейк, несмотря на отсутствие боеприпасов, бросился догонять испанцев. Но и он вынужден был прекратить преследование. За него доделал дело шторм.

Так бесславно закончилась эпопея «Непобедимой армады». Вернулось в Испанию около пятидесяти судов. Погибло двадцать тысяч матросов и солдат. Потери англичан оказались незначительными. Ни один корабль не был потоплен, число убитых составляло около ста человек.

Но неугомонный Дрейк на этом не успокоился. Он был полон решимости добить испанцев и раз и навсегда покончить с их владычеством в море. Его план, предложенный королеве, состоял в том, чтобы захватить Лиссабон и возвести на португальский трон английского ставленника дона Антонио. Таким образом, англичане получили бы прекрасную возможность торговать с восточными колониями Португалии. А заодно нападать на «золотой флот», перевозивший сокровища из Америки в Испанию. Елизавета одобрила план. Началась подготовка к экспедиции. Но в этот раз не дремали испанские шпионы. Они раз узнали о планах Дрейка и предполагаемой экспедиции, в составе которой

находилось восемь военных кораблей, семьдесят семь вооруженных купеческих судов и шестьдесят транспортов.

И этот рейд к берегам Испании принес Дрейку ряд побед, были захвачены кое-какие трофеи, но Лиссабон взять не удалось. Не удалось посадить на престол и дона Антонио — он оказался непопулярен у населения, и его никто не хотел поддерживать.

Тогда Дрейк решил отказаться от плана захватить Лиссабон, направил корабли к порту Виго и сжег его. После чего пошел было к Азорским островам, но сильнейшая буря нанесла немалый урон судам, и он решил вернуться в Плимут. К тому же на кораблях свирепствовали болезни, и многие умерли от них.

Одним словом, рейд окончился неудачей. Только шесть тысяч человек из шестнадцать тысяч остались в живых, было потеряно шесть судов. Королева и другие «пайщики» остались внакладе. Елизавета долго еще дулась на «своего пирата» из-за финансовых потерь, которые она понесла.

Недовольны были и купцы, которые финансировали экспедицию. Они посчитали, что Дрейк как флотоводец выдохся и ему не следует больше доверять командование. Тем более что другие «королевские пираты», которых они финансировали, возвращались с богатыми трофеями. За три года — с 1589-го по 1591 год — двести тридцать шесть английских кораблей рыскали по морям в поисках добычи. Ими было захвачено триста судов. Как пишет К. В. Малаховский в своем исследовании «Кругосветный бег “Золотой лани”», стоимость награбленного в десять раз превышала стоимость английского импорта.

Салют в честь адмирала

Некоторое время спустя Елизавета переменила свое отношение к Дрейку на более благосклонное. Этому способствовала не ее прежняя симпатия к «своему пирату», а целый ряд других обстоятельств. Прежде всего одно деликатное поручение королевы, которое Дрейк блестяще выполнил. Дело заключалось в следующем.

Два капитана, Кросс и Бороу, захватили огромный португальский каррак (тысяча пятьсот тонн) с грузом золота, драгоценных камней, шелка и пряностей, которые тогда ценились чуть ли не дороже золота. Такую богатую добычу, пожалуй, никому не удавалось захватить. Но когда каррак привели в Англию,

Елизавете донесли, что большую часть захваченных сокровищ расхитили.

Королева поручила расследовать это дело и создала комиссию для проверки. Был в эту комиссию включен и Дрейк. Он быстро установил факт хищения и успокоил Елизавету тем, что за свой пай в три тысячи фунтов стерлингов, вложенные в экспедицию, она получит девяносто тысяч из общей стоимости захваченного груза в сто пятьдесят тысяч. Королева осталась довольна, и Дрейк вернул себе ее расположение.

Когда он предложил ей план нового своего похода в Вест-Индию, она одобрила его, правда, с одним добавлением: назначила Дрейку напарника, капитана Хоукинса. Это решение было ошибкой, так как подрывало принцип единоначалия и создавало угрозу конфликта между двумя командующими.

В плавании участвовало шесть военных кораблей и две тысячи пятьсот солдат во главе с опытным офицером Томасом Баскервилем. Взнос королевы составил, как обычно, тридцать тысяч фунтов стерлингов, купцы внесли на организацию экспедиции шестьдесят тысяч и снарядили двадцать один корабль.

В конце августа 1595 года флотилия покинула Плимут. Курс взяли на Канарские острова, где, однако, не удалось поживиться ничем существенным. Отсюда пошли напрямик в Пуэрто-Рико, рассчитывая на богатую добычу.

Испанцам и в этот раз заранее стало известно о планах Дрейка. Губернаторы испанских колоний в Вест-Индии были предупреждены и успели подготовиться к обороне. Поэтому, когда Дрейк появился у Пуэрто-Рико, его встретили огнем пушек. К удивлению своих капитанов и матросов, он не стал атаковать, а приказал идти на остров Гваделупа.

Это было совсем не похоже на прежнего Дрейка: уйти ни с чем, не попытаться даже наказать спесивых испанцев! Матросы шептались: «Он уже не тот, каким был». А капитан Хоукинс прямо потребовал вернуться к Пуэрто-Рико и захватить город Сан-Хуан. Дрейк согласился, снова изменив самому себе — легко уступив и отменив свое прежнее решение. Говорили, что адмирал согласился с Хоукинсом лишь потому, что тот был смертельно болен и он не хотел спорить с умирающим.

Как бы то ни было, Дрейк подошел к Сан-Хуану и стал готовиться к штурму. Но неудачи преследовали его: с моря взять город не удалось. Испанцы затопили при входе в гавань фрегат и шлюпки с камнями. Теперь прорваться к

городу с моря было нельзя. Надо штурмовать с суши, решил Дрейк. Но оказалось, что здесь возведены мощные укрепления.

Томас Баскервиль заявил, что не желает напрасно губить своих солдат. К удивлению многих, Дрейк и в этот раз не стал перечить и не настаивал на своем предложении. Он отдал приказ уходить и двинулся к берегам Панамы. Здесь ему более повезло. В прибрежных селениях он разжился запасами жемчуга. Но зато в Номбре-де-Диосе ему не досталось ни песа. Город был безлюден и пуст — ни людей, ни драгоценностей. Жители успели скрыться и унесли все ценности.

Тогда Дрейк двинулся к новому порту Пуэрто-Белло, рассчитывая на подходе к нему перехватить караван с сокровищами. Десант под командованием Баскервиля встретил на пути сильные укрепления и завалы. Потеряв несколько человек убитыми, англичане решили не рисковать и вернулись на корабли.

Что было дальше? На совете решили попытать счастья у берегов Никарагуа, где, по рассказам, улицы вымощены золотом. Но, как узнали от пленных и от индейцев, этот сказочный город, во-первых, труднодоступен, а главное — никаких улиц из золота там нет и в помине. К тому же Дрейк заболел дизентерией. Ему становилось с каждым днем все хуже.

Когда Дрейк почувствовал себя совсем плохо и понял, что умирает, он позвал в каюту соратников и заявил им: «Господь имеет много возможностей, чтобы спасти нас, и я знаю, как лучше послужить ее величеству и сделать всех нас богатыми».

Увы, это было запоздалое признание. На рассвете 28 января 1596 года знаменитый пират и мореход Фрэнсис Дрейк скончался. Тело положили в свинцовый гроб и под барабанный бой и грохот салюта опустили в волны почти на том самом месте, как писал очевидец, «откуда адмирал начал свой путь к всемирной славе».

ТОМАС КАВЕНДИШ. ОХОТНИК ЗА ГАЛИОНАМИ

21 июля 1586 года из английского порта Плимут вышли три корабля. Флагман «Желание» (120 т), «Удовлетворение» (100 т) и «Красавчик Хью» (40 т). На мостике флагмана стоял красивый, сравнительно молодой капитан Томас Кавендиш. Образованный вельможа, эсквайр, выпускник колледжа в Кембридже, он, как и многие в ту эпоху, был одержим манией открытия новых земель, где

золото валяется под ногами.

Существовал и иной способ заполучить это самое золото: отнять его у того, кто им владеет. Тогда этим золотовладельцем была Испания. Ее корабли перевозили добытый драгоценный металл из Южной Америки, точнее, из Перу, где его добывали, по Карибскому морю и дальше, через Атлантический океан. Только с 1521-го по 1530 год было отправлено пять тонн золота. Затем еще двадцать пять тонн золота и сто семьдесят восемь тонн серебра. Дальше — больше. За десять последующих лет Испания получила сорок семь тонн золота и более трехсот тонн серебра.

Но золото любили не только испанцы. На его запах, как акулы на запах крови, бросались пираты со всей Европы. И очень скоро пиратство превратилось в весьма прибыльный промысел. Испанским галионам — огромным по тем временам кораблям — стало небезопасно плавать с драгоценным грузом. И тогда с 1537 года испанцы ввели строгий порядок вывоза сокровищ в Европу.

Каждую весну из Испании в Новый Свет отправлялась огромная флотилия — десятки галионов с продовольствием и товарами. На подходе к Вест-Индии эскадра делилась на «серебряный флот» и «золотой». Продав товары и погрузив золото и серебро, корабли соединялись в Гаване на острове Куба, откуда отправлялись на родину. На всем пути галионы сопровождал конвой из военных фрегатов. И только при переходе из порта Кальяо (на побережье Перу в Тихом океане) в Панаму золото оставалось без охраны корабельных пушек. Об этом знал еще Фрэнсис Дрейк. Помнил об этом и Кавендиш. Недаром в его экспедиции участвовали соратники великого адмирала, проделавшие с ним на «Золотой лани» весь путь вокруг Земли.

Как и другие пираты, Кавендиш сочетал в себе азарт первооткрывателя и исследователя с жадой обогащения. Собственно, обе эти ипостаси и побудили его отправиться в рискованное плавание. Готовясь к нему, он не пожалел денег (рассчитывая с лихвой возместить затраченное, продал даже свое имение), погрузил на корабли в избытке припасов и воды. Набрал команду из ста двадцати трех опытных матросов и офицеров. В снаряжении экспедиции принимали участие и другие компаньоны, те, кто, вложив деньги, надеялись на большие проценты от награбленного.

Как это было и с Дрейком, сама королева Елизавета I вложила кое-какие

деньги в это предприятие. Она же дала Кавендишу наказ объехать земной шар и нанести на морские карты неизвестные острова, благоприятные течения, попутные ветры и записать все это подробно в своих корабельных журналах. Перед выходом кораблей в море курьер доставил Кавендишу послание королевы с пожеланием счастливого пути.

Помимо записей в бортовом журнале, одним из участников путешествия — Фрэнсисом Притти — составлялся отчет. Назывался он, как тогда было принято, довольно витиевато: «Восхитительное и благодатное путешествие богобоязненного мастера Томаса Кавендиша». Так что мы сегодня располагаем ценным документом, свидетельствующим о всех перипетиях этого беспримерного странствия по морям и океанам.

Итак, в море вышли три корабля под командой Томаса Кавендиша. Ему стукнуло сорок шесть, из них двадцать лет он бороздил морские просторы. Он говорил: «Я обвенчался с морем двадцати шести лет. Надеюсь, что обвенчаюсь со смертью не раньше семидесяти». (Срока этого он не достиг — умер в 52 года.)

Ветер благоприятствовал плаванию. Надо было успеть пройти экватор и при осенних ветрах проскочить «ревущие сороковые».

Благополучно миновали острова Зеленого Мыса, прошли вдоль Африканского побережья и наконец повернули в сторону Бразилии. Плавание проходило без особых приключений. Пользуясь относительным спокойствием, Кавендиш, памятуя наказ королевы, составлял карту берегов, замерял глубины и скорость течений, отмечая все это в журнале. Постепенно матросы, жаждущие настоящего дела и богатой добычи, начали раздражаться. Кавендиш успокаивал их, обещая, что, когда пройдут Магелланов пролив, им будет чем заняться, надо, мол, еще немного потерпеть.

Рождество застало корабли на подходе к проливу. К этому моменту припасы были на исходе, приходилось есть протухшую солонину и пить затхлую воду. А тут еще одна напасть обрушилась на моряков. В районе Рио-Гальегос их настиг жестокий шторм. Казалось, «ревущие сороковые» только и ждали момента, чтобы обрушиться на мореплавателей.

К счастью, им удалось укрыться в тихой бухточке и переждать бурю. После чего, 6 января 1587 года, Кавендиш отважно ринулся по проливу. Точной лощии, у него не было, приходилось плыть почти вслепую по извилистому

фарватеру. Пройти этот лабиринт не удавалось судам, ведомым лучшими кормчими. Только великий Дрейк каким-то чудом проскочил сквозь него. Испанцы владели картой фарватера, но по декрету, изданному королем, эти сведения были объявлены государственной тайной. После удачи Дрейка король Испании приказал построить в проливе форт и таким образом запереть его. На скалистый берег высадили четыреста солдат, и началось строительство. Земля была неподатливая, климат мало сказать суровый. Тем не менее форт построили, возвели укрепления. И все это пышно назвали Городом короля Филиппа. Кроме солдат, в городе остались колонисты, среди них были даже женщины.

Всего два года просуществовала эта колония в проливе. Потом кончились продукты, а вырастить что-нибудь на каменистой почве так и не удалось. Еще бы! Вечный ветер и такой холод, что брызги на лету превращались в ледяные капли. Ни охоты, ни рыбы — ее в проливе не оказалось. Ни деревьев, даже развести огонь было нечем. Приходилось собирать бревна, которые шторм выбрасывал на берег, поэтому каждое полено было на вес золота.

Потом начались болезни — страшные цинга и дизентерия. К этому прибавилась еще одна напасть — набеги индейцев. Надо было то и дело отражать их. В первую зиму умерло больше половины населения, потом еще семьдесят человек. Осталось всего чуть больше двадцати. На родине про них забыли — в Европе шла война, создавалась «Непобедимая армада».

Когда Кавендиш проходил мимо этого так называемого Города короля Филиппа, эти двадцать несчастных, забытых, голодных и почти голых (одежда давно обветшала) испанцев никакого сопротивления ему не оказали. Они отчаянно махали руками, встав на колени, умоляли взять их с собой. И Кавендиш решил захватить с собой этих оборванцев. Они могли пригодиться как проводники. Их рассказ потряс даже выдавших виды моряков. Землю эту они называли Портом голода, таким он значится и на сегодняшних картах.

В конце февраля корабли Кавендиша вышли в Тихий океан. И тут началось нечто несусветное. Сильный шторм обрушился на моряков. Казалось, борта кораблей вот-вот разлетятся под ударами волн. Буря разбросала суда. Когда она утихла, они соединились и двинулись к берегам Чили.

Испанцы появились здесь лет пятьдесят назад и, можно сказать, освоили их. Построили города Арику, Сантьяго, Кальяо, Лиму. Склады в них ломились от

товаров, а охрана была очень слабая — нападения ждать было неоткуда. По той же причине и военного флота у западного побережья Америки не было. Испанцы полагали, что Тихий океан — их собственная вотчина и незачем содержать здесь дорогостоящие корабли. То, что три года назад сюда удалось проникнуть Дрейку, — чистая случайность.

У берегов Чили произошли первые стычки с испанцами. Захватили два судна, которые Кавендиш тут же сжег — ведь Англия воевала с Испанией. Затем штурмом взял город Пайту и тоже предал его огню. Еще не раз пришлось Кавендишу проявить свой жестокий нрав и безжалостно расправиться с захваченными судами и их командами. Недаром его любимой поговоркой были слова: «Мертвый уже не выдаст».

Однажды, это было в начале июля у берегов Калифорнии, был захвачен очередной испанский корабль. От его капитана узнали, что в этих водах со дня на день ждут манильский галион. Однако проходили недели, а желанный гость не показывался. И только 4 ноября 1587 года, во время продолжающегося дрейфа кораблей Кавендиша у берегов Калифорнии, матрос, сидевший в «вороньем гнезде» — бочке на верху мачты, закричал: «Вижу парус!» Вскоре и все остальные увидели огромный галион — вожаденную добычу всех пиратов. Это была «Санта Анна» водоизмещением более 700 тонн — «самый богатый из кораблей», как говорили о нем сами испанцы.

Вот как описал эту встречу Фрэнсис Притти: «К вечеру мы догнали его и дали залп из всех наших пушек и затем выстрелили из всех мушкетов. Затем приблизились к этому кораблю — собственности короля Испании».

С первой попытки захватить галион не удалось. Тогда, продолжает Фрэнсис Притти, «мы подняли вновь паруса и еще раз выстрелили из всех пушек и мушкетов, убив и ранив многих. Но их капитан, будучи мужественным человеком, продолжал бой и не сдавался. Тогда наш генерал Кавендиш приказал трубить в трубы и этим воодушевлять наших людей, и мы еще раз выстрелили из всех пушек, пробив борта и убив многих людей».

Бой был ожесточенным и продолжался более пяти часов. В конце концов ядра тяжелых орудий кораблей Кавендиша пробили борта ниже уровня воды, и только тогда галион, «подвергаясь опасности утонуть, выбросил флаг сдачи и просил о милости, чтобы наш генерал спас их жизни и взял их товары, и потому

они сдались нам», — писал тот же Фрэнсис Притти.

Здесь стоит сказать несколько слов, что же это такое — манильский галион как тип корабля.

Раньше, во времена, скажем, Колумба, и позже основным типом океанского корабля были, главным образом, каравеллы и обычные галионы. Но с развитием пиратства и растущей угрозой торговым судам были созданы мощные морские плавучие крепости — манильские галионы. Их строили в Маниле.

В декрете по поводу их создания говорилось, что они предназначены, чтобы обеспечить надежность перевозок с Филиппин — самой дальней испанской колонии, — в Мексику. Плавание было долгим, иногда длилось семь-восемь месяцев. По тем временам это был сверхкорабль, четырехпалубный, большого тоннажа, с мощным вооружением, способный принять на борт большое количество груза. Обычно это было золото, китайский жемчуг и фарфор, драгоценные камни — рубины и сапфиры с Цейлона, пряности, благовония и многое другое. Такому галиону не был страшен самый жестокий шторм и самый грозный противник, но только не пираты. Этим лихим морским разбойникам испанские корабли-гиганты были нипочем и часто становились их жертвами.

На галионе «Санта Анна» пираты захватили огромную добычу: более ста двадцати тысяч монет, несколько ларцов с драгоценными камнями, слитки серебра, китайские шелка, жемчуг и фарфор, благовония и другие ценности. Всех испанцев, захваченных на судне, а их было двести человек, в том числе женщины и дети, Кавендиш, как обещал капитану «Санты Анны», высадил на берег. Сам же галион был ему ни к чему — слишком громоздок и тихоходен. Пришлось его поджечь. Несчастные испанцы на берегу со слезами на глазах наблюдали за гибелью корабля, у них не оставалось надежды на спасение. И конечно же их не утешил приказ Кавендиша выстрелить из пушки, отдав последний салют тонущему судну.

После этого начался дележ добычи. Но не обошлось без ссор. Не всем, как оказалось, был по душе принцип дележа, о котором, кстати сказать, договорились еще до отплытия из Англии. Особенно протестовали моряки с «Удовлетворения». Но, как пишет Фрэнсис Притти, генералу удалось их успокоить, увеличив их долю. Каждый получил причитающееся ему, однако, не золотом, а товарами. Одну восьмую, как полагалось по уговору, Кавендиш взял себе, причем золотом.

Выделили и долю королевы, надо полагать немалую.

Цель, которую Кавендиш поставил перед собой, была достигнута. Охота за богатым манильским галионом завершилась. Все расходы на экспедицию окупилась сторицей. Можно было возвращаться домой.

«Мы с радостью поставили паруса, — записал Фрэнсис Притти, — чтобы скорее достичь Англии с попутным ветром; но когда опустилась ночь, мы потеряли из виду «Удовлетворение»... Мы думали, что они обогнали нас, но никогда больше их не видели». Таким образом, из трех кораблей у Кавендиша остался один. («Красавчика Хью» он лишился раньше.) На борту «Желания» находилось к тому моменту всего сорок восемь матросов.

Идти домой Кавендиш решил дорогой, проложенной Дрейком: через Гуам, Филиппины, мимо Явы и Суматры, потом пересечь Индийский океан и, обогнув мыс Доброй Надежды, вдоль западного берега Африки вернуться в Англию.

Три месяца ушло на то, чтобы доплыть до мыса Доброй Надежды. Здесь корабль попал в страшный шторм — недаром первоначально место это называлось мысом Бурь. Но тому, кто прошел воды едва ли не всех широт, разыгравшаяся стихия была не страшна, тем паче, что дом был близок. Все понимали: еще немного усилий, всего каких-то два месяца — и они обретут твердую землю под ногами. Кончатся мучения — голод, жажда, и можно будет насладиться шикарной жизнью: есть свежее мясо и настоящий хлеб, вдоволь пить не только воду, но и вино. Награбленного на всех хватит.

На подходе к Англии Кавендиш стал готовить отчет о плавании. В нем он писал: «Я прошел вдоль берегов Чили, Перу и Новой Испании, и везде я наносил большой вред. Я сжег и потопил девятнадцать кораблей, больших и малых. Все города и деревни, которые мне попадались на пути, я жег и разорял. И набрал большие богатства. Самым богатым из моей добычи был великий корабль короля, который я взял у Калифорнии, когда он шел с Филиппин. Это один из самых богатых товарами кораблей, которые когда либо плавали в этих морях...»

9 сентября 1588 года «Желание» бросил якорь в порту Плимута. На пристани Кавендишу и его спутникам устроили торжественную встречу. Столь же торжественно, но теперь уже одного Кавендиша, приветствовали в Лондоне. Здесь понимали значение его плавания и оценили не только сокровища, привезенные им, но и его географические открытия, составленные им карты, что

по тем временам считалось большой ценностью.

Так закончилось третье в истории человечества кругосветное плавание (после Магеллана и Дрейка). Кавендиш обогнул земной шар за два года и пятьдесят один день.

ГЕНРИ МОРГАН. ПЕРВЫЙ НА ПОПРИЩЕ РАЗБОЯ

Пиратский Вавилон

Пожалуй, Генри Морган или, как его еще называли, Джон Морган был самым удачливым из пиратов. Неудивительно, что о нем написаны горы книг и даже исследований, поставлены кинофильмы, сложены песни. Его образ широко используют на Западе в рекламе крепких напитков. Словом, и в наши дни слава знаменитого пирата не померкла.

А первый о нем поведал еще в XVII веке А.-О. Эксквемелин в своей книге «Пираты Америки».

Но прежде чем рассказать о приключениях знаменитого пирата, надо напомнить о том, что происходило тогда в районе Карибского моря — главного района деятельности джентльменов удачи.

Здесь, на островах, имелось несколько пиратских баз. Одно время это был остров Тортуга, пока пиратов отсюда не изгнали. Тогда они перебазировались на Ямайку и создали тут свою столицу — Порт-Ройял.

Это был настоящий пиратский Вавилон: морские разбойники, беглые преступники, купцы, работоторговцы — люди разных рас и народов, те, кого прельщала легкая и, как казалось, веселая жизнь. Город стал главным невольничьим рынком в мире, посредником в торговле живым товаром между Африкой и Америкой. Здесь же сбывали свою добычу и пираты. Местные купцы находились в сговоре с ними и получали от скупки награбленного огромные барыши. Пираты в городе чувствовали себя вольготно и пользовались полной безнаказанностью.

А порт стал их главной и излюбленной гаванью и базой. Слава богатого и распутного города быстро разнеслась по свету. Сюда стали стремиться буквально толпы искателей приключений и легкой наживы. Среди них оказался и тридцатилетний Генри Морган, известный впоследствии под кличкой Жестокий.

Будущий пират родился в Англии в семье помещика. Но жизнь в сельской

глуши его не прельщала. Он мечтал увидеть свет и однажды нанялся на судно, шедшее на остров Барбадос. Отсюда Генри перебрался на Ямайку, где и пристал к пиратам. Стал участником их разбойничьих рейдов. За короткое время познал их обычаи и законы, а главное сколотил небольшой капиталец — часть получил из пиратской выручки, а часть выиграл в кости. На эти деньги купил корабль и начал грабить в открытом море.

Некоторое время его соратником и старшим наставником был опытный, выдавший виды пират по имени Мансфельд. До этого он разбойничал неподалеку от Коста-Рики у острова Санта-Каталина. Остров этот ему приглянулся, и он решил здесь обосноваться, но для этого надо было прогнать отсюда испанцев. Сделать это своими силами, а главное удержать остров он не мог.

Оставив на острове в качестве губернатора некоего француза Симона, он поспешил на Ямайку, рассчитывая на помощь здешнего губернатора. Но тот наотрез отказал. К тому же неожиданно скончался Мансфельд.

Между тем испанцы не дремали. Губернатор Коста-Рики дон Хуан Перес де Гусман решил воспользоваться моментом. Во главе крупных сил он высадился на острове Санта-Каталина и потребовал от Симона сдаться. Тот согласился, зная, что на помощь рассчитывать не приходится. Когда испанцы уже были на острове, к его берегу подошел английский корабль. На его борту было четырнадцать мужчин и одна женщина. Испанцы легко захватили это судно и в честь победы над английскими пиратами устроили фейерверк.

Когда Морган узнал, что его наставник и друг умер, а на Санта-Каталине воцарились испанцы, он решил довершить задуманное Мансфельдом и превратить этот остров в пиратское гнездо. К этому времени Морган единогласно был избран предводителем пиратской братии за свой ум и отчаянную храбрость. Но план свой ему пришлось тогда отложить. Сил у него пока что было явно недостаточно, чтобы захватить Санта-Каталину.

Морган в то время пребывал на островах у берегов Кубы (тогда Эспаньола), накапливая силы. Ему удалось собрать флотилию из двенадцати кораблей с командой семьсот человек. Морган созвал пиратский совет и спросил, куда следует им идти. Некоторые горячие головы предложили захватить Гавану — столицу Кубы. Но на такую операцию сил было маловато. Более реально настроенные высказались за то, чтобы отправиться в Пуэрто-дель-Принсипе —

город во внутренней части острова.

Когда пираты уже были в море, один испанец, долгое время находившийся в плену у англичан, уловил из их бесед, что речь идет именно о Пуэрто-дель-Принсипе. Ночью он прыгнул в воду и поплыл на берег. Правда, за ним тотчас же спустили каноэ, но он оказался на берегу значительно раньше и моментально затерялся среди деревьев. На следующий день он переплыл с одного острова на другой и таким образом добрался до Кубы. Он знал все тропки и довольно скоро достиг Пуэрто-дель-Принсипе, где предупредил испанцев, что появились пираты.

Жители города тут же стали прятать свое добро, а губернатор вышел с отрядом рабов к той дороге, где могли появиться враги. Он приказал срубить побольше деревьев, завалить ими дорогу и устроить различные засады. На них он поставил несколько пушек. В городе и в окрестных селениях он набрал человек восемьсот, оставил на каждой засаде небольшой отряд, а остальных привел на довольно открытое место близ городам, откуда можно было приметить врага еще издали.

Пираты наткнулись на испанцев, когда те еще только укреплялись. Все взвесив, они свернули в лес и обошли несколько испанских укреплений. Наконец пираты вышли на открытое место, которое испанцы называли саванной. Губернатор тотчас же выслал им навстречу конников, приказав переловить всех до одного. Он полагал, что пираты, видя, какая на них надвигается сила, дрогнут и лишатся мужества.

Однако все произошло не так, как ему думалось: пираты, наступавшие с барабанным боем и развевающимися знаменами, перестроились и образовали полумесяц. В этом строю они стремительно атаковали испанцев. Те выставили довольно сильную заградительную линию, но бой продолжался недолго: под непрерывной стрельбой испанцы начали отходить, причем первым дал деру их губернатор, который бросился к лесу, стараясь побыстрее скрыться. Немногие добежали до леса — большинство пало на поле битвы. Правда, небольшой кучке испанцев все же удалось спрятаться в зарослях.

Пираты немедленно двинулись на город; они были воодушевлены бесспорной победой: действительно, в этом бою — а длился он часа четыре — убитых и раненых у них почти не было. Но в городе им снова оказали сопротивление, на этот раз в бой вступил гарнизон, причем плечом к плечу с солдатами сражались

женщины. К этим защитникам города присоединились и остатки испанцев, разбитых в Саванне. Горожане все еще надеялись уберечь город от разграбления. Некоторые закрылись в домах и стреляли из окон; однако пираты пригрозили спалить весь город и истребить всех женщин и детей. Испанцы хорошо знали, что они выполняют свои угрозы, и сдались.

Пираты согнали всех испанцев вместе с женщинами, детьми и рабами в церковь, а потом принялись грабить, хватали все, что попадало под руку. Несчастным пленникам приходилось очень туго. Пираты им причиняли всяческие мучения, выведывая где спрятано их добро и деньги. Но у большинства бедняг, как ни пытай, не было ни того, ни другого.

Когда припасы кончились и грабить уже было больше некого, пираты решили уйти. Они приказали пленникам внести выкуп и пригрозили, что в случае отказа всех увезут на Ямайку; кроме того, пообещали, что подожгут город. Морган сказал, что подождет четырнадцать дней и за это время деньги должны быть доставлены во что бы то ни стало.

Пока испанцы торговались с Морганом, восемь пиратов отправились на охоту и поймали негра, который возвращался в город с письмом к одному из пленников. Когда письмо вскрыли, оказалось, что оно послано губернатором города Сантьяго. В нем он писал, что вскоре придет многочисленное подкрепление и что горожанам не следует спешить с выкупом, они должны добиться новой отсрочки дней на четырнадцать.

Морган понял, что испанцы, прикидываясь бедняками, его обманывают. Он велел перенести всю добычу на берег к тому месту, где стояли корабли, и объявил испанцам, что, если завтра же они не внесут выкупа за город, он тотчас же предаст его огню. О письме, которое попало в его руки, он, конечно, не упоминал. Но испанцы ответили ему, что Морган требует невозможного: люди рассеялись кто куда и их не соберешь.

Наконец Моргану удалось получить пятьсот голов скота и засолить впрок мяса и сала. Он взял с собой шесть знатнейших жителей в качестве заложников, прихватив также рабов, и отправился на побережье. Днем на то место, где стоял Морган со своей флотилией, пришли испанцы, привели последних коров и потребовали вернуть заложников. Когда все мясо было засолено и доставлено на корабли, Морган освободил заложников и вышел со своей флотилией в море. В

качестве сборного пункта для дележа добычи он наметил один из островков недалеко от Кубы. Там пираты разделили добычу. На каждого пришлось по пять тысяч реалов золотом, серебром и различными товарами. Но надеялись они на более жирную добычу: этой им не хватило даже для расплаты с долгами на Ямайке.

Чтобы удовлетворить алчный аппетит — собственный и своих соратников, Морган предложил дерзкий план: разграбить богатый город Пуэрто-Белло, второй после Гаваны в испанских владениях. Он находился в северной части Панамского перешейка и славился как богатейший рынок серебра. Его защищали три форта, которые преграждали доступ в порт.

Замысел показался многим, даже самым отчаянным чуть ли не фантастическим. Ведь в двух фортах, которые прикрывали вход в гавань и считались неприступными, находился гарнизон триста человек. Кроме того, жители города были храбрецами не последнего десятка. Морган уверил всех, что успех обеспечен и он знает, как этого добиться. А уж о добыче и говорить нечего — каждому достанется целое состояние. Одним словом, пираты поддались красноречию Моргана и согласились на авантюру.

Как и следовало ожидать, Пуэрто-Белло оказал сильное сопротивление. Несколько штурмов было отбито, и ворваться в город никак не удавалось. Даже каленые ядра не смогли сокрушить железные ворота. Казалось, Морган разуверился в успехе, но тут он придумал жестокую уловку. Из ближайших монастырей пригнали монахов и монахинь и приказали им приставить заранее сооруженные лестницы к стенам крепости, где засел губернатор с солдатами. Морган рассчитывал, что они не станут стрелять по своим, тем более лицам духовного звания. Но он ошибся. Испанцы и не подумали щадить их, и почти все они погибли.

Штурм продолжался полдня. Пираты ловко взбирались по лестницам и проникали в крепость, забрасывая испанцев глиняными бомбами с порохом. Осажденные отчаянно сопротивлялись, сам губернатор дрался как бешеный, на все предложения о сдаче отвечая категорическим отказом. Он говорил: “Лучше умереть с оружием в руках, чем сложить голову на плахе”. Он и погиб в бою.

Когда все было кончено, пленных заперли в подвалах. А четыреста головорезов Моргана начали грабить город. Вот как описывает эти «подвиги»

Эксквемелин: «На следующий день пираты стали обшаривать и грабить городские дома: при этом они допытывались у пленных, кто в городе богаче всех. Пленники им это сказали, и пираты схватили богачей, чтобы дознаться, куда они дели свое добро.

Всех, кто упорствовал и не желал по доброй воле признаваться, тащили на дыбу и терзали, пока те не отдавали Богу душу или не показывали все, что от них требовалось. Были и такие, кто не имел вообще никакого добра: они также умирали под пытками, как мученики. Пираты не отпускали никого, и пленники показывали, где спрятано их добро».

Две недели продолжались бесчинства, две недели грузили на корабли добычу и провиант. И только угроза появления свежих сил испанцев и нехватка пресной воды заставили пиратов поспешить с уходом.

Сражение за Пуэрто-Белло и его разграбление, жестокое поведение пиратов были подробно описаны в книге А.-О. Эксвемелина, изданной шестнадцать лет спустя после событий и тогда же переведенной с голландского на английский язык. Забегая вперед, скажу, что к тому времени Морган был возведен в дворянское звание, стал губернатором Ямайки. Он обвинил автора книги в клевете и выиграл процесс, что было неудивительно при его богатстве и власти.

Нападение на Пуэрто-Белло принесло каждому участнику изрядную долю от общей добычи в 250 000 пиастров, не считая драгоценных камней и товаров. Когда покончили с дележом, Морган вернулся на Ямайку триумфатором. Слава о его удаче разнеслась по острову. Еще бы, ведь он привез кучу денег.

Однако этого ему было мало. Недаром говорится, что аппетит приходит во время еды. К тому же соратники Моргана успели быстро спустить награбленное в притонах Порт-Ройяла и были готовы на новые авантюры. Надо заметить, что английский губернатор Ямайки благоволил Моргану и покровительствовал пиратам вообще. Он поддержал новый план Моргана не только на словах, но и на деле: передал «адмиралу» пиратов королевский тридцати-шестипушечный корабль. Это был недвусмысленный намек на то, что губернатор поощряет пиратов на новые походы и надеется на часть добычи.

Флотилия подняла паруса и взяла курс к восточной оконечности Кубы. Оттуда должны были отправиться к острову Савоне и поджидать там богатый

флот из Испании. На всех кораблях выпили за здоровье короля и будущие успехи. При этом, по обычаю, палили в воздух из пистолетов и пушек. Веселье обернулось трагедией. Кто-то угодил шальным выстрелом в пороховой погреб, и корабль взлетел на воздух. Триста двадцать англичан нашли могилу в волнах.

Моргану повезло — он находился на корме, а пороховой погреб в носовой части. Оставшиеся в живых выловили тела погибших при взрыве, но не для того, чтобы их похоронить, а чтобы снять с них одежду и золотые кольца. Не пропадать же, в самом деле, добру.

У Моргана оставалось пятнадцать кораблей. На самом крупном было всего лишь четырнадцать пушек. Но налетевшая буря изрядно потрепала флотилию, разбросав по морю корабли. В результате всего восемь судов смогли продолжить плавание. Целью пиратов на этот раз был город Маракайбо. Когда флотилия Моргана подошла к городу, здесь царила полная паника и жители покидали свои дома.

Пираты почти беспрепятственно вошли в город. Теперь дело было за тем, чтобы выведать у тех, кто не успел его покинуть, где спрятаны драгоценности. Этого можно было добиться только пытками. Одних просто били, другим устраивали пытки святого Андрея, загоняя горящие фитили между пальцами рук и ног; третьим завязывали веревку вокруг шеи, так что глаза у них вылезали на лоб. Кто вообще не желал говорить, того забивали до смерти. Ни один из несчастных не избежал своей участи. Пытки продолжались три недели.

Одновременно пираты совершали ежедневные набеги в окрестности города и всегда приносили большую добычу, и не было случая, чтобы они вернулись с пустыми руками. Но тем не менее это была капля в море против того, на что рассчитывали пираты. Тогда они решили захватить соседний порт Гибралтар, тем более что Морган узнал, что там укрылись все богатеи Маракайбо.

Про пленного престарелого португальца слуга-негр сказал, что он очень богат. Этого было достаточно, чтобы его начали пытать. Когда на бедняге не осталось живого места (даже после этого он ни в чем не признался), его подвесили за большие пальцы рук и ног к четырем столбам, так что он повис в воздухе примерно в полутора футах над землей. Но и этого было мало: пираты положили ему на ягодицы камни весом двести фунтов, а потом подожгли пальмовые листья и ими опалили лицо и волосы несчастного. Но, невзирая на

тяжкие пытки, он так и не признался, что у него есть деньги.

Но старику, можно сказать, еще «повезло». Других подвешивали за половые органы и многократно шпиговали испанскими саблями, а затем истерзанная жертва умирала в муках на глазах мучителей, причем порой несчастные еще жили четыре-пять дней. Иных привязывали к деревянному кресту и всовывали между пальцами рук и ног горящие фитили. Некоторых связывали, разводили огонь и совали в огонь ноги, предварительно намазав их салом, так что люди эти тотчас же вспыхивали; обожженных пленников затем бросали.

Перерезав хозяев, принялись за рабов. Наконец нашелся один раб, который согласился провести пиратов к выходу из лагуны, где стояли корабль и четыре барки, груженные ценными товарами из Маракайбо. Одновременно пиратам удалось отыскать раба, который знал, где прятались губернатор и большая часть женщин Гибралтара. Вначале, когда этого раба схватили, он отказался им отвечать; когда же его связали и повели на виселицу, он согласился привести пиратов в нужное место.

Пираты отрядили человек сто на двух маленьких судах к выходу из лагуны, где стояли корабли. Пленных доставили на суда, и на следующий день вышли в путь. Сам Морган с отрядом триста человек отправился на поиски губернатора, который уплыл вверх по реке в глубь страны и там основательно укрепился. Но, узнав от гонца о приближении пиратов, собрал своих людей и ушел в горы по такой узкой дороге, что пройти полней можно было только гуськом. Кроме того, испанцы сделали на ней засаду, откуда можно было перестрелять всех пиратов, если бы те отважились погнаться за ними. Поэтому пираты сочли за лучшее не преследовать беглецов.

Совершив еще несколько набегов и проведя в общей сложности в Гибралтаре пять недель, пираты покинули город. Но перед этим послали тем, кто скрылся из города, сообщение, что ждут выкупа. В противном случае город сожгут. Испанцы согласились на выкуп. Получив его, Морган покинул город. Но когда он вернулся в Маракайбо и вошел в лагуну, его ждал здесь сюрприз: три испанских корабля и приведенный в боевое состояние форт Ла-Барра.

Самый крупный корабль был вооружен сорока пушками, поменьше — тридцатью, а самый маленький — двадцатью четыремя. Силы испанцев намного превышали силы Моргана: ведь на самом тяжелом его корабле было всего

четырнадцать пушек. Никто не знал, что предпринять, даже Морган. Выбраться из жерла лагуны было нельзя: там стояли испанские корабли, и никакого шанса не было пройти сушей.

Что было делать? Стремясь показать, что пираты совсем не пали духом, Морган потребовал от испанцев выкупа за Маракайбо, угрожая в случае отказа сжечь город. Через два дня он получил письмо от испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы, стоявшего с кораблями у выхода из лагуны.

«Письмо испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы Моргану, адмиралу пиратов

От своих друзей и соседей я получил сообщения, что вы осмелились предпринять враждебные действия против страны и города, находящихся под властью Его Католического Величества короля Испании, моего господина. Поэтому моим долгом было прийти сюда и занять крепость, которую вы захватили у горсти трусов, установить в ней пушки и тем самым укрепить выход из гавани — словом, сделать все, как велит долг.

Тем не менее, если вы смиренно вернете все, что вами нагреблено, и освободите рабов и пленников, я из-за мягкосердия и жалости к вам отпущу вас, чтобы вы смогли добраться до вашей родины. Но если, несмотря на мои добросердечные предложения, вы станете упрямитесь, я приведу из Каракаса более легкие суда и прикажу моим войскам в Маракайбо уничтожить вас без всякой пощады.

Вот мое последнее слово: отдавшись в мои руки, вы будете вознаграждены, в ином случае я прикажу моим храбрецам отомстить вам за все те обиды, которые вы нанесли испанскому народу в Америке.

Дано на корабле Его Католического Величества «Магдалена», коим я командую, стоящем у входа в лагуну Маракайбо, 24 апреля 1669 года.

Подписал:

дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса».

Морган прочел это письмо и приказал собрать всех пиратов. Он огласил его сперва по-английски, потом по-французски, а затем спросил: хотят ли они отдать добычу в обмен на право свободного выхода или готовы сражаться? Все ответили, что лучше сражаться до последней капли крови, чем отдать добычу:

ради нее они однажды уже рисковали жизнью и готовы снова поступить точно так же.

Из толпы вышел один пират и объявил Моргану, что готов с двенадцатью товарищами подорвать самый большой испанский корабль. Он предложил превратить судно, которое пираты захватили в лагуне, в брандер. Но для маскировки снарядить его как обычный боевой корабль, подняв флаги и установив на борту чурки с шапками, чтобы казалось, будто это настоящая команда, а вместо пушек выдвинуть из портов деревянные чурки, которые называют негритянскими барабанами, то есть отрезки полых древесных стволов.

Борта брандера сделали тоньше, чтобы усилить действие пороха, пробили несколько окон-портов, в которые выставили вместо пушек разукрашенные чурбаны, а на главной мачте подняли английский флаг. Таким образом, брандер стал похож на хорошо вооруженный военный корабль.

Испанцы, как ни странно, клюнули на наживку. Они приняли брандер за главный неприятельский корабль. Командир испанцев, толком не разобравшись, решил, что англичане идут на абордаж, и приготовился отразить атаку. Когда же понял, что это брандер и его цель — взорвать испанское судно, было уже поздно. Адмиральский корабль вспыхнул, как спичка, и не многим удалось спастись.

Дальнейшее, как говорится, было делом техники. Испанцы, увидев гибель флагмана, подожгли свои корабли и поспешили укрыться в крепости. Пираты изготавились было штурмовать ее, но, поразмыслив, взвесив свои шансы (у них не было ни пушек, ни осадных лестниц), предпочли ретироваться, потеряв тридцать человек убитыми и четыре десятка ранеными. Среди пленных, захваченных Морганом, оказался один штурман. Когда ему пригрозили расправой, он рассказал, что на потонувшем корабле, который был подожжен брандером, находилось сорок тысяч пиастров и серебряные слитки. Морган тотчас распорядился извлечь это сокровище из моря, благо оно оказалось здесь неглубоким. Удалось поднять со дна две тонны слитков серебра и монет.

Тем временем Морган послал испанцам ультиматум: немедленно заплатить выкуп за город, иначе он сожжет Маракайбо. Пока испанский генерал раздумывал, жители, не спрашивая его, вступили в переговоры с Морганом и согласились на выкуп в двадцать тысяч пиастров и пятьсот голов скота. Пираты перебили стадо и засолили мясо.

Теперь пиратским кораблям оставалось мирно выйти из гавани, минуя крепость с ее грозными пушками. Но командир испанцев дон Алонсо напрочь воспротивился этому. Он надеялся взять реванш за гибель своих судов. Даже мольбы жителей города не заставили его переменить решение. Он был непреклонен.

Морган узнал об этом и понял, что просто так ему не выйти из гавани в море. И тогда он пошел на хитрость. Часть пиратов погрузилась на каноэ и высадилась на берег. Испанцам в крепости было ясно, что готовится штурм с суши и, по-видимому, произойдет это ночью. Поэтому защитники крепости перебросили всю тяжелую артиллерию на другую сторону, откуда, как они думали, следовало ожидать нападения. Сюда же перевели и большую часть гарнизона.

Этого-то и ожидали пираты. Они незаметно вернулись на корабли и в наступившей темноте подняли якоря. Пользуясь течением и благоприятным ветром, проплыли мимо крепости, мимо молчащих пушек. Когда испанцы опомнились и повернули их в сторону моря, пираты уже были вне досягаемости и взяли курс домой, на Ямайку.

Завоевание Панамы

В Порт-Ройял Морган вернулся в ореоле славы и с богатой добычей. О нем шла молва, как о самом удачливом и опытном капитане среди пиратов. Он был уже настолько богат, что вполне мог бы уйти, как говорится, на покой. Но алчные его сотоварищи жаждали новой наживы. И он поддался их уговорам возглавить новый поход против испанцев. Тем более, что губернатор Ямайки снабдил его каперской грамотой. Это означало, что Морган имел полное право грабить суда и корабли испанцев, уничтожать их порты, склады и обирать города. Что и говорить, Морган с восторгом принял каперскую грамоту. Правда, потребовал от губернатора заключить с ним еще и дополнительное письменное соглашение. Теперь ему казалось, что он близок к тому, чтобы стать некоронованным властителем пиратов Ямайки.

Морган кинул клич и очень скоро завербовал две тысячи отчаянных парней, готовых отправиться хоть к чертям в ад. А он всего лишь предложил

выступить на завоевание Панама. Можно было подумать, что тщеславному пирату не дают покоя лавры Бальбоа и Дрейка, первыми омочивших ноги в водах Тихого океана.

Морган начал тщательно готовиться к походу. Когда все уже было готово — корабли, экипаж, оружие и такелаж, оказалось, что недостает нужного количества провианта. Решили отправить малую экспедицию на материк и добыть дополнительно припасов. Что и было сделано: корабли вернулись с мясом и маисом.

И вот флот Моргана, величайший из всех, когда-либо собиравшихся под черным пиратским знаменем, вышел в море. В его составе было тридцать семь кораблей, вооруженных пушками. Кроме экипажей, на судах находились две тысячи солдат. Все были уверены, что с такой силой они сокрушат любые самые неприступные форты и другие укрепления испанцев. Но главное — возвратятся домой с такими богатствами, которые позволят безбедно дожить до конца дней.

Каждый пират подписал условия о разделе добычи. Согласно им, Моргану принадлежала сотая часть всей добычи и, кроме того, с каждой ста человек одна часть, которая следовала отдельному пирату. Каждый капитан корабля получал, кроме своей доли, еще восемь частей от общей добычи.

Интересно, что главному хирургу (а был и такой), кроме жалованья, выделяли 100 пиастров, а каждому корабельному плотнику (тоже редкому и уважаемому специалисту), помимо жалованья, также сто пиастров. Это не считая денег за увечья и за отличия в сражениях.

Когда флотилия вышла в море, Морган собрал совет капитанов и подробно познакомил их со своим замыслом. Пройти по перешейку, напасть с тыла и овладеть городом Панама, где он надеялся захватить груды золота и серебра. О трудностях похода сквозь джунгли он благоразумно умолчал. Все были увлечены нарисованной им картиной несметных сокровищ, которые ждали их в Панаме.

Город этот на берегу Тихого океана действительно был одним из богатейших в Америке. В нем насчитывалось две тысячи больших, великолепных домов и еще пять тысяч менее шикарных, но почти все трехэтажные и большей частью каменные.

За валом и городской стеной, защищавшими город, на складах хранилось мексиканское серебро и перуанское золото. Отсюда на мулах его перевозили

через перешеек на Атлантическое побережье. В городе купцы были богаты, церкви и собор великолепны, монастыри полны золотой и серебряной утвари. В домах знатных горожан ценные картины украшали стены, полно было китайского фарфора и изделий изящного искусства.

Одним словом, здесь было чем поживиться. При упоминании слова «Панама» глаза пиратов загорались огнем вожделения. Нужно ли говорить, что никакие трудности, лишения и опасности не могли их остановить.

Первая такая трудность, возникшая еще до похода, состояла в том, что никто из спутников Моргана не знал дороги через джунгли. Нужны были проводники. Заполучить их решили на острове Санта-Каталина, где в тюрьме содержались испанские преступники. Прибыв к острову и высадив десант в тысячу человек, пираты так напугали гарнизон, что тот без малейшего сопротивления сдался.

Правда, его комендант умолил для спасения чести своих солдат дать фальшивое сражение. Такая комедия была разыграна. Пушки палили вовсю, но без ядер, мушкеты стреляли вхолостую, пираты шли на штурм укреплений — все имитировали жестокое сражение. После того, как оно благополучно, без жертв, закончилось, пираты приступили к войне с коровами, телятами, курами и индюшками. В арсенале разжились боеприпасами — ружьями, ручными гранатами, порохом. Среди преступников Морган отобрал троих, знавших дорогу в Панаму. После чего можно было начинать поход.

На кораблях подняли черные флаги с изображением черепа и скрещенных костей и двинулись к устью реки Чагрес. Здесь надо было овладеть фортом Сан-Лоренцо. Это был крепкий орешек.

Построенный на высокой горе, он считался неприступным. И пираты вскоре в этом убедились. Несколько их атак гарнизон из трехсот солдат легко отбил, пока кому-то из пиратов не пришла мысль зажечь дома в форте с помощью стрел, снабженных горючим материалом.

Вскоре в форте запылал пожар. Испанцам пришлось отрядить часть солдат на его тушение. Воодушевленные удачей пираты бросились на штурм, и форт на этот раз пал. Комендант его погиб в бою, как и многие защитники. Но и пираты понесли серьезные потери. Более ста человек были убиты и восемьдесят ранены.

Форт был необходим Моргану для того, чтобы оставить в нем гарнизон и тем самым обезопасить свой тыл. Он знал, что река Чагрес судоходна для больших судов лишь на протяжении сорока миль. Дальше он рассчитывал продвигаться по ней на каноэ, а затем пробиваться по суше сквозь тропические джунгли.

18 января 1671 года начался этот беспримерный поход. Никогда еще не участвовало в переходе по перешейку такое количество пиратов — тысяча триста человек.

Сначала плыли на судах, потом на тридцати двух лодках. Чтобы не было лишнего груза, с собой взяли лишь самое необходимое. Надеялись разжиться припасами по дороге, но уже вскоре убедились, что ошиблись. При приближении пиратов испанцы покидали поселки, уводили домашний скот, уносили или сжигали съестные припасы и даже срезали не поспевший еще хлеб и садовые плоды. Пиратам доставались пустые дома, но и это считалось благом — можно было хоть по-человечески переночевать, а не тесниться в лодках, где и присесть-то не было места.

Впрочем, все это были лишь цветочки. Главные невзгоды и трудности начались потом, когда река из-за отсутствия дождей обмелела и пришлось бросить лодки. На третий день отряд вступил в непроходимые джунгли, шли без дороги, через болота.

Не привыкшие к подобным походам пираты терпели немалые трудности. Ядовитые змеи, ягуары и крокодилы то и дело попадались на пути. Еще опаснее были укусы москитов и ядовитых муравьев, которыми кишели джунгли. Начал сказываться и голод. Пришлось есть листья и траву. По ночам страдали от холода.

Только надежде встретить испанцев и поживиться за их счет поддерживала мужество. Но, увы, когда достигали какого-либо укрепленного места, оно оказывалось покинутым и абсолютно безлюдным. Мало того, все припасы были унесены или сожжены. В одном форте, оставленном испанцами, пиратам достались лишь пустые кожаные мешки. Но голод, как известно, не тетка, и, чтобы утолить его, пираты разрезали мешки на мелкие части, размягчили их с помощью камней, замочили в воде, а потом зажарили. Ели, обильно запивая водой, благо ее было в избытке.

Наконец им повезло. В покинутой крепости случайно нашли два мешка с

мукой, несколько плодов и два больших сосуда с вином. Но эта находка была каплей в море, если иметь в виду количество страждущих. Припасы, по распоряжению Моргана, разделили между самыми слабыми, теми, кто уже не мог сам передвигаться. В другой раз, когда уже казалось, что вот-вот все рухнет от голода, они набрали на поле и в сарае обнаружили запасы маиса. Пираты набросились на него и начали поедать прямо сырым. Опомившись, остаток сварили. Это на время поддержало физические и моральные силы. И то, и другое было на исходе.

И вот наступил час, когда среди части пиратов поднялся ропот. Моргана осуждали за безрассудство, за то, что обманул их и вовлек в смертельную авантюру. Многие изъявили желание вернуться. Но большинство оказалось более стойким и решило продолжать путь.

Наконец, на девятый день похода отряд Моргана вышел на равнину и, продолжая путь, к полудню поднялся на холм. Отсюда впервые увидели воды Южного, то есть Тихого, океана. Возможно, именно с этого места открылось поразительное и долгожданное зрелище и предшественникам Моргана — Бальбоа и Дрейку.

Радость близкого окончания мучительного путешествия усилилась при виде коров и лошадей, которые паслись в долине. Пастухи разбежались, и все стадо досталось изголодавшимся пиратам. Перебив его, с жадностью поглощали чуть ли не сырое мясо, так что кровь текла изо рта и по груди. Подкрепившись таким образом, отряд продолжил путь, и вскоре все увидели городские башни Панама. Криками восторга встретили пираты эту картину. Дело оставалось за малым — овладеть городом. Штурм Морган назначил на утро.

Но взять город в лоб не представлялось возможным. Мало того, что он был хорошо укреплен, испанцы возвели на дороге к нему укрепления и поставили батареи. Пираты, как часто бывало, решили пойти на хитрость. Они отправились в обход через заросли и вышли в тыл укреплениям. Однако столкновения избежать не удалось.

Испанцы выставили на поле перед городом огромное войско. Чуть ли не три тысячи пехоты, четыреста кавалеристов и две тысячи быков, которые могли смять любого противника. Не учли они одного — характер местности.

Конница и быки оказались бесполезными на болотистой почве. А меткий

огонь пиратов совершил свое дело — лишь пятьдесят конников спаслись бегством. Быки так и оставались не востребованными. Когда же испанцы, опомнившись, пустили их в наступление, пираты выстрелами, криками и флагами заставили быков повернуть вспять, и обезумевшие животные смяли ряды испанцев.

Хотя поначалу силы были неравные, в конце концов сражение закончилось полной победой пиратов. Шесть сотен испанских солдат полегло, не считая раненых и пленных.

Развивая успех, пираты на плечах противника после трехчасового упорного боя ворвались в город. Все, кто мог, к тому времени уже покинули его. Ушли в море на кораблях, прихватив все самое ценное. Часть жителей спаслась в окрестных лесах, предварительно хорошо спрятав свое имущество и драгоценности.

Чего было в изобилии, так это вина. Морган опасался, что изголодавшиеся и упоенные победой пираты перепьются и станут легкой добычей испанцев, которые, не ровен час, могли нагрянуть. Поэтому он запретил пить вино, а вдобавок распустил слух, что оно отравлено. Это подействовало. Пираты были трезвыми, как стеклышко.

Но чего Морган не мог запретить, так это грабежа. Собственно, ради этого они и терпели лишения, болели, голодали, наконец, некоторые отдали свои жизни. Лишить их, как тогда говорили, приза он не мог. И все же опасался, что разгул бесчинств деморализует пиратов. Но как остановить грабеж? Как пресечь вакханалию? И Морган пошел на крайнюю меру. Конечно, не из благородных побуждений, а исключительно из сохранения боеспособности своих головорезов. Он отдал тайный приказ поджечь город. В несколько часов великолепные здания, биржа, церкви, монастыри, лавки, ратуша превратились в пепел. Огонь, если можно так сказать, остудил горячие головы грабителей. Они снова готовы были повиноваться своему предводителю.

Захватив немалую добычу, изрядное число пленных, Морган приказал трогаться в обратный путь. Все ценное погрузили на мулов и отправили под охраной. Следом двинулся основной отряд.

Прибыв в Чагер, где оставил гарнизон, Морган отослал обратно всех пленных и приступил к дележу добычи. Общая ее стоимость равнялась 443 000

фунтов серебра по 10 пиастров за фунт. Причем, вероломный во всем, Морган и здесь надул своих дружков. Он скрыл многое из награбленного. В общем, на каждого пирата, участника похода, пришлось не более двухсот пиастров.

Поднялся ропот — все почуяли неладное, потянулись к ножам. Не желая испытывать судьбу, Морган тайком на четырех кораблях с наиболее верными ему людьми и львиной долей добычи скрылся, как говорится, в неизвестном направлении. Можно только представить ярость брошенных им на берегу соратников.

А через некоторое время Морган объявился в Порт-Ройяле и предстал перед губернатором, который ему благоволил (разумеется, не за красивые глаза). Не скрыл губернатор и приказа, который получил из Лондона, — немедленно арестовать Моргана и переправить в английскую столицу. Дело в том, что к тому времени война между Англией и Испанией прекратилась. И обе державы решили покончить с пиратством в Карибском море. К тому же испанцы потребовали от англичан наказать Моргана за разграбление Панамы, а еще лучше выдать его им.

К удивлению губернатора, Морган решил сам отправиться в Англию. Он прекрасно сознавал, что только за очень крупное подношение Карлу II и другим вельможам может обрести свободу. И он решился на это, благо было чем ее оплатить.

Как и предполагал, в Лондоне к нему отнеслись снисходительно. А многие считали его выдающимся мореплавателем, таким, как Дрейк. Словом, судебный процесс не состоялся. Более того, король посвятил пирата в рыцари, то есть сделал дворянином, и предложил ему пост вице-губернатора на Ямайке. Это означало, что Морган сам должен был отныне вести борьбу с пиратством.

Некоторое время спустя Морган вернулся на Ямайку. Начав осуществлять план по искоренению своих недавних соратников, он перво-наперво предложил амнистию всем, кто добровольно перестанет разбойничать на море. В противном случае грозил жестоко расправиться с непослушными.

Не все и не сразу вняли его призывам. Пришлось применять жестокие меры, что он, как мы знаем, умел делать, недаром получил прозвище Жестокий. Все больше бывших пиратов бросало свое прежнее преступное ремесло, стало заниматься частной торговлей и судоходством, иные стали мирными плантаторами. А Порт-Ройял, этот еще недавно «пиратский Вавилон»,

превратился в важный центр морской торговли.

Сам же Морган, один из крупнейших пиратов всех времен, умер почтеннейшим джентльменом в своей постели в этом самом Порт-Ройяле 25 августа 1688 года. Его состояние к тому времени составляло на нынешние деньги один миллион фунтов стерлингов. Жил он в богатом имении и так отзывался о своем прежнем ремесле пирата: «Я испытываю отвращение к кровопролитию, и меня очень огорчает, что мне так часто приходилось убивать».

Незадолго до смерти Морган писал в Лондон, предупреждая власти, что вырвать с корнем пиратство будет не легче, чем ликвидировать грабителей на дорогах Англии. Интересно, что нынешнее семейство американских миллиардеров Морганов не скрывает, что их династия началась именно с того самого пирата Генри Моргана, нажившего первоначальный капитал ремеслом разбойника.

УИЛЬЯМ ДАМПЬЕР.

УЧЕНЫЙ ПО ПРИЗВАНИЮ, РАЗБОЙНИК ПО ПРОФЕССИИ

Увидеть мир — его страсть

В лондонской Национальной галерее висит портрет человека с роскошной книгой в руке. Под портретом подпись: «Уильям Дампьер — пират и гидрограф». На книге можно прочесть заголовок «Новое путешествие вокруг света». Стоит сразу же уточнить, что герой нашего повествования не только был гидрографом, но и имел отношение к естественным наукам, был также великим мореходом — на его счету многие важные открытия в океане, увековечившие его имя на карте. И вместе с тем Дампьер известен как самый настоящий пират.

Книга, которую держит изображенный на портрете художником Томасом Мурреем Дампьер, стала бестселлером в XVIII веке. Она была переведена на многие языки, не раз переиздавалась. После ее выхода в свет автора избрали в Королевское общество, то есть в академию; с ним водили знакомство многие выдающиеся ученые. И сегодня этой книгой интересуются ботаники, зоологи, метеорологи, этнографы, историки.

При жизни Дампьера одни называли его «знаменитым капитаном», другие

— «страшным пиратом». Его имя наводило страх на испанцев в Южной Америке, для них он был морским разбойником. Но как ни странно, многое в жизни этого человека до сих пор остается под покровом тайны, о нем мало что известно. Попробуем, однако, приподнять эту завесу и, сопоставляя различные источники и документы, заглянем в неизведанное.

Страсть увидеть мир овладела им еще в юности. Едва окончив учебу в школе, он, как говорится, сломя голову ринулся в авантюры. Совершил плавание во Францию, потом занялся рыболовным промыслом в океане. Ходил на Яву. Некоторое время служил на военном корабле. Словом, набирался опыта моряка, познавал тяготы морской службы.

Судьба забросила его на Ямайку. Он нанялся на торговое судно и избороздил на нем все побережье острова. Потом плавал к Гондурасу, к берегам Юкатанского полуострова на Мексиканском побережье, где единственными жителями были мароны — напомним, что так называли рабов, бежавших с испанских плантаций.

Здесь Дампьер занялся заготовкой леса, организовал, как мы бы теперь сказали, компанию и энергично принялся за дело. Но страшный тайфун уничтожил все, чем он владел: постройки и корабли, стоявшие в бухте. Пришлось вернуться на Ямайку. Здесь в одном из портов он повстречал пиратскую флотилию. Во главе ее стоял сподвижник Моргана капитан Шарп. Дампьер решил примкнуть к пиратам, полагая, что и это надо испытать. Одного он не мог предвидеть, что с ними ему придется иметь дело долгие двенадцать лет.

Вначале разграбили Пуэрто-Белло. Доля каждого составила не так уж много, но это были легкие деньги — по десять фунтов на человека. Однако все жаждали большего. И тогда решили повторить поход Моргана, совершенный им десять лет назад, о чем продолжали толковать в тавернах и на кораблях. То есть задумали пересечь по суше Панамский перешеек и разграбить город Панаму.

В начале апреля 1680 года отряд из трехсот с лишним человек на семи судах подошел к перешейку. Первым делом надо было захватить город Санта-Мария, имевший важное значение. Сюда приходили караваны мулов с золотом и серебром из Панамы. Здесь драгоценный товар перегружали на свежих мулов и перевозили через горы на побережье. Там грузили на галионы, идущие в Испанию. Вот почему город Санта-Мария охраняли четыреста солдат.

Памятуя об опыте знаменитых пиратов, в частности о том, как они пользовались поддержкой маронов, решили тоже прибегнуть к их помощи. Прежде всего использовать в качестве проводников. Пираты шли, разбившись на группы. Возглавлял передовой отряд Бартоломей Шарп, а предводителем всех пиратов был избран Джон Коксон. Этот главарь, как и некоторые другие, в частности Шарп, вел дневник похода. Позже часть этих материалов была опубликована или дошла до нас в рукописном виде, являясь важным источником сведений о походе.

Без труда захватили Санта-Марию — гарнизон, испугавшись, заранее оставил город. Дальше, умело ведомые проводниками-маронами, избегая встреч с испанцами, вышли к Тихому океану в районе Панама. Группа Шарпа тут же заполучила испанский барк, а Коксон со своим отрядом взял на abordаж огромный корабль (400 т) и на нем пошел на соединение с Шарпом.

В этот момент среди пиратов пополз слух, что Коксон во время сражения за галион проявил себя трусом. Ему грозила расправа, и он предпочел скрыться с группой преданных ему людей. Кстати сказать, унес с собой общий ящик с медикаментами. Этим был нанесен серьезный урон.

После случившегося предводителем избрали Шарпа. Пираты подошли к Панаме и потребовали выкупа. Губернатор наотрез отказался. Несколько дней продолжались переговоры, но кончились они ничем. Пришлось пиратам ретироваться. Такая же неудача ждала их и у города Арика на Перуанском побережье. Это был порт, откуда вывозили серебро, добытое на рудниках Перу. Жители, предупрежденные заранее о приближении по морю пиратов, хорошо спрятали все ценное.

Тогда Шарп решил идти на юг вдоль побережья и отпраздновать Рождество на одном из островов архипелага Хуан-Фернандес, что в шестистах милях от побережья Чили. Видимо, пираты прибыли к одному из трех островов этого архипелага — Мас-а-Тьерра. Шарп оставил описание этого острова в инструкции по навигации, приложенной к атласу Южных морей. В ней говорилось о здешнем здоровом климате, плодородной почве и прекрасных лесах, наличии пресной воды и дичи. И еще оказалось одно преимущество — остров был необитаем, то есть на нем не встретишь врагов. Иными словами, здесь можно было отдохнуть, пополнить запасы и подремонтировать корабли.

Но когда собрались покинуть остров, возникли разногласия, куда плыть. Часть пиратов, в нее входил и Дампьер, двинулась обратно к Панамскому перешейку. Другие во главе с Шарпом решили обогнуть мыс Горн и проделать долгий путь без остановок аж до острова Барбадос, что в Атлантическом океане. А отсюда напрямик в Англию.

Шарп понимал, что на родине будет привлечен, по требованию испанского посла, к суду за пиратство, но ему повезло. В Лондоне Шарп передал захваченные у испанцев мореходные карты — большая ценность по тем временам — и был за это помилован. Больше того, его назначили капитаном в Королевский военно-морской флот.

А что же Дампьер? Что случилось с теми, кто вместе с ним — всего сорок два человека, включая пятерых негров-рабов и двух индейцев, — отправился на север к Панамскому перешейку? Это случилось 17 апреля 1681 года. С того дня Дампьер стал регулярно вести свои записи, принесшие ему впоследствии такую известность. Плавание прошло более-менее удачно. Но на суше, когда высадились, их поджидали в засаде испанцы. Избежав стычки, пираты скрылись в прибрежном лесу.

Переход по перешейку в обратном направлении был мучителен и долог. Но главное, чем был озабочен Дампьер, — это сохранением своих записей. Он срезал толстый ствол бамбука и залепил его с обоих концов воском, чтобы внутрь не проникла вода. Так он сохранил свой дневник и другие записи, хотя частенько преодолевал реки вплавь.

В непроходимых джунглях пиратам приходилось, идя по компасу, прорубать путь в дремучей чаще. Как на грех, начались ливневые дожди. Голод шел по пятам, и если бы не милосердные индейцы, все погибли бы. Некоторых пиратов, тех, что ослабли и не могли идти дальше, индейцы согласились оставить у себя. Остальные продолжали путь.

Дампьер пишет в дневнике, какие трудности пришлось им вытерпеть во время похода. «Мы переходили реки по тридцать раз в день. Не могли ни высушить одежду, ни обогреться, еды не было. Непрестанно лил дождь, сверкали молнии и гремел гром». Наконец пираты добрались до Карибского моря. «Так мы закончили наше путешествие за двадцать три дня, — пишет Дампьер, — пройдя, по моим расчетам, сто десять миль».

К счастью, на побережье они встретили корабль английского пирата Тристиана. Но возвращаться на Ямайку, куда готовился отплыть Тристиан, Дампьер не пожелал. Он оказался на корабле, который собирался обогнуть мыс Горн и выйти к берегам Чили. Капитаном на этом судне был Кук. В Тихом океане у берегов Чили к Куку присоединился английский капитан Итон со своим кораблем «Николас». Оба судна нуждались в ремонте и поэтому зашли на остров Мас-а-Тьерра. Было это в марте 1684 года.

Когда корабли подошли к берегу, моряки увидели человека, который отчаянно махал руками. Дампьер узнал его. Это был индеец по имени Уильям, который случайно остался на острове, когда Уот-линг и Шарп заходили сюда три года назад. Со слов этого, должно быть, первого «Робинзона Крузо» Дампьер записал его рассказ о жизни на острове: «Индеец прожил здесь один около трех лет, и хотя его несколько раз разыскивали испанцы, которые знали, что он остался на острове, они так и не смогли его найти. Он был в лесу и охотился на диких коз, когда капитан Уотлинг вывел оттуда своих людей. Когда же он вернулся на берег, корабль уже шел в открытое море.

У него было ружье и нож, маленький рожок с порохом и несколько пуль. Когда у него кончились пули и порох, он приспособился ножом отрезать от ружейного ствола куски железа, из которых делал рыболовные крючки, иглы, ножи, нагревая, железо сначала на огне, который он добывал, ударяя ружейным кремнем по куску ствола своего ружья.

Раскаленные куски железа он отбивал камнями и разрезал острым ножом или разламывал, а потом оттачивал их, затрачивая на это огромные усилия... Орудиями, сделанными таким вот образом, он обеспечивал себя провизией, которую мог предложить остров: козами или рыбой.

Он рассказал нам, что вначале, до того как сделал крючки, он заставлял себя есть тюленьё мясо, малопривлекательное на вкус, но в дальнейшем он убивал тюленей в исключительных случаях, когда ему нужно было сделать лески, для чего он разрезал их шкуры на узкие ремешки.

У него был маленький дом, или хижина, на расстоянии полумили от берега моря, которую он сделал из козьих шкур. Постелью ему служила куча хвороста высотой два фута. Одежды на нем не было. Все, что на нем было до ухода корабля Уотлинга, износилось...

Он увидел наш корабль за день до того, как мы встали на якорь, и был уверен, что мы англичане, и поэтому утром убил трех коз, чтобы угостить нас, когда мы сойдем на берег. Затем он пришел на берег, чтобы поздравить нас с благополучным прибытием. А когда мы высадились, находящийся у нас на борту индеец с Москито-Кост по имени Робин первым выпрыгнул на берег, подбежал к своему соплеменнику и припал лицом к его ногам. Тот помог ему встать и обнял его, а после этого сам упал к ногам Робина, и уже тот помог ему встать и обнял его.

Мы с удовольствием наблюдали нежность и торжественность встречи, которую с такой непосредственностью демонстрировали эти люди. А когда церемония учтивости закончилась, мы, стоявшие невдалеке, подошли к нему, и каждый из нас обнял его, переполненного радостью от встречи со столькими старыми друзьями, оказавшимися здесь для того, чтобы забрать его отсюда».

Покинув остров и продолжив плавание, пираты нападали на испанские суда, совершали набеги на прибрежные города. Они устроили свою опорную базу на Галапагосских островах, а также на небольшом островке у берегов Колумбии, где, по преданию, Дрейк делил сокровища, захваченные им на корабле «Какафуэго». Однако местные испанские власти, зная о появлении английских пиратов, прекратили перевозку морем золота и серебра из Перу в Панаму.

Записи Дампьера, которые он вел чуть ли не ежедневно, пополнялись все новыми подробностями. Помимо жизни на корабле, он скрупулезно описывал, как выглядели города, обычаи местных жителей, растительный и животный мир. И конечно же, подробно писал о плавании вдоль побережья Южной Америки, в частности о том, что произошло неподалеку от берегов Перу у острова Лобос. Вот часть этой записи:

«Здесь мы чистили наши корабли, а когда были готовы к плаванию, допросили пленных, чтобы узнать, сможет ли кто-либо из них указать на города, на которые мы могли бы с успехом напасть, поскольку до этого они сообщили нам, что испанцы о нас знают и пока мы здесь находимся, не будут отправлять по морю сокровища.

Говорилось о многих городах, таких, как Гуа-якиль, Трухильо и др. Наконец, Трухильо был указан как наиболее важный, поэтому, похоже, надо было

идти туда и захватить город. Это не вызвало дискуссий: все мы знали, что это очень населенный город. Но наибольшая трудность состояла в высадке, поскольку Гуанчако, самый близкий к нему порт, находился на расстоянии шести миль и был плохим местом для высадки. Даже рыбаки, живущие там, не могли пристать к берегу в течение трех или четырех дней.

Однако 17 мая пополудни наши люди, собравшись в кают-компаниях обоих кораблей, высказались за нападение на Трухильо. Нас было всего 108 человек, кроме больных. На следующий день мы намеревались начать плавание и взять захваченные ранее корабли с собой. Но на следующий день один из наших людей, будучи на острове, заметил три корабля, идущие на север, два из которых шли с западной стороны острова, а один — между островом и материком. Мы быстро подняли якоря и бросились в погоню.

Капитан Итон, который в то время брал последнюю пробу воды, погнался за двумя судами, шедшими вдоль западного побережья острова. Мы на корабле капитана Кука пошли за третьим, вскоре его захватили и вернулись с ним к острову, поскольку видели, что капитан Итон не нуждался в нашей помощи, захватив оба судна, за которыми гнался. Он вернулся с одним из них, другое так далеко отнесло ветром в открытое море, что он не смог забрать его, но надеялся пригнать на следующий день. Но, будучи тяжело нагруженным, судно едва передвигалось. За весь день 19 мая оно почти не приблизилось к острову.

Наши индейцы с Москито-Кост, охотясь по своим обычаям, поймали шесть черепах. Их здесь великое множество. Корабли, которые мы захватили за день до этого, шли из Гуанчако. Все три были нагружены мукой, предназначавшейся для Панамы. Два были очень тяжело нагружены, так что едва шли, а третье успели загрузить лишь наполовину, но вице-король Лимы приказал ему плыть вместе с двумя другими, в противном случае оно должно было остаться в порту, пока мы не уйдем из этих мест. Вице-король надеялся, что корабли смогут избежать встречи с нами, если уйдут раньше.

На самом большом судне было письмо правителю Панамы от вице-короля Лимы, предупреждавшего его, что в море находятся враги, и по этой причине он послал эти три корабля с мукой, которую тот, может быть, не ждет, и просит бережно ее расходовать, так как не знает, когда сможет послать еще (Панама снабжалась из Перу)... Корабль должен был также доставить из Лимы в Панаму

около 2 миллионов фунтов стерлингов. Но пока на него грузили муку, до купцов дошел слух, что капитан Сван появился в Вальдивии (порт в южной части Чили), и было приказано отправить деньги назад на берег.

Пленные испанцы сообщили нам, что жители Трухильо строят форт в Гуанчако (который является морским портом Трухильо) у самого моря, возможно, для того, чтобы отразить любую попытку высадки там на берег. Услышав эти новости, мы изменили наши первоначальные планы и решили идти, взяв с собой три захваченных испанских корабля, к Галапагосам, которые представляют собой множество больших островов, лежащих у экватора или рядом с ним».

Но спустя некоторое время пираты все же решили подстеречь корабль с серебром из Лимы в Перу. Однако среди них не оказалось судна с драгоценным грузом. Это были военные корабли, посланные для борьбы с пиратами. У последних было четырнадцать судов, у испанцев в три раза больше. Что было делать? Дампьер без всякого стеснения отмечает, что пираты при виде несущихся на них на всех парусах испанцев предпочли спастись бегством.

Столь же неудачной была и другая попытка захватить испанский галион с драгоценностями на пути к Акапулько, что на побережье Мексики. К этим несчастьям следует добавить и потерю убитыми в стычках с испанцами пятидесяти человек. Все эти неудачи породили разногласия среди пиратов, они перессорились, и каждый из капитанов решил идти, как говорится, своим путем.

Одни двинулись пешком через территорию Никарагуа к Атлантическому побережью, другие поплыли на юг к мысу Горн. Капитан Сван, на корабле которого находился и Дампьер, пустился в плавание на запад через Тихий океан. По тем временам пересечь его оказалось непросто. Ведь еще не было точных сведений о ширине этого океана, не знали, за сколько дней можно его преодолеть и соответственно сколько брать продовольствия. Руководствовались лишь сведениями Дрейка.

В плавание вышли 31 марта 1686 года и через пятьдесят один день достигли острова Гуам. То есть прошли 7323 мили по океанским просторам. К концу этого перехода продовольствия оставалось по полкружки маиса в день на человека.

Остров Гуам был открыт Магелланом. Отсюда великий мореход пошел на Филиппины, где и был убит в стычке с туземцами. С тех пор испанцы прочно

обосновались здесь, превратив Манилу в торговый центр, связанный с Американским побережьем по ту сторону Тихого океана. Между Манилой и крупнейшим городом на Тихоокеанском побережье Мексики Акапулько существовало регулярное сообщение. Испанские галионы с грузом драгоценных Металлов и камней, специями и другими дарами Востока были здесь частыми гостями.

После Гуама и Филиппин капитан Сван повел корабль к Сиаму и еще дальше на север к Кантону. Но тут на судне произошли события, которые изменили все планы Дампьера. Команда, недовольная Сваном, избрала капитаном Джона Рида. Впрочем, Дампьеру было уже все равно, кто будет командиром. К тому времени он твердо решил при первой возможности оставить судно. Причина была в том, как он сам писал в дневнике, что его «утомила эта сумасбродная команда», ее беспробудное пьянство и бесчинства.

Однако сделать сразу это не удалось. Некоторое время он еще плавал вместе с Ридом, побывал у берегов Австралии. Его записи об аборигенах, которых англичане встретили здесь, и сегодня представляют интерес. Как и те, где он рассказывает об обычаях и пище других, тогда еще не известных европейцам народов, населяющих Новую Гвинею и другие острова, мимо которых ему довелось проплы-вать. Так, Дампьер подробно описывает неведомые европейцам хлебное дерево, лимоны, манго, кокосовые орехи и бананы. Есть у него и описание бумеранга — деревянного меча, выглядевшего как сабля.

Наконец, когда подошли к Никобарским островам, что лежали на морском пути из Гоа в Макао и оттуда в Японию, Дампьер попросил Рида отпустить его на берег. К удивлению Дампьера, тот легко согласился, предложив за компанию прихватить еще матроса Холла и нескольких малайцев, которых не хотел держать на корабле. Когда Дампьер сел в лодку, кто-то заботливый бросил ему топор — вещь, как окажется, крайне необходимую и для защиты, и в качестве товара для обмена.

На другой же день после того, как Дампьер оставил корабль, он обменял этот топор на каноэ. Но, к несчастью, едва он и его спутники погрузились в лодку, как она перевернулась. Все — и люди, и багаж — оказались в воде. Были испорчены карты и пострадал дневник, который все же удалось высушить. Смогли сберечь и такую важную вещь, как компас.

Переделав каноэ в морской катамаран, Дампьер добрался до Аче на северном побережье Суматры. Это было, пожалуй, одно из самых трудных его плаваний.

«Было 15 мая 1688 года, около четырех часов пополудни, — записал в своем дневнике Дампьер, — когда мы покинули Никобарские острова, держа путь к Аче. Нас было всего шесть человек, два англичанина и четыре малайца, которые родились в Аче. 18 мая подул свежий ветер, небо начало завлакивать облаками». Поднялись сильные волны, солнце окончательно скрылось. В лодке набралась вода, ее приходилось то и дело вычерпывать. Вечером того же дня небо стало совсем черным, покрытым тяжелыми облаками, дул сильный ветер, по морю шли высокие волны.

«Море бросало в нас белой пеной, темная ночь окутала нас, нигде не было спасительной земли, а наш маленький ковчег, казалось, вот-вот накроет набежавшая волна... Я подвергался многим большим опасностям, о некоторых из них я уже упоминал, но худшая из всех них была не более чем детской игрой в сравнении с тем, что происходило. Я должен, к своему стыду, признаться, что в то время не мог собраться с мыслями.

Другие опасности не приходили ко мне с такой спокойной и ужасной торжественностью. Неожданное нападение, бой или что-либо в этом роде, когда льется чья-то кровь и все рвутся вперед, обуреваемые страстями, — это совсем не то. Но здесь я смотрел утомленным взглядом на приближающуюся смерть и почти не имел надежды избежать ее. Я должен признаться, что мое мужество, которое я до этого еще сохранял, покинуло теперь меня...

Около 10 часов начался ливень с громом и молниями. Но дождь был приятен для нас, поскольку совершенно иссякли запасы пресной воды, которую мы захватили с собой. Ветер, дувший сильно, постепенно стал более умеренным, и море тоже успокоилось. И когда мы посмотрели на компас, то с удивлением обнаружили, что по-прежнему идем на восток... Но около двух часов утра 19 мая опять налетел сильный ветер с дождем, который лил до рассвета... Было очень темно. Сильный ливень промочил нас до нитки».

Наконец, через пять дней плавания Дампьер и его спутники добрались до Аче. Вот когдагодились и малайцы. Они помогли устроиться у местных жителей. Это было особенно кстати, так как оба — Дампьер и Холл — страдали

от малярии, а потом на них свалилась новая напасть — дизентерия.

Поправившись, Дампьер согласился на предложение одного купца стать капитаном его корабля, который должен был плыть в Тонкин и обратно. Путь проходил через Малаккский пролив, мимо Сингапура, тогда безлюдного острова. Вернувшись в Аче, он плавал в Малакку с контрабандным грузом опиума, ходил в Мадрас, затем служил артиллеристом в форте на Суматре. Но случая возвратиться на родину все так и не было. А ведь прошло уже двенадцать лет, как он ее покинул. За эти годы Дампьер так ничего и не нажил. Все его богатство состояло в дневнике, спрятанном в бамбуковой палке. И еще был мальчик-раб по имени Джоли, подаренный ему каким-то капитаном. Этот мальчик был весь с головы до ног покрыт татуировкой, и Дампьер рассчитывал заработать в Англии кое-какие деньги, демонстрируя его и выдавая за восточного принца.

Наконец один капитан согласился взять Дампьера с мальчиком на свой корабль, который уходил в Англию. Но тут возникло затруднение. Губернатор форта, где служил Дампьер, не захотел его отпускать. Оставалось одно — бегство. Темной ночью Дампьер и мальчик выползли через бойницу для пушки в стене форта и на лодке добрались до корабля. Дневник удалось захватить с собой.

Сделав всего две остановки — в Кейптауне и на острове Святой Елены, 16 сентября 1691 года корабль достиг берегов Англии. Закончилось первое кругосветное плавание Дампьера...

Морской скиталец

По приезду в Лондон Дампьер тут же начал демонстрировать своего «раскрашенного принца», получая с этого хоть какой-то доход. Иначе он вообще сидел бы без гроша в кармане. В афише говорилось, что «это очаровательное существо будет демонстрироваться публике каждый день, пока будет находиться в городе, с 16 июня в Блу-Боос-Хед на Флит-стрит, недалеко от Уотер-лайн...». К несчастью, «раскрашенный принц» через несколько месяцев умер. С этого момента Дампьер исчезает на несколько лет.

Вновь он объявился лишь в 1697 году, когда были опубликованы его дневники под заголовком «Новое путешествие вокруг света». Дампьер посвятил книгу президенту Королевского общества. Возможно, в благодарность Дампьер

получил должность служащего таможи. Его стали использовать как эксперта по торговле, с ним советовались о создании колоний в районе Панамского перешейка.

Вспомнили и о его пиратском прошлом. Но чтобы не наказать, а, напротив, привлечь как эксперта по борьбе с пиратством. Так он принял участие в разработке маршрута для флотилии военных кораблей, когда ее послали на борьбу с пиратами в районе Мадагаскара.

После успеха книги Дампьера стали приглашать в дома знатных людей. Один из них, познакомившись со знаменитым капитаном, оставил такую запись: «Это был знаменитый пират, он привез сюда раскрашенного принца Джоли и напечатал описание своих весьма необычных приключений и наблюдений. Теперь он опять собирается в плавание при поддержке короля, который снарядил корабль водоизмещением 290 тонн. Он производит впечатление более скромного человека, чем можно было бы вообразить, учитывая среду, к которой он принадлежал. Он принес карту направлений ветров в Южных морях, составленную по его наблюдениям, и уверял нас, что подобные карты, до сих пор существовавшие, все были неправильными в части, относящейся к Тихому океану».

Интересно, что книга Дампьера понравилась писателю Джонатану Свифту, и он почерпнул из нее материал для описания плавания своего капитана Гулливера. Об этом прямо намекнул в тексте своего повествования. Больше того, писатель наделил капитана Покока, с которым Гулливер совершает плавание, чертами Дампьера.

В этот Момент Дампьер стал готовиться к новому плаванию. Теперь уже в качестве капитана корабля Королевского военно-морского флота. Предложенный им маршрут был поддержан Адмиралтейством — к берегам Новой Голландии и Новой Гвинеи, то есть в район Австралии. Это было сложное плавание в почти неизученную часть земного шара. Ведь в то время еще не знали, является ли Новая Голландия частью Новой Гвинеи и где вообще находится загадочная Южная Земля.

На корабле «Косуля» (292 т, 12 орудий, 50 человек экипажа) Дампьер вышел в море 4 января 1699 года. Вскоре, однако, выяснилось, что команда подобралась никудышная. Оказались плохими специалистами штурман и

корабельный плотник. Но особенно не повезло с первым помощником капитана Джорджем Фишером. На судне запахло заговором, и Фишер всячески подталкивал матросов к бунту. Он открыто заявлял, что не желает подчиняться бывшему пирату. Назревала ссора, и она разразилась.

Поводом послужил, как часто бывает, частный случай. Фишер велел матросам открыть бочку с пивом и распить ее. Но не спросил на это разрешения у Дампьера. А тот, узнав об этом, запретил. Тогда Фишер в открытую стал ругать капитана, называя его негодяем и жуликом.

Дампьер хорошо помнил инструкцию, по которой он обязан был пресекать любое недовольство на борту. Он приказал запереть Фишера в каюте, затем собрал команду и прямо спросил, собираются ли они бунтовать. Все ответили, что о таком никто и не помышляет. Инцидент был исчерпан. Что касается Фишера, то его высадили на берег и отправили под конвоем в Англию.

После этого плавание проходило относительно спокойно. И вот, проделав за три месяца семь тысяч миль, «Косуля» подошла к западному берегу Австралии. Проплыв вдоль берега на север, обнаружили место, где можно было запастись свежей водой. Место это назвали Землей Дампьера. Отсюда двинулись дальше на север к Новой Гвинее. Прошли проливом, который сейчас называется проливом Дампьера.

Здесь удалось наблюдать извержение вулкана, о чем Дампьер сделал такую запись в своем дневнике: «Всю ночь вулкан извергал огонь и дым, что сопровождалось страшным шумом, подобным грому, и виднелось пламя, страшнее которого я еще не видел... Потом можно было видеть огромный огненный поток, бегущий к подножию вулкана и даже почти к берегу».

В этот момент обстоятельства заставили Дампьера изменить маршрут и повернуть назад. Что же это были за обстоятельства? Вот как он сам говорит об этом в предисловии к книге о плавании к Новой Голландии: «В то время я встретился со многими трудностями: необходимостью ремонта судна, малочисленностью моих людей, их желанием скорее вернуться домой, а также опасностью продолжать плавание при таких условиях в морях, где мели и берега были совершенно неизвестны и должны были изучаться с большой осторожностью и медленно. Все это заставило меня отказаться от продолжения намеченных мной исследований».

Не говоря уже о том, что сам Дампьер был тогда болен, а корабль дал течь, и несмотря на все усилия плотника, починить его не удавалось. У Дампьера был один шанс — как можно скорее вернуться домой. Но то, чего он больше всего опасался, произошло. У острова Вознесения «Косуля» медленно пошла ко дну. Команда успела соорудить плот и на нем добралась до берега этого необитаемого острова. К счастью, здесь была вода и черепахи. Так что от жажды и голода умереть было нельзя. К тому же остров находился на торговом пути из Европы на Восток. И уже вскоре английский торговый корабль подобрал «робинзонов».

Дампьер вернулся в Лондон, где его ждали большие неприятности. Во-первых, надо было объяснить причину потери корабля. Но это не так трудно было сделать — имелось достаточно свидетелей. А во-вторых, дать показания в военном суде, куда Дампьера вызвали по обвинению предъявленному ему Джорджем Фишером в жестоком с ним обращении. В приговоре по этому делу говорилось: «После тщательного изучения всех пунктов обвинения, выдвинутых капитаном Дампьером и лейтенантом Фишером друг против друга, суд нашел, что многие из них были, по сути дела, незначительными, а другие — недостаточно доказанными. Таким образом, главным делом, которое рассматривал суд, была жестокость капитана Дампьера в отношении лейтенанта Фишера...

То, что он избил своего лейтенанта, продержал его под арестом в течение многих месяцев, затем высадил на берег в кандалах и отправил в тюрьму, является бесспорно недопустимым. Объяснения, которые он дал в оправдание своих поступков, ссылки на имевшиеся у него сведения о заговоре, подготавливавшемся упомянутым лейтенантом, и подозрения, которые он имел в отношении лейтенанта, не были им доказаны и остались только предположениями и догадками.

В силу этого военный суд выносит свой приговор в пользу лейтенанта. Суд далее выражает мнение, что упомянутый капитан Дампьер не тот человек, который может быть использован как командир какого-либо корабля флота ее величества».

К тому же суд приговорил Дампьера к уплате большого штрафа, оставив тем самым его без гроша в кармане.

В погоне за сокровищами

Обстоятельства заставили Дампьера снова вспомнить о своем пиратском прошлом. К тому же заняться грабежом и быстро обогатиться тогда можно было на вполне законных основаниях — началась война с Испанией и вновь направо и налево раздавали каперские грамоты. Купцы охотно снаряжали корабли для нападения на испанские суда и разграбления прибрежных городов. Все они грезили сокровищами, которые перевозили на испанских галионах: их захват сулил огромные барыши. Часть добычи, как мы знаем, полагалась капитану и членам экипажа, другая — тем, кто снарядил корабль.

Итак, Дампьеру предложили стать капитаном корабля «Сент-Джордж», выйти в море и заняться морским разбоем. Конечно, никто так открыто и цинично не определял задачу. В патенте, выданном Дампьеру, говорилось, что он назначается капитаном «Сент-Джорджа» без жалованья, то есть его доходом будет захваченная добыча: две трети владельцам судна, одна треть — команде.

И вот 30 апреля 1703 года «Сент-Джордж» вышел в море, где к нему присоединилась галера «Семь врат». На «Сент-Джордже» было двадцать шесть орудий и сто двадцать человек команды, на «Семи вратах» — шестнадцать орудий и экипаж из шестидесяти трех человек. Надо заметить, что галера помимо парусов была снабжена веслами и могла передвигаться, когда не было ветра.

В качестве боцмана на галере служил Александр Селькирк, тот самый, что стал прототипом Робинзона Крузо в одноименном романе Д. Дефо. (Об этом смотри главу «Вудс Роджерс, или Одиссея Александра Селькирка».)

Оба судна пересекли Атлантический океан, вышли к Бразилии и отсюда, миновав мыс Горн, прошли в Тихий океан. Район был Дампьеру хорошо знаком по прошлым плаваниям, и он надеялся здесь на богатую добычу.

Сначала напали на французское судно, затем на испанский корабль. Однако ничего мало-мальски ценного на них не оказалось. А Дампьер мечтал о большом «призе» — либо захватить испанский галион с несметными сокровищами, либо разграбить какой-нибудь богатый город. Он вспомнил о городе Санта-Мария на Панамском перешейке. Сюда он и направил свой корабль. Но когда его люди на лодках подплыли к городу, готовясь к десанту, как на грех, пошел дождь и подмочил порох на полках мушкетов и пистолетов. К тому же стало известно, что в город два дня назад прибыло подкрепление из четырехсот

солдат.

Иначе говоря, испанцы заранее узнали о подходе пиратов и успели хорошо подготовиться к штурму. В этих условиях, когда фактор внезапности был потерян, англичане решили вернуться на корабли. Тут им повезло больше — они захватили испанский корабль с вином, мукой, сахаром, тканями.

И то ли из-за винных паров, то ли еще почему, но только между капитанами двух английских судов произошла ссора. После этого капитан галеры «Семь врат» заявил, что дальше поплывет один. Это впоследствии обернулось для него катастрофой. Галера налетела на скалы и пошла ко дну, команда спаслась на пустынном островке. Ее снял испанский корабль, доставил в кандалах в Лиму, где всех посадили в тюрьму как пиратов.

Между тем «Сент-Джордж» после нескольких стычек с испанцами вынужден был встать на ремонт — корабль дал угрожающую течь. А пока судно ремонтировалось, Джон Клиппингтон, назначенный Дампьером капитаном захваченного барка «Дракон», решил дальше плыть самостоятельно. С Дампьером остались двадцать семь человек. Благодаря умению плотника «Сент-Джордж» был починен, и плавание продолжалось. Скоро Дампьеру наконец крупно повезло. Он без труда вошел в город Пуна и разграбил его. Затем захватил испанский корабль, а «Сент-Джорджа» бросил в море.

Пережив еще немало приключений, Дампьер в конце 1707 года вернулся домой, совершив свое второе кругосветное плавание.

Снова морской разбой

Не прошло и года после возвращения, как Дампьеру предложили отправиться в новое плавание. Снова составилась «синдикат» из негоциантов, юристов, даже доктора медицины — все внесли свою долю. Несколько молодых людей из богатых семей также вложили свой пай и записались в число участников плавания. Узаконенное пиратство было делом доходным, и многие в будущем богатые семейства составили свои состояния на морском грабеже.

На собранные деньги купили два судна — «Герцог» и «Герцогиня». На первом было тридцать орудий и экипаж в сто восемьдесят три человека, на втором — двадцать шесть орудий и сто пятьдесят один член команды. Все

расходы по снаряжению экспедиции составили тринадцать тысяч фунтов стерлингов.

К тому моменту Дампьеру исполнилось пятьдесят шесть лет — по тем временам возраст почтенный, и его назначили штурманом экспедиции. Капитаном «Герцога» стал сравнительно молодой моряк Вудс Роджерс, а на «Герцогиню» назначили Стефана Кортни. Оба уже занимались каперством, и новая грабительская экспедиция не была им в диковинку.

Вудс Роджерс был человеком крутого нрава, он сразу же установил железную дисциплину, что пришлось многим не по вкусу. Созрел заговор. Мятежники попытались захватить судно, но были обезоружены и арестованы. А чтобы исключить в будущем подобное недовольство, офицеры приняли решение повесить долю каждого в захваченной добыче: матрос должен был получить десять фунтов стерлингов, помощник капитана, канонир, боцман и плотник — по сорок фунтов, штурман (т. е. Дампьер) — восемьдесят фунтов, капитан — сто фунтов. И особое вознаграждение — тридцать фунтов полагалось тому, кто первым увидит судно с ценным грузом.

Маршрут, которым шли корабли, был Дампьеру хорошо знаком. Пересекли Атлантический океан, прошли мыс Горн и вышли в Тихий океан, который на этот раз оказался далеко не тихим. Он встретил суда жутким штормом и отнес их далеко на юг. Когда волны улеглись, корабли снова пошли на север к архипелагу Хуан-Фернандес.

Когда покинули остров Мас-а-Тьерра, устремились к побережью Эквадора, рассчитывая напасть на город Гуаякиль. По пути захватили два испанских судна.

Дампьеру поручили командовать передовым отрядом, поскольку он знал местность и расположение укреплений на острове Пуна на подходе к городу. Но захватить его сразу не удалось, хотя испанцы и уstraшились, узнав, что англичанами командует хорошо известный им Дампьер. После тяжелых стычек пираты проникли в пригород. Захватив пленных и учинив погром церквей и домов, англичане потребовали от губернатора выкуп — сто тысяч фунтов стерлингов. В итоге переговоров сошлись на пятидесяти тысячах, а также драгоценностях на сумму более тысячи фунтов стерлингов. Кроме того, были получены мука, масло, вино и т. п. Пленных испанцев пираты освободили и сами убрались из города. Они поплыли на остров в Панамском заливе, где занялись

дележом добычи.

Решено было поджидать испанский галион. «К нашей огромной радости и удивлению, — писал Вудс Роджерс, — около девяти часов матрос, сидевший в «вороньем гнезде» на верхушке мачты, закричал, что видит парус». Это оказался французский фрегат. Последовала ожесточенная схватка. Пираты потеряли двадцать человек. Самого Роджерса серьезно ранили в лицо. Но добыча была захвачена богатая: китайские шелка, камчатное полотно, тафта, китайский фарфор, мускус, корица, гвоздика.

Пять дней спустя, новая удача — встреча с огромным испанским кораблем водоизмещением девятьсот тонн с шестьюдесятью орудиями на борту и командой в четыреста пятьдесят человек. Целая крепость на воде. Но одолеть ее пиратам было не под силу. После нескольких попыток захватить судно и потеряв еще двадцать человек, они предпочли ретироваться. Причем Роджерс был снова ранен.

На совете пираты решили возвратиться домой и начали плавание через Тихий океан. Дампьер был единственным, кому довелось прежде проплыть этим путем. Его опыт и советы очень пригодились. Миновали Гуам, Филиппины, Яву, мыс Доброй Надежды. И 14 октября 1711 года, через три года и два месяца, вернулись на родину. Это было третье кругосветное плавание, совершенное Дампьером.

От общей добычи ему досталась тысяча пятьсот фунтов стерлингов. Жить ему оставалось немногим более трех лет. Он умер в марте 1715 года в неизвестности и, можно сказать, в бедности.

ВУДС РОДЖЕРС,

или ОДИССЕЯ АЛЕКСАНДРА СЕЛЬКИРКА

Пират становится губернатором

Багамские острова были открыты Колумбом в 1492 году. Однако для испанцев оставались «бесполезными землями». Они даже переселили коренное индейское население на Эспаньолу, где использовали в качестве рабов на плантациях. С 1629 года на островах появились англичане и стали завозить сюда

невольников из Африки. Затем последовали годы борьбы за эти острова между англичанами, испанцами и французами. Так, в 1703 году, во время войны за испанское наследство, испанцы и французы напали на Багамские острова, сожгли на острове Нью-Провиденс город и порт Нассау и вместе с плантаторами и рабами-неграми захватили в плен английского губернатора. В живых осталось всего несколько жителей, которые успели укрыться в лесах. Этой ситуацией не преминули воспользоваться пираты. Примерно в том же 1703 году они избрали обезлюдевший Нью-Провиденс своей главной базой, как в свое время Тортугу и Ямайку.

Остров Нью-Провиденс и его порт Нассау явились идеальным местом для пиратов. Порт давал надежное укрытие значительному количеству кораблей. Несмотря на мелководье, туда могли заходить суда водоизмещением до 500 тонн. Более крупные корабли должны были пользоваться двумя узкими проливами, расположенными справа и слева от одного из островов. Форт, расположенный на острове, позволял держать эти проливы под огнем мощных пушек.

Значение Багамских островов к тому времени, видимо, поняли и в Англии. В 1705 году английский парламент направил королю адрес, в котором, в частности, говорилось: «...порт острова Провидения может быть легко защищен, и очень опасно оставлять этот остров в руках врага. Поэтому члены палаты обращаются к Его Величеству с просьбой предпринять необходимые шаги, чтобы снова овладеть островом».

Однако у английского короля в это время были другие заботы. Кроме того, испанцы и французы уже покинули острова, а оккупация их английскими пиратами, очевидно, не шла вразрез с интересами короля — пираты были ему нужны для борьбы против испанцев и французов.

Поэтому король прекратил всякое противоборство с пиратством, которое и до того велось очень непоследовательно, и стал щедро раздавать каперские свидетельства всем желающим. А получить их хотели все пираты. Как это выглядело на практике, видно из письма одного английского плантатора, жившего на Ямайке.

Он писал своему другу в Англию о том, что, хотя каперам и было запрещено нападать на корабли в прибрежных водах английских колоний (у Ямайки эта зона равнялась пяти морским милям), один из них, плававший под

английским флагом, захватил прямо у берега несколько кораблей, принадлежавших местным плантаторам и имевших на борту много денег.

В письме далее говорится: «После того капер захватил также один испанский корабль, как он говорит, взяв хорошую сумму денег на борту. Но был ли это испанский или английский корабль, неизвестно. Поэтому никто не проверил, находился ли этот корабль в тот момент в пятимильной зоне. Если так пойдет дальше, то каперы будут следовать за нашими кораблями от самого порта и забирать все что захотят... Все считают, что это проклятое ремесло породит так много пиратов, что, когда наступит мир, мы будем страдать от них больше, чем сейчас от врага...»

Озабоченный плантатор был прав. Когда в 1713 году был заключен Утрехтский мир и закончилась война за испанское наследство, каперы, действовавшие до того по поручению королей, превратились в самых обычных пиратов.

Их число сильно возросло. Если в конце XVII века казалось, что пиратство в Карибском море было почти полностью искоренено, то на Багамских островах оно воскресло подобно фениксу, восставшему из пепла.

В июле 1716 года губернатор Виргинии писал в Лондон: «На острове Нью-Провиденс создается пиратское гнездо. Если пираты получают ожидаемое пополнение за счет разного сброда, что вполне вероятно, что они будут представлять весьма серьезную опасность для британской торговли, если не принять своевременных мер к их подавлению».

В Нассау уже находилось в это время более двух тысяч пиратов. На небольшом острове, лежащем перед входом в порт, они дополнительно установили несколько орудий и теперь могли в относительной безопасности оснащать и ремонтировать свои корабли.

Новый подъем пиратства явился результатом принятия английским парламентом еще в 1651 году Навигационного акта, который разрешал практически только английским судам осуществлять связь с английскими колониями. Такая монополия благоприятствовала росту цен. Американские поселенцы были вынуждены удовлетворять свои потребности в товарах, покупая их у пиратов. Корсары же добывали пользующиеся спросом товары на английских кораблях, курсирующих между Англией и Северной Америкой. Или

уходили к Африканскому побережью и даже огибали мыс Доброй Надежды и там захватывали голландские и португальские, а иногда и шедшие с востока английские корабли.

Активность пиратов во всем мире вызывала в Европе озабоченность и беспокойство. В 1716 году английское правительство попыталось воздействовать на пиратов с помощью угрозы силой. Было объявлено: «15 сентября 1716 года. Его Величество получил многочисленные жалобы от купцов, судовладельцев и других лиц, а также от губернаторов островов и плантаций, принадлежащих Его Величеству в Вест-Индии. Согласно этим жалобам число пиратов возросло до такой степени, что они стали угрожать безопасности плавания не только возле берегов Ямайки, но и у побережья Северной Америки, и, если не будет принято никаких мер, торговля Великобритании полностью прекратится. Тщательно рассмотрев этот вопрос и приняв предложение своего совета, Его Величество отдал повеление направить на ликвидацию этих пиратов достаточные силы».

Далее следовало описание этой королевской силы: 13 военных кораблей, такое-то количество орудий... При ближайшем рассмотрении оказалось, что все эти отнюдь не перворазрядные корабли уже находились в водах Вест-Индии, за исключением трех, которым еще предстояло туда направиться. А двум кораблям был даже отдан приказ вернуться в Англию. Однако угроза эта так и осталась лишь на бумаге.

Поэтому летом 1717 года в Лондоне вновь собрался королевский совет, который предложил назначить на Нью-Провиденс энергичного губернатора, облеченного всеми полномочиями. А пиратов, объявив королевскую амнистию, побудить добровольно прекратить свою деятельность. Король издал соответствующую прокламацию. В ней говорилось: «Нам стало известно о том, что некие подданные Великобритании начиная с 24 июня 1715 года совершили много пиратских набегов и грабежей в водах Вест-Индии и в районе наших плантаций, чем был нанесен большой ущерб купцам Великобритании, а также другим купцам, и, хотя мы выделили достаточные силы для уничтожения вышеупомянутых пиратов, чтобы решительно покончить с этим делом, мы издаем настоящую Прокламацию.

Мы обещаем и настоящим заявляем, что все пираты, которые до 5 сентября 1718 года добровольно сдадутся одному из наших государственных

секретарей в Великобритании или губернатору в наших заокеанских владениях, получают нашу милостивую амнистию за все разбойничьи действия, совершенные ими до будущего 5 января. Составлено в Хемтон-корте 5 сентября 1717 года, на четвертом году нашего правления. *Георг, король*».

Таким образом, амнистия действовала в течение года, и у пиратов оставалось еще достаточно времени для разбойничьих действий, а королевская амнистия заранее их прощала.

Новым губернатором на Нью-Провиденс был назначен Вудс Роджерс. О нем писали многие авторы, в том числе Нойкирхен, Можейко и другие, даже Жюль Верн отвел ему место среди знаменитых мореплавателей XVIII века в своей «Истории великих путешествий».

Это тот самый Роджерс, который, совершая вместе с Дампьером кругосветное плавание, не только захватывал испанские суда с ценным грузом, но и грабил по пути города. Сам Роджерс сообщил о разграблении города Гуаякиль: «Дома, стоявшие наверху, у реки, были полны женщин. ...Часть самых крупных золотых цепей они спрятали у себя на теле, надели их на ноги и бедра. Но так как женщины в этих жарких краях одеты в платья из очень тонкого шелка и полотна, наши моряки обнаруживали спрятанные украшения, ощупывая дам».

То, что его «подвиги» не получили широкой огласки, а сам он пользовался расположением двора, обошлось Роджерсу недешево, за это приходилось щедро платить.

Еще перед отплытием Роджерса из Англии прокламация, о которой только что шла речь, была отправлена на Багамские острова. Корабль, везший этот документ, был захвачен одним из багамских пиратов, и содержание прокламации стало известно всем остальным. Большинство из пиратов прибыли на остров Нью-Провиденс на совещание. Здесь одни горячо выступали за, другие — против принятия амнистии. Многие пираты предлагали провозгласить независимую республику и укрепить остров. Уже упоминавшийся Чарлз Джонсон (возможно, псевдоним Даниеля Дефо) приводит в своей книге целый список пиратов, которые в это время находились на острове и отклонили амнистию. Но капитан Еннингс, пользовавшийся на острове большим влиянием, предложил безоговорочно принять амнистию. Мнения пиратов разделились, и собрание закончилось безрезультатно.

Капитан Еннингс и с ним 150 пиратов уже на следующий день покинули Нью-Провиденс. Они сдались губернатору Бермудских островов. Когда Роджерс в мае 1718 года вступил в должность губернатора острова Нью-Провиденс, первым документом, который он получил, было письмо пиратского вожака Чарлза Вейна. Очевидно, тот хотел проверить, на самом ли деле существует амнистия.

Вейн писал:

«Поймите, Ваше превосходительство, что мы готовы принять высочайшую Его Величества амнистию на следующих условиях: Вы дадите нам возможность продать все имеющиеся у нас товары, со всем своим имуществом мы поступим по собственному усмотрению, как это записано в высочайшем акте Его Величества. Если Ваше превосходительство согласны с этим, мы готовы принять амнистию короля. Если нет, мы будем вынуждены защищаться.

Ваши покорные слуги *Чарлз Вейн и компания*».

Вместо ответа Роджерс блокировал вход в порт с помощью военного корабля «Роза». В ту же ночь Вейн приказал превратить один из захваченных кораблей в брандер, нагруженный горючими и взрывчатыми материалами, и направить его на всех парусах к «Розе». Чтобы избежать пожара, капитан

«Розы» перерубил якорный канат и ушел на рейд, а Вейн со своими дружками проскочил мимо брандера, едва не коснувшись его кормы, и вышел в открытое море.

Теперь пираты знали, чего можно ожидать от нового губернатора. Некоторые пиратские капитаны, в частности Бенджамин Хорниголд, приняли амнистию короля. Так же как и Роджерс, они старались искупить свое прошлое особо ревностной службой королю и вели по его заданию упорную борьбу со своими бывшими товарищами. Другие пираты, и среди них Тич, Веннер, ла Буш и Ингленд, покинули остров еще до прибытия туда Роджерса, так как они не желали принимать амнистию. Первых пиратов, которых Роджерсу удалось захватить, он не отважился судить на острове, поскольку, как доносил в Лондон, «не был уверен в том, что пленников не вырвут из рук охраны их восставшие товарищи».

И действительно, когда Роджерс 9 декабря 1718 года проводил первый «судебный процесс», назначив судьей бывшего пиратского капитана Томаса

Бёгеса, была совершена попытка освободить осужденных. Приговоренные к смерти кричали окружавшей их толпе, что и подумать не могли, будто людей можно вести на цепи, как собак, чтобы повесить, и что все это произойдет на глазах у четырехсот их лучших друзей.

Вероятно, некоторые из принявших амнистию короля почувствовали, что задета пиратская честь, и в толпе началось сильное волнение. Однако когда один из зрителей попытался убить стражника, он был тут же застрелен самим Роджерсом.

Роджерс умер на острове Нью-Провиденс в 1732 году. Немалая его заслуга состояла в том, что этот остров, а также побережье Северной и Центральной Америки были почти очищены от пиратов.

Но мы сегодня должны быть благодарны Вудсу Роджерсу за другое, за то, что он оставил нам путевой дневник о своем пиратском прошлом и эти записки помогли в свое время Дефо создать роман, одну из самых знаменитых книг в мировой литературе, — «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка». Об этом наш следующий рассказ.

Приключения моряка из Ларго

В большом старинном кресле сидит человек в парике. Лицо утомленное, осунувшееся, отчего на нем еще больше выделяется крючковатый нос и острый подбородок. В руках у него книга. Серые глаза смотрят внимательно.

Это журналист, памфлетист и писатель Даниель Дефо. Он сидит у окна своего дома в лондонском предместье Сток-Ньюингтон и просматривает только что купленное у букиниста второе издание книги — путевой дневник пирата Вудса Роджерса о его кругосветном плавании в 1708—1711 годах.

Дефо по душе рассказ морехода о приключениях и походах, о флибустьерах — «свободных мореплавателях», об опасностях, смелости и мужестве. Ведь и сам он когда-то, подобно мореходу, отважно бросился в водоворот жизни, перед его мысленным взором возникают картины минувшего. Ему видится зачумленный Лондон, слышится скрип телеги мертвых, которых сбрасывают в общий ров, так как не хватает гробов. Он хорошо помнил, как в лавке отца покупателей заставляли опускать монеты в банки с уксусом —

считалось, что это спасает от заразы. Точно так же для того, чтобы не передавалась болезнь, все письма, поступавшие в дом, отец обрызгивал спиртом, после чего читал их на расстоянии, через лупу. Но это в общем-то не казалось таким уж страшным. Куда страшнее было видеть телеги мертвых или слышать стоны и вопли соседей, умиравших под застольные песни, день и ночь доносившиеся из таверны. Там правили пир те, кто надеялся, что лучшее средство от чумы — веселье и кутежи.

Сквозь щели в ставнях окон он видел ватаги пьяных грабителей, опустошавших вымершие дома на их улице, видел, как ради самосохранения, ставшего для многих первой заповедью, взрослые дети, презрев мольбы родителей, оставляли их умирать в одиночестве, как мужья покидали любимых жен, а мать малых детей.

Тогда их семью миновала Божья кара, никто не погиб от страшной болезни. С тех пор прошел, слава Господу, не один десяток лет. Многое пришлось ему испытать за это время, многое пережить. Иногда, особенно в дни неудач, ему казалось, что он застигнут ураганом в открытом море. И действительно, его челн много лет бросало по волнам жизни.

Судьба то возносила на гребень успеха, то кидала вниз, на дно, откуда, казалось, невозможно было всплыть. Но, энергичный, жизнестойкий, умный и изворотливый, он вновь возрождался, буквально выкарабкивался из бездны, чтобы снова окунуться сразу в несколько рискованных предприятий.

Чего же хотел Дефо? Чего добивался в жизни? Вся его разнообразная и подчас рискованная деятельность была подчинена одной цели: Дефо мечтал разбогатеть. Ради этого бросался из одной авантюры в другую, что, впрочем, было вполне в духе времени — предприимчивые и ловкие быстро достигали цели.

Этой страстью — жадой обогащения — он наделит и своих будущих героев, рыцарей фортуны и искателей приключений. Риск считался делом обычным, рисковали все — богачи-аристократы, вкладывавшие капиталы в сомнительные заморские предприятия, купцы Левантийской и Ост-Индской компаний, подвергавшиеся нападению пиратов. Ростовщикам и ювелирам, исполнявшим тогда роль банкиров (первый банк был учрежден лишь в 1694 году), грозил крах на бирже, торговцев преследовал призрак банкротства, преступникам угрожала тюрьма. В мутных волнах спекуляций, торговых сделок,

в коммерческих аферах дутых акционерных обществ погибло немало доверчивых простаков, чье воображение распаляли рассказы бывалых моряков, когда они в тавернах за кружкой эля плели небылицы о неведомых землях, где золотые слитки, словно камни, попадаются на каждом шагу.

Лихорадкой легкой наживы были поражены мелкие пройдохи и крупные мошенники, авантюристы и великосветские проходимцы, которыми буквально кишело общество, где встречались поразительно характерные образы.

В искателях приключений не было недостатка и среди простого люда. Испытать судьбу отваживались портные и плотники, разносчики и конюхи, башмачники и брадобреи, отставные солдаты и разорившиеся дворяне — каждый мечтал об удаче на суше или на море. Жизнь им представлялась, как состязание в беге, когда один стремится обогнать другого, оттолкнуть, оттеснить, сбить с ног, повалить на землю. Выигрывал тот, кто оказывался более сильным и ловким.

Был полон решимости испытать фортуны и молодой Даниель. Правда, странствия и приключения на море его не привлекали — он не переносил морские переезды. (Этот недостаток с лихвой компенсируют его герои). Но разве на земле недостаточно способов разбогатеть?

Отец держал лавку бакалейных товаров, торговал свечами и мясом. Сын вознамерился стать коммерсантом покрупнее. Ему было двадцать с небольшим, когда на одной из самых людных улиц лондонского Сити появилась вывеска «Даниель Фо, купец».

Поначалу на вывеске красовались великолепная шляпа и пара чулок. «Продавец чулок», «Галантерейщик» — так с тех пор и называли Дефо. Но молодой негоциант не остановился на принадлежностях туалета. И вот купец Фо уже торгует испанскими винами и французскими тканями, мускусом и мехами (недруги утверждали, будто он сбывал кошачий мех). Приобретает доходный дом, наконец, строит завод черепицы и успешно поставляет ее соотечественникам, до этого ввозившим столь необходимую продукцию из Голландии.

Фортуна явно благоволит ему. Оперившись и осмелев, он фрахтует торговые корабли и становится пайщиком в их страховании. Ширятся коммерческие связи, растут доходы, а с ними и его тщеславие.

О благополучии преуспевающего дельца говорит не только серебряная посуда у него на столе, заменившая оловянные тарелки, кружки и ложки, но и

лодка для прогулок по Темзе, которой он очень гордится, экипаж со стеклянными окнами — свидетельство моды и достатка, своя собственная верховая лошадь.

Семья проводит лето на фешенебельных курортах — в Бате и Эпсоне. А он между тем, элегантный и надменный, обедает у Понтака — в знаменитой харчевне, где распивает дорогие вина — по семь шиллингов бутылка, играет в кегли, посещает петушиные бои, но чаще его видят на скачках, ибо с юных лет он был заядлым лошадиником.

Разумеется, Дефо регулярно, как положено дельцу, посещает биржу — центр всякого рода информации. Здесь справлялись о ценах на товары и акции, заключали сделки, узнавали последние политические новости.

Однако, несмотря на, казалось бы, достигнутое благополучие, амбиции плебея Даниеля Фо, и прежде всего его тщеславие как определяющая черта характера оставались неудовлетворенными.

Чего же не хватало Даниелю Фо? Самой малости, всего лишь небольшой частицы «де» перед фамилией — свидетельства того, что в его жилах течет кровь потомственного дворянина! Недолго думая, он самолично простонародное «Фо» дерзко переделывает на де Фо, что говорит о его якобы нормандском происхождении.

Отныне мистер де Фо (слитно фамилия стала писаться позже) получил право утверждать, что его предки ступили на землю Англии вместе с воинами Вильгельма Нормандского. И что 14 октября 1066 года под Гастингсом, в великой битве с англосаксами, один из них находился в рядах атакующих, впереди которых жонглер Тальефер распевал баллады о легендарном Роланде, увлекаая песней в бой.

Но дворянину положено иметь фамильный герб. И Дефо сочиняет его: три свирепых грифона возникают на фоне красных и золотых линий. Появляется, как подобает, и латинский девиз: «Похвалы достоин и горд».

Надо же было, чтобы именно в этот момент восхождения по ступеням житейского преуспевания дьявол попутал мистера Дефо и он ввязался в авантюру мятежника герцога Монмута. Этот, можно сказать, необдуманный шаг, никак не вяжущийся с характером Дефо — рассудочного и расчетливого человека приведет его на край пропасти.

Когда повстанцы были разбиты и герцог Монмут, выступивший против

произвола королевской власти, казнен, Дефо, опрометчиво принявший участие в восстании, поспешил скрыться. Впрочем, если говорить о его военных подвигах, то совершить их ему не удалось. Рассказывали, что при первом ружейном залпе конь понес его в обратном направлении от неприятеля, избавив тем самым седока от участия в бою.

К счастью, в этот первый раз долго прятаться ему не пришлось. И вскоре его видят среди тех, кто торжественно приветствует на лондонских улицах нового короля Вильгельма III, до этого бывшего правителем Голландии и занявшего английский престол по предложению крупной буржуазии и земельной аристократии. Но страх преследования и горечь от того, что обречен скрываться, уже тогда он вкусил сполна.

Мистер Дефо снова погружается в гущу экономической жизни. Однако теперь он не только торговец, но и политический деятель. Его интересуют экономические и социальные отношения, влечет «темная пропасть всеобщей коммерции, эта скрытая тайна, эта полупознанная вещь, именуемая торговлей».

В то же время его волнуют проблемы социального неравенства, и прежде всего неравенство соотечественников перед законом. Как публицист он все чаще выступает в защиту тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы тогдашнего английского общества. Позже, в 1709 году, на страницах «Ревю» он поместит статью, в которой разделит население страны на семь групп, где две последние будет занимать «беднота, влачившая полуголодное существование, и отверженные, те, кто живет в крайней нищете».

В том, как живут обездоленные, он не раз убеждался лично в те черные дни, когда оказывался низвергнутым на дно. Здесь же он свел знакомство и с преступным миром Лондона, познал его законы, наблюдал характеры и нравы. Память отмечала лица и судьбы, накапливала факты, сведения, детали.

Второй раз в жизни ему пришлось замечать следы в тридцать два года. Пути беглеца привели его, как и каждого, кто предпочитал бегство тюрьме, на другой берег Темзы, в знаменитый квартал Минт, — приют лондонских преступников.

Но что заставило благопристойного коммерсанта Дефо разделить общество бродяг и воров?

Одержимость манией спекуляций, страстное желание во что бы то ни

стало преуспеть еще больше, привычка рисковать привели Дефо к катастрофе. Однажды утром он узнал, что зафрахтованное им судно не вернулось в порт. Не объявилось оно и спустя несколько дней. Стало ясно, что с ним что-то произошло. Возможно, причиной гибели корабля была буря, а может быть, пираты помешали благополучному возвращению.

Как бы то ни было, но Дефо оказался в трудном положении. Пронюхавшие об этом кредиторы не замедлили предъявить векселя. Как на грех, свободных денег у него в тот момент не оказалось. Долги нечем было покрыть. Тогда его и объявили банкротом. Долг его составлял немалую сумму — 17 тысяч фунтов стерлингов. А надо иметь в виду, что по тогдашним законам банкротство каралось самым суровым образом и приравнивалось к тяжкому уголовному преступлению.

Ему ничего не оставалось, как снова выбирать между бегством и тюрьмой. Дефо предпочел первое. Так он оказался сначала по ту сторону Темзы, в Минте, угодив в общество мошенников, разбойников с большой дороги и женщин сомнительного поведения.

Вскоре, однако, при первой возможности он тайно перебрался в Бристоль, где скрывался несколько месяцев. Опасаясь бейлифа — чиновника, арестовывавшего должников, Дефо жил под чужим именем, на улицу выходил только по воскресеньям — в эти дни законом запрещались аресты. Свое горестное положение он переносил стойко, сохраняя полное спокойствие духа и непоколебимо хорошее настроение. И с присущей ему энергией предпринимал меры, чтобы выбраться из западни.

Наконец ему удалось наскрести необходимые деньги и расплатиться с кредиторами. Так довольно быстро он выпутался из первого, но, к сожалению, не последнего в жизни банкротства. Дефо вернулся в Лондон, в деловой центр столицы — Сити. И имя его вновь замелькало на вывесках, на векселях, на заледных бумагах, на страницах изданий того времени.

С тех пор минуло много дней, прошла целая жизнь. Теперь ему пятьдесят восемь. Если подводить итоги, то он вынужден с горечью признать, что ему не удалось «совершить на парусах, подгоняемых попутным ветром, опасное жизненное странствие и умиротворенным пристать к небесной пристани». Далеко не усадительной оказалась прогулка по пестрому полю жизни. Он утомлен и

измучен интригами врагов, которых у него предостаточно. Друзей нет. К концу жизни он оказался в одиночестве, подобно Селькирку — моряку, о котором пишет в своем дневнике пират Вудс Роджерс.

Кстати, эта глава, где рассказано о том, как Александр Селькирк прожил один несколько лет на необитаемом острове, представляет несомненный интерес. Дефо припоминает, что и ему самому пришлось однажды беседовать с этим боцманом, лет семь назад, когда тот только что вернулся на родину. Весь Лондон жил тогда сенсацией — человек с необитаемого острова!..

Чем дальше читает Дефо о приключениях Сель-кирка, тем больше они его захватывают, тем сильнее разгорается его воображение...

Упрямый шотландец

Доподлинные записи церковных книг, сохранившиеся до наших дней, неопровержимо свидетельствуют о том, что в 1676 году в местечке Ларго, расположенном в одном из уютных приморских уголков Шотландии на берегу Северного моря, в семье башмачника Джона Селькирка родился седьмой сын Александр.

Появление на свет в качестве седьмого ребенка, по местным поверьям, сулило младенцу исключительную судьбу. Но чего мог добиться сын башмачника, которому предстояло перенять профессию отца. В мастерской, где с ранних лет приходилось помогать старшим, ему было скучно. Зато его неудержимо влекло в харчевню «Красный лев», расположенную неподалеку от их дома. Здесь собирался бывалый народ, «морские волки», бывшие пираты, повидавшие сказочные страны и наглядевшиеся там разных диковин.

Спрятавшись за бочки или забившись в темный угол, он слушал рассказы о стране золота Эльдорадо, об отважных моряках и жестоких штормах, о «Летучем голландце» — паруснике с командой из мертвецов. Не раз приходилось ему слышать о дерзких набегах корсаров, поединках кораблей и награбленных богатствах.

Напрасно Джон Селькирк надеялся, что седьмой сын станет достойным продолжателем его дел. Александр избрал иной путь. Восемнадцати лет он покинул дом и отправился в море навстречу своей удивительной судьбе,

сделавшей его героем бессмертной книги.

Плавание закончилось для него плачевно: судно подверглось нападению французских пиратов. Молодого матроса взяли в плен и продали в рабство. Но ему удалось освободиться и наняться на пиратский корабль. С этого момента для Селькирка начинается полоса злоключений и неудач, из которых он, однако, удивительным образом выходит целым и невредимым.

Видимо, опасный промысел он избрал не напрасно — домой Селькирк вернулся в роскошной одежде, с золотой серьгой в ухе, кольцами на пальцах и туго набитым кошельком.

Но дома ему не сиделось. Тихая, спокойная жизнь казалась скучной и однообразной. Он решает снова отправиться в плавание. Случай не заставил себя долго ждать. В начале 1703 года в «Лондон газетт» Селькирк прочитал о том, что знаменитый капитан Уильям Дампьер на двух судах готовится предпринять новое плавание в Вест-Индию за золотом. Такая перспектива вполне устраивала молодого, но уже «заболевшего» морем и приключениями шотландца.

Вот почему среди первых, кто записался в члены экипажа флотилии Дампьера, был 27-летний Александр Селькирк. Ему предстояло служить боцманом на 16-пушечной галере «Семь врат».

Незадолго перед тем Дампьер вернулся из долгого и трудного плавания, во время которого им было сделано немало научных открытий. Таков был, как мы уже знаем, этот пират, занимавшийся морским разбоем и одержимый страстью исследования морей и их обитателей, течений и ветров, народностей и обычаев тех стран, где он бывал. Из каждого плавания он привозил массу наблюдений, записей, рисунков. Его произведения, издаваемые отдельными книгами, пользовались большим успехом у современников. С их автором были знакомы многие, в том числе писатели Свифт и Дефо.

Это было время, когда пиратство стало почти узаконенным и морской разбой поощрялся королевскими особами, когда легенды о заморских сокровищах, привезенные еще Христофором Колумбом, разжигали воображение любителей легкой наживы, сорвиголов и авантюристов, когда лихорадка открытий и приключений, сотрясая Старый Свет, рождала новые мифы, в которых даже правда часто казалась неправдоподобной.

Плавание протекало спокойно, если не считать смерти капитана судна, на

котором служил Селькирк. Вместо умершего моряка Дампьер назначил нового командира — Томаса Стредлинга, сыгравшего позже столь неблагоприятную роль в судьбе своего боцмана. С этого момента началось трудное плавание. Характер у нового капитана был крутой и жестокий.

Между Томасом Стредлингом и боцманом Селкирком не раз возникали разногласия, порой даже ссоры. Упрямый шотландец пришелся не по вкусу властолюбивому капитану. Дошло до того, что Селькирк решил покинуть корабль, кстати говоря, к тому времени изрядно потрепанный и давший течь.

В судовом журнале появилась запись: Александр Селькирк списан с судна «по собственному желанию». В шлюпку погрузили платье и белье, кремневое ружье, фунт пороху, пули и огниво, несколько фунтов табака, топор, нож, котел, не забыли даже Библию. Селькирка ждала вполне «комфортабельная» жизнь на необитаемом острове Мас-а-Тьерра, входящем в архипелаг Хуан-Фернандес и расположенном в шестистах километрах к западу от Чили.

В XVI веке, когда каравеллы испанцев только начинали бороздить воды вдоль западных берегов Южной Америки, районы эти были еще плохо изучены. Немало встречалось на пути мореходов непонятного и загадочного. Почему, например, из Вальпараисо на север в сторону Перу приходилось плыть всего месяц, а обратно тем же путем — целых три. Считали, что дело здесь не обходилось без вмешательства злых сил, видели в этом вмешательство дьявола. Чем, как не колдовством, можно объяснить такое наваждение?

Все, однако, обстояло гораздо проще: мореплаватели, плывшие вдоль западных берегов Южной Америки, попадали в неизвестное тогда течение Гумбольта. Раскрыть загадку необычного явления довелось капитану Хуану Фернандесу. В 1574 году он прошел из Перу в Вальпараисо за месяц, несколько изменив обычный маршрут и взяв чуть южнее. По дороге ему встретился небольшой архипелаг из трех островов. В честь капитана этот архипелаг и получил название Хуан-Фернандес.

Селькирк предпочитал высадиться на один из пустынных островов этого архипелага, чем оставаться на ветхом корабле под началом враждебного ему командира. В душе боцман надеялся, что долго пробыть на острове в положении добровольного узника ему не придется. Ведь корабли довольно часто заходят сюда за пресной водой. А пока, чтобы не умереть с голоду, надо было заботиться

о еде — съестных припасов ему оставили лишь на один день. К счастью, на острове оказалось множество диких коз. Это означало, что пока есть порох и пули — питание ему обеспечено.

Время шло, а скорое избавление, на которое он так надеялся, не приходило. Волей-неволей пришлось заботиться не только о настоящем, но думать и о будущей жизни на клочке земли, затерянном в океане.

Обследовав свои «владения», Селькирк установил, что остров покрыт густой растительностью и имеет около двадцати километров в длину и пять в ширину. На берегу можно было охотиться на черепах и собирать в песке их яйца. Во множестве на острове водились птицы, у берегов встречались лангусты и тюлени.

В первые месяцы было особенно трудно. И не столько оттого, что приходилось ежечасно вести борьбу за существование, сколько из-за полного одиночества. Все меньше оставалось надежды на скорое избавление, и все чаще охватывал Селькирка страх при мысли о том, что ему суждено много лет пробыть в этой добровольной ссылке. Землю, которая его приютила, он проклинал, как и тот час, когда решился на свой необдуманный поступок. Знай он тогда, что корабль «Семь врат» вскоре после того, как он его покинул, потерпел крушение и почти вся команда погибла, благодарил бы свою судьбу.

Как он сам потом рассказывал, восемнадцать месяцев потребовалось для того, чтобы привыкнуть к одиночеству и примириться со своей участью. Но надежда не оставляла его. Каждый день Селькирк взбирался на самую высокую гору и часами всматривался в горизонт...

День избавления

Немало труда, выдумки и изобретательности потребовалось для того, чтобы наладить «нормальную» жизнь на необитаемом острове. Селькирк построил две хижины из бревен и листьев, оборудовал их. Одна служила ему «кабинетом» и «спальной», в другой он готовил еду. Когда платье его обветшало, он сшил при помощи простого гвоздя, служившего ему иглой, одежду из козьих шкур.

Закончив трудовой день, Селькирк отдыхал, плотничал, смастерил,

например, сундучок и украсил его искусной резьбой, кокосовый орех превратил в чашу для питья. Подобно первобытным людям, он научился добывать огонь трением, а когда у него кончился порох — стал ловить диких коз руками. Быстрота и ловкость, необходимые для этого, дались ему нелегко. Однажды во время такой охоты «вручную», пытаясь поймать козу, он сорвался вместе с нею в пропасть и трое суток пролежал там без сознания. После этого на тот случай, если заболит или еще почему-либо не сможет больше преследовать животных, Селькирк подрезал у молодых козлят сухожилия Ног, отчего те утрачивали резвость.

Настоящим бедствием для него стали крысы, во множестве водившиеся на острове. Они бесстрашно сновали по хижине, грызли все что могли, несколько раз по ночам принимались даже за ноги хозяина. Чтобы избавиться от них, пришлось приручить одичавших кошек, завезенных на остров кораблями.

Здоровый климат и каждодневный труд укрепили силы и здоровье бывшего боцмана. Он уже не испытывал муки одиночества, которые одолевали его вначале. Подобная жизнь, по словам тех, кому довелось слышать рассказы Селькирка после его спасения, стала казаться ему не столь уж неприятной. Он свыкся с мыслью о том, что надолго отлучен от людского общества.

Прошло более четырех лет. Тысяча пятьсот восемьдесят дней и ночей один на один с природой! Напряжение всех физических и моральных сил, дабы не впасть в уныние, не поддаться тоске, не дать отчаянию одержать верх.

Работа — лучшее лекарство от одиночества, предприимчивость — эти качества были присущи Селькирку так же, как в еще большей степени ими будет наделен его литературный собрат.

В начале 1709 года отшельничеству Селькирка пришел конец. Днем избавления для него стало 31 января.

В полдень со своего наблюдательного поста, откуда он каждодневно с тоской вглядывался в даль, Селькирк заметил точку. Парус! Первый раз за столько лет на горизонте появился корабль. Неужели он пройдет мимо?! Скорее подать сигнал, привлечь внимание мореплавателей. Но и без того было видно, что судно держит курс к берегу острова Мас-а-Тьерра.

Когда корабль подошел достаточно близко и бросил якорь, от него отчалила шлюпка с матросами. Это были первые люди, оказавшиеся к тому же

соотечественниками Селькирка, которых он увидел после стольких лет.

Можно представить, как были удивлены матросы, встретив на берегу «дикого человека» в звериных шкурах, обросшего, не умевшего поначалу произнести ни единого слова. Только оказавшись на борту «Герцога» — так называлось судно, избавившее боцмана от неволи, он обрел дар речи и рассказал о том, что с ним произошло.

Случилось так, что «Герцогом» командовал Вудс Роджерс — один из сподвижников знакомого Селькирку морского разбойника Уильяма Дампьера. В числе прочих кораблей его флотилии «Герцог» совершал длительный и опасный рейд по семи морям. Поэтому сразу отправиться домой Селькирку не удалось. На «Герцог» после того, как 14 февраля судно снялось с якоря у острова Мас-а-Тьерра, ему пришлось объехать вокруг света. И только спустя тридцать три месяца, 14 октября 1711 года, он вернулся в Англию, став к этому времени капитаном захваченного во время похода парусника «Прибавление».

Когда лондонцы узнали о похождениях их земляка, Селькирк стал популярной личностью английской столицы. С ним искали встреч, его приглашали в богатые дома, где демонстрировали аристократам. Газетчики не давали ему прохода. В печати появились статьи, рассказывающие о его приключениях. Один из таких очерков, опубликованный в журнале «Инглишмен», принадлежал перу английского писателя Ричарда Стиля. «Человек, о котором я собираюсь рассказать, зовется Александром Селькирком, — писал Р. Стил. — Имя его знакомо людям любопытствующим... Я имел удовольствие часто беседовать с ним тотчас по его приезде в Англию...» В своем очерке Ричард Стил вкратце излагал историю Селькирка.

Существует предание о том, что и Дефо встретился с боцманом в портовом кабачке, чтобы взять у него интервью. По другой версии они увиделись в доме некой миссис Даниель, где Селькирк будто бы передал будущему автору «Робинзона Крузо» свои записки. Нам неизвестно, как протекала беседа между моряком и писателем и было ли вообще после этого написано Д. Дефо интервью.

Что касается записок, якобы полученных писателем от Селькирка, о чем миссис Даниель поведала перед смертью своему сыну, то спор вокруг этого не затихал более двух столетий. Некоторые особенно упорные исследователи до сих пор считают, что факт этот имел место.

Как бы то ни было, но история Селькирка оставила след в памяти Дефо.

Нежиться в лучах всеобщего внимания Селькирку пришлось недолго. Немногословный, не умевший красочно и ярко рассказывать о пережитом, он быстро наскучил публике, перестал быть для нее интересным. Тогда он уехал в свой родной Ларго. Встретили его здесь поначалу радушно. Потом отношение изменилось. Пребывание на острове не прошло бесследно. Мрачный вид и угрюмый взгляд Селькирка отпугивали людей, молчаливость и замкнутость раздражали.

Спустя несколько лет Селькирк вернулся на флот, стал лейтенантом на службе его величества короля Великобритании. Во время очередного плавания к берегам Западной Африки в 1720 году Селькирк умер от тропической лихорадки и был похоронен с воинскими почестями.

Остров Робинзона Крузо

...Дефо закрывает последнюю страницу истории Селькирка, рассказанную капитаном Вудсом Роджерсом. Некоторое время сидит задумавшись. Человек на необитаемом острове! Пират-литератор подал ему великолепную мысль. В голове пока еще смутно и нечетко зарождается литературный замысел, вспыхивают контуры будущего повествования.

В этот раз он возьмется за перо не для того, чтобы написать очередной острый памфлет или статью. Нет, он переплавит в своей творческой лаборатории одиссею Селькирка, использует его историю как основу сюжета для романа, в котором расскажет о приключениях человека, оказавшегося на необитаемом острове. Героя своего он назовет Крузо — по имени старого школьного товарища Тимоти Крузо, изменит лишь имя на Робинзон.

Цель Дефо заставить читателей поверить в реальность Робинзона Крузо, в подлинность того, что с ним произошло. А для этого он пойдет на небольшую хитрость и издаст книгу анонимно, выдав повествование за рассказ самого героя.

Успех романа был небывалый. Не успела 25 апреля 1719 года книга выйти в свет, как одно за другим в том же году последовали новые четыре издания.

Издатель Тейлор положил в карман тысячу фунтов — сумму немалую по тому времени. Неизвестно только, нашлись ли у самого Селькирка, который был

тогда в Лондоне, пять шиллингов, — сумма по тем временам немалая, чтобы купить книгу, написанную о нем.

Мастерство писателя победило — люди, читая книгу Дефо, искренне верили в «удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб».

В этом заглавии, необычайно длинном, как было тогда принято, обращает на себя внимание следующее. Во-первых, то, что герой Дефо оказался на острове близ устья реки Ориноко. Что же касается лет, проведенных героем книги на острове, то Дефо просто-напросто увеличил их число, желая, видимо, поставить своего Робинзона в более тяжелые условия.

Иначе обстоит дело с причинами, побудившими автора перенести место действия романа.

Писатель переместил своего героя из Тихого океана с острова Мас-а-Тьерра в Атлантический, в устье реки Ориноко. Неизвестно, какой именно остров имел в виду автор книги, ведь в ней ни разу не упоминается его название. Тем не менее Дефо подразумевал вполне реальную землю.

Помните начало романа: Робинзон Крузо отплывает из Бразилии. Едва корабль пересек экватор — разразилась буря, ветер относит его все дальше на север. Экипаж пытается держать курс на остров Барбадос в Карибском море. Но ураган бросает судно на мель около необитаемого острова. Что же это за земля? Ее географические координаты, которые сообщает Дефо, почти совпадают с координатами острова Тобаго.

Дефо избрал этот район потому, что он был довольно подробно описан в тогдашней литературе. Сам писатель никогда здесь не бывал. Он довольствовался фактами, взятыми в таких книгах, написанных королевскими пиратами, как «Открытие Гвианы» Уолтера Рэли, «Новое путешествие вокруг света» и «Дневник» Уильяма Дампьера, в книге корсара Джона Пойнца и других. Сведения, почерпнутые у этих пиратов-мореплавателей, помогли Дефо создать достоверную книгу.

Сегодня три точки на земном шаре связаны с именем Робинзона Крузо. Для того чтобы посетить их, надо совершить долгое путешествие, объехав почти

полсвета.

В шотландском городке Ларго в нише старинного дома, в котором жил Селькирк, вы увидите памятник, сооруженный в 1885 году одним из потомков моряка, послужившего прототипом знаменитого литературного героя.

На Мас-а-Тьерра — «Острове Робинзона Крузо» вам предложат подняться на вершину Эль-Юнке, где находился наблюдательный пост Селькирка, и укажут на бронзовую мемориальную доску, установленную английскими моряками в 1868 году — «В память об Александре Селькирке, прожившем на этом острове в полном одиночестве четыре года и четыре месяца».

На Тобаго покажут отель «Робинзон Крузо», «Пещеру Робинзона» и другие достопримечательности. Впрочем, за право называться «Островом Робинзона Крузо» оба эти острова — Мас-а-Тьерра и Тобаго — с равным успехом боролись долго и упорно. Дискуссия эта не столь отвлеченна, как это может показаться вначале. В причинах, породивших ее, нетрудно разглядеть вполне материальную основу. Речь идет о туризме и приносимых им доходах. Какую, скажем, роль он играет на острове Тобаго, можно себе представить, если учесть, что на 36 тысяч жителей этого острова в год приходится 30 тысяч туристов.

В наши дни спор между островами получил юридическое завершение. Чилийское правительство в начале шестидесятых годов нашего века официально переименовало остров Мас-а-Тьерра в остров Робинзона Крузо, а соседний с ним назван в честь шотландского моряка островом Александра Сель-кирка.

УИЛЬЯМ КИДД, или ЗАГАДКА ОСТРОВА ДУБА

Капер или пират?

Сегодня без упоминания имени Уильяма Кидда не обходится ни одна книга, посвященная истории морского пиратства. Его трагическая судьба — пример того, как в погоне за наживой тогда еще молодые колонизаторы были готовы на любое коварство, подлог, убийство. А сокровища, по преданию зарытые им на одном из островов близ американского берега, уже три столетия разжигают аппетиты кладоискателей. Еще бы, ведь клад Кидда одни оценивают в

семьсот тысяч фунтов стерлингов или в два миллиона долларов, другие считают, что им было спрятано ценностей на десятки миллионов долларов.

Кто же был этот капитан Кидд? Чем он так прославился? И действительно ли где-то зарыл свои сокровища?

История его началась в сентябре 1696 года, когда быстроходная тридцатипушечная галера «Приключение» покидала нью-йоркский порт. На борту ее находилось сто пятьдесят человек команды во главе с капитаном Киддом.

Куда и зачем направлялось это судно, которому вскоре предстояло стать знаменитым на всех морях? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего рассказать о том, что предшествовало этому рейду. Примерно за год до выхода в море «Приключения» в Лондон дошли тревожные слухи о некоем пирате Джоне Эйвери, разбойничавшем в водах Индийского океана. Ни один корабль не смел без риска пересечь его. Дерзкий пират не жаловал ни торговые суда индийских купцов, ни корабли, принадлежавшие соотечественникам (подробнее о нем — в гл. «Джон Эйвери, или Зять Великого Могола»).

В Лондоне встревожились не на шутку. За голову Эйвери назначили награду.

Теперь для исполнения решения требовалось найти человека, который бы возглавил экспедицию против того, из-за кого лондонские толстосумы могли лишиться своих барышей. Стали подыскивать подходящую кандидатуру. А тем временем было создано предприятие, своеобразный «синдикат», который должен был финансировать будущую экспедицию. В него вошли не только министры, сам Вильгельм III не погнушался внести три тысячи фунтов, надеясь на изрядную прибыль, в случае если удастся покончить с Эйвери и другими морскими разбойниками. В числе пайщиков оказался и Ричард Беллемонт, только что назначенный губернатором Нью-Йорка, тогда главного города английской заморской колонии. Именно Беллемонт, которому предстояло сыграть одну из главных ролей во всей этой истории, предложил капитана Кидда в качестве руководителя экспедиции. И вскоре капитан и судовладелец из Нью-Йорка Уильям Кидд держал в своих руках каперскую грамоту.

В период военных действий грамоты на узаконенный разбой раздавали особенно щедро. Право получить ее, по существу, имел всякий, кто желал вести

партизанскую войну на море против кораблей противника, в том числе и торговых. Тех, кого завербовали, именовали каперами ее королевского величества. В число их в эпоху нескончаемых войн с Испанией за колонии англичане вербовали храбрейших из пиратов.

Патент на ведение войны против вражеских кораблей имели многие знаменитые пираты, заслуги которых нередко оплачивались дворянскими титулами.

В каперской грамоте, полученной Киддом, говорилось о том, что ему дозволено захватывать «суда и имущество, принадлежащие французскому королю и его подданным». В то же время ему поручалось уничтожать пиратов и их корабли на всех морях. С этим документом, подписанным самим королем, и отправился Кидд в долгое и опасное плавание.

Согласился ли он на роль капера добровольно или его вынудили обстоятельства? Точно ответить на этот вопрос, пожалуй, нет возможности. Скорее всего, его вынудили участники «синдиката». Их вполне устраивал этот опытный моряк и добропорядочный семьянин, у которого в Нью-Йорке остались бы заложниками жена и дочь.

По условиям заключенного втайне соглашения Кидду и команде причиталась лишь пятая часть добычи, в то время как обычно на каперских судах команда получала половину захваченных трофеев. Одним словом, капитан Кидд уходил в рискованное плавание, надо думать, без особого энтузиазма и надежды на успех. К тому же команда подобралась разношерстная, среди матросов было немало сомнительных типов. И еще в порту доброжелатели говорили капитану, что ему будет трудно удержать этот сброд в повиновении.

Поначалу плавание проходило без особых происшествий. Обогнув мыс Доброй Надежды, «Приключение» вышло на просторы Индийского океана. Дни шли за днями, но ни пиратов, ни вражеских французских кораблей встретить не удавалось. Не пришлось повстречаться и с Джоном Эйвери.

Между тем запасы провианта у Кидда уменьшались, начались болезни, а с ними и недовольство матросов. Но вот наконец на горизонте показался парус. Капер пустился в погоню. К досаде матросов, это оказалось английское судно. Кидд, проверив документы, позволил ему следовать дальше. Решение капитана, однако, пришлось не по душе многим из команды.

Особенно возмущался главный канонир Мур, требовавший захватить и ограбить судно, плывшее под британским флагом. Нечего, мол, быть чересчур разборчивыми, кричал он, мы же нищие. Пора набивать карманы добычей. По английским законам это был мятеж. Чтобы он не охватил всю команду, надо было действовать быстро и решительно. Капитан схватил оказавшуюся под рукой бадью, окованную железом, и бунтовщик замертво упал на палубу.

Но семена возмущения, брошенные Муром, вскоре проросли.

Один из капитанов Ост-Индской компании Эдвард Барлоу рассказывал о своей встрече с Киддом в Красном море. Он тогда командовал военным кораблем «Скипетр» и сопровождал арабские торговые суда. Рано утром 15 августа 1697 года он, к своему удивлению, обнаружил неизвестное судно, внедрившееся в строй кораблей. Было ясно, что это — разбойники которые высматривали себе жертву. Некоторые матросы опознали в неизвестном корабле — «Приключение», которым командовал капитан Кидд. Барлоу выстрелил несколько раз из пушек, чтобы дать знать мирным кораблям о нависшей опасности. После этого неизвестный корабль быстро скрылся.

Впоследствии Барлоу узнал, что незадолго до этого Кидд заходил в порты Каликут и Карвара, где

пытался запастись продовольствием. Ему было отказано, несмотря на то, что он угрожал пожаловаться королю на самоуправство местных властей. Барлоу негодовал, как можно выдавать каперские свидетельства таким сомнительным людям, каковым, по его мнению, является капитан Кидд.

27 ноября Кидд захватил индийский корабль, капитаном которого был представитель Ост-Индской компании англичанин Паркер. Его использовали в качестве штурмана. Некоторое время спустя Кидд встретил большой купеческий корабль водоизмещением 500 тонн. Судно принадлежало индийским и армянским купцам. Однако в числе экипажа было три европейца. В трюмах находился ценный груз: сахар, шелк, драгоценности, немного золота. Он оценивался в 10 000 фунтов стерлингов. Кидд не замедлил овладеть кораблем. Пленных высадил на берег и вдобавок обязал их доставить на борт корабля продовольствие.

Несмотря на то, что с тех пор Кидду везло — он повстречал и ограбил немало судов, — матросы продолжали роптать. Их недовольства не унял ни захват двух французских судов, ни удачная встреча с большим кораблем с грузом

почти на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Капитан Кидд, можно сказать, с чистой совестью обобрал неприятеля, так как среди захваченных судовых документов были обнаружены французские паспорта. Это означало, что часть груза, а возможно, и все судно принадлежало французам.

К этому моменту стало ясно, что «Приключение» нуждается в ремонте. Чиниться отправились на Мадагаскар, захватив с собой и два трофейных судна. Здесь и произошли события, в которых до сих пор не все еще ясно. Несомненно одно — команда взбунтовалась, сожгла два из трех судов, после чего присоединилась к пиратскому капитану Калифорду. С немногими верными матросами и частью добычи в тридцать тысяч фунтов Кидду удалось уйти от преследования.

Спустя несколько месяцев потрепанное штормами судно Кадда бросило якорь в гавани одного из островов Карибского моря. Матросы, посланные на берег за пресной водой, вернулись с дурной вестью. Они сообщили, что капитан Кидд объявлен пиратом.

Решив, что произошло недоразумение, уверенный в своей невиновности, Кидд поспешил предстать перед губернатором Нью-Йорка, членом «синдиката» Беллемонтом. Правда, на всякий случай накануне визита он закопал на острове Гардинет кое-какие ценности.

Кидд был поражен, когда услышал список своих «преступлений». Он-де грабил всех без разбора и захватил множество кораблей, проявлял бесчеловечную жестокость по отношению к пленникам, скопил и укрыл огромное богатство. Узнал он и о том, что на его розыски были снаряжены военные корабли и что всем матросам, плававшим с ним, кроме него самого, объявили амнистию. Так родилась легенда о страшном пирате Кидде, на самом деле ничего общего не имеющем с подлинным капитаном.

Дальше события развивались в соответствии с инструкцией, полученной из Лондона. В ней предписывалось «указанного капитана Кидда поместить в тюрьму, заковать в кандалы и запретить свидания...».

Корабль его был конфискован. Когда в надежде на богатую добычу портовые чиновники спустились в трюм, он оказался пустым. Сокровища, которые они рассчитывали там найти, исчезли.

В мае 1701 года, после того как Кидда доставили в английскую столицу,

состоялся суд, скорый и неправый. Подсудимому отказали даже в праве иметь защитника и выставить свидетелей. Несмотря ни на что, Кидд пытался защищаться, утверждал, что все захваченные им корабли были неприятельскими, на них имелись французские документы. «Где же они?» — спрашивали судьи. Кидд заявил, что передал их Беллемонту. Тот же наотрез отрицал этот факт. Стало ясно, что бывшие партнеры по «синдикату» предали капитана. Почему? Видимо, опасаясь разоблачения со стороны оппозиции, которая и без того усилила нападки на министров тогдашнего правительства за содействие «пиратам».

Уильям Кидд так и не признал себя пиратом. Его повесили 23 мая 1701 года. А через два с лишним столетия американский историк Р. Пейн нашел в архиве те самые документы французских судов, от которых зависела судьба Кидда. Кто-то, в чьи интересы не входило спасать какого-то капитана, специально их тогда припрятал.

Злосчастные документы, хотя и с опозданием, нашлись, а сокровища Кидда? Их еще тогда же пытался захватить Беллемонт. Для этого он поспешил допросить матросов с корабля Кидда. Но они, узнав об аресте своего капитана, сожгли корабль и скрылись.

Так бесславно ушел из жизни неудачливый капитан Кидд, ставший после смерти символом бесчестия, коварства и жестокости. В старинной морской песне говорится:

Мое имя — Уильям Кидд,
Ставьте парус, ставьте парус!
Рядом черт со мной стоит, абордажный нож блестит,
Ставьте парус!
Дым от залпов словно шлейф,
Ставьте парус, ставьте парус!
Я свищу: ложитесь в дрейф,
Открывайте сами сейф!
Ставьте парус!
Никнут вражьи вымпела,
Ставьте парус, ставьте парус!

Нас с купцами смерть свела.
В пасть акулам их тела!
Ставьте парус!
На добычу я лихой,
Ставьте парус, ставьте парус!
Льется золото рекой,
Краше нет судьбы такой.
Ставьте парус!

С тех пор образ капитана Кидда, порожденный легендой о страшном пирате, и его призрачные сокровища не дают покоя кладоискателям...

Тайна острова Дуба

В наши дни поиски сокровищ поставлены на широкую ногу. В Париже, Лондоне и Нью-Йорке даже существуют международные клубы кладоискателей. Члены их, согласно уставу, ищут зарытые или поглощенные морем сокровища. Они фанатически верят в свое счастье и с убежденностью одержимых рыщут по морям и островам в поисках драгоценностей. Нельзя сказать, что им не везет. Время от времени их усилия вознаграждаются.

В 1935 году на острове Ротэн в Гондурасском заливе были найдены пять сундуков, полных золота, видимо, зарытого пиратом Генри Морганом в 1671 году. Несколько раньше, в 1928 году, на острове Плам нашли железный сундук с драгоценностями, принадлежавшими пирату Черная Борода. Считается, что им же спрятано на островке Америя у северо-восточного побережья Флориды еще чуть ли не три десятка кладов. К разряду «золотых» относят и островок Мона (между Гаити и Пуэрто-Рико), где в 1939 году нашли клад пирата У. Дженнингса.

Но, пожалуй, самой знаменитой находкой был и остается так называемый «Золотой колодец», или «Денежная шахта», обнаруженная еще в конце XVIII века.

...Во все времена мальчишки были самыми заядлыми кладоискателями. Вспомните хотя бы Тома Сойера и его дружка Гека. К числу охотников за сокровищами можно причислить и трех канадских подростков — Джона Смита,

Энтони Вогана и Даниэля Макгиниса. Правда, кладоискателями они стали случайно.

Однажды осенью 1795 года ребята из рыбацкого поселка Луненберг затеяли игру в индейцев. Лучшего места для этого, чем безлюдный островок неподалеку от берега, не найти. Добрались сюда на ялике и углубились в лес. Вскоре они наткнулись на большой старый дуб, каких было немало вокруг. Однако этот заставил обратить на себя внимание. Один сук у него был надпилен, и к нему подвешен полусгнивший корабельный блок. Приглядевшись, ребята обнаружили, что земля под дубом как-то странно просела. Ясное дело — здесь зарыт клад!

Кто-то вспомнил разговоры взрослых о том, что в этих местах промышлял знаменитый пират капитан Кидд и где-то здесь зарыл свои сокровища. В бухте ребята обнаружили остатки дамбы, а на берегу — большой треугольник из камней, указывающий своим острием в сторону дуба.

Недолго думая, юные кладоискатели принялись за дело. Привезли на остров лопаты, кирку и начали рыть землю. Очень скоро наткнулись на слой каменных плит, перекрывавших идущее вглубь и засыпанное землей жерло шахты диаметром в четыре метра. Это прибавило им энергии. Они даже на время поселились на острове. Казалось, еще немного усилий — и золото Кидда в их руках!

На глубине 1,5 метра ребята наткнулись на перекрытие, теперь уже из тяжелых дубовых бревен. Причем торцы их были прочно врыты в стенки шахты. (Как потом оказалось, дубовые перекрытия повторялись через каждые триметра.) Пробиться сквозь такие преграды им было не под силу.

Девять лет спустя, уже взрослыми, они снова вернулись на остров, который отныне стали называть островом Дуба. С ними вместе прибыли пятеро жителей близлежащего городка. И снова энтузиасты принялись за раскопки.

Можно сказать, это было очень трудное погружение, словно замедленный бег с препятствиями. Помимо того, что через каждые метра приходилось претри одолевать дубовые перекрытия, на глубине двенадцать метров появился слой из древесного угля и корабельной шпаклевки. На пятнадцать метрах, — кокосовая мочалка и галечник. На восемнадцати метрах — слой шпаклевки, манильской пеньки и кокосовой мочалки. На двадцать одном метре — опять шпаклевка. На

двадцати четырех метрах — снова кокосовая мочалка.

Увы, и на этот раз не удалось нарушить покой пиратского золота.

Правда, на глубине двадцати семи метров был найден камень с таинственной зашифрованной надписью. Позже, много лет спустя, ее попытались расшифровать. По одной из версий, на камне было выбито: «Десятью футами ниже лежат два миллиона фунтов стерлингов».

Шли годы. Все больше становилось посвященных в тайну мальчишек-первооткрывателей. Об острове стали широко писать газеты. Это подлило масла в огонь. Золотой мираж манил многих. На поиски пиратского клада пустились сотни людей, одержимые мечтой разбогатеть.

Одна за другой создавались компании по извлечению богатств. С помощью новейших методов и современной землеройной техники надеялись быстро добраться до спрятанного золота. Среди тех, кто пытался проникнуть в секрет «Денежной шахты», был, в частности, молодой тогда Франклин Рузвельт, будущий президент США.

Но все усилия кладоискателей были тщетными.

Тайна оставалась неразгаданной, а пиратское золото по-прежнему недоступным. Со временем выйдут книги «Капитан Кидд и его Остров Скелета» (1934), «Тайна «Денежной шахты» (1972) и другие. В них рассказано о Кидде и его таинственном кладе (если, конечно, он принадлежал ему) и о том, как в течение многих десятков лет пытались добраться до сокровища. Желание поскорее обнаружить его побуждало копать кое-как, не соблюдая правил предосторожности.

Экспедиция 1849 года была оснащена механическим буром. Бур легко добрался до отметки тридцать метров и наткнулся на что-то твердое. Искатели пробурили несколько наклонных шурфов, и некое твердое тело рухнуло вниз.

Последующие экспедиции убедились, что имеют дело с оригинальным гидротехническим сооружением. Под островом открыли систему водопроводных каналов. Стало ясно, что «Денежная шахта» соединена с бухтой Контрабандистов и что уровень воды в ней зависит от отливов и приливов в бухте. Остатки дамбы, обнаруженные в бухте, свидетельствуют о том, что на острове существовала и дренажная система. Но неосторожное бурение нарушило систему подземных сообщений.

Фредерик Блайер в 1898 году пробурил пять скважин поперек предполагаемого подземного канала, заложил в них динамит и взорвал. Вода в шахте перестала подниматься. Бур, запущенный в нее, наткнулся на глубине сорока шести метров на слой бетона. За ним было дерево, а потом... Золото! Так определил Блайер мягкий металл, который увертывался из-под сверла.

Но торжество было преждевременным. Проливные дожди затопили все шахты. Во время этого потопа Блайер наткнулся на южном берегу острова на тот самый большой треугольник, выложенный из камней, острием указывающий на шахту, в которой утонули его надежды и затраченные деньги...

Американец Гилберт Хеддон провел с материка на остров электрический кабель и применил мощные насосы. Но перекачать море ему не удалось.

В конце пятидесятых годов XX века на острове появился Роберт Ресталл с женой и двумя сыновьями. Шесть лет он пытался разгадать тайну водопроводных каналов. Пробурил еще одну шахту — на пляже бухты Контрабандистов; в 1965 году она стала его могилой. Ресталл оступился и упал в нее. Его пытались спасти двое рабочих и старший сын. Они спустились за ним и тоже стали жертвами шахты.

Говорили, что Ресталлу удалось найти еще один камень с зашифрованным текстом. Это сообщение вызвало новый прилив энергии у дешифровальщиков. В 1971 году профессор Мичиганского университета Вильям Росс пришел к выводу, что надпись на камне имеет испанское происхождение и переводится так: «Начиная с отметки «80» сыпать в водосток маис или просо. Ф.». Буква «Ф», по мнению профессора, — начало имени испанского короля Филиппа II, при котором интенсивно вывозили золото, серебро и драгоценности из Нового Света в Старый.

В конце концов изыскатели, перекопав весь остров вдоль и поперек, нарушили, как оказалось, существующую под ним целую систему подземных водопроводных каналов. Тогда вода затопила до десяти-метровой отметки шахту и ведущие к ней подземные туннели, неизвестно кем и когда сооруженные. Уровень воды в шахте соответствовал уровню океана.

После этого что только не предпринимали настырные кладоискатели! Пытались откачивать воду из шахты, расширили жерло, превратив его в огромную воронку. Они исходили из следующих предположений.

1. Сложное гидротехническое сооружение с дамбой, системой дренажных и подающих воду каналов могли создать люди, обладающие инженерными знаниями. Следовательно, участие пиратов отпадает.

2. Использование волокон кокосового ореха в качестве строительного материала говорит о том, что эти люди пришли из тропиков. Следовательно, английские монахи и французские фортификаторы не были хозяевами тайны.

3. Камень с текстом доказывает, что строители умели писать. Следовательно, и роль инков исключается.

4. Ни один клад не прятали с такой «глубокоэшелонированной» предусмотрительностью. Следовательно, в колодце таится что-то более ценное, чем обыкновенная груда золота.

Велик и славен был народ майя. В средние века его города-государства Чичен-Ица и Майяпан состязались в красоте и силе подобно античному Риму и Карфагену. Междоусобица погубила сначала Чичен-Ицу, а потом и Майяпан. Развалины пирамид и храмов поглотились джунглями.

Майя почитали историю. Каждые двадцать лет в стране воздвигались каменные стелы, на которых записывались важные события. А важнейшие — на золотых досках.

В середине XVI века испанские конкистадоры покорили и разорили государство майя. Оставшиеся в живых жрецы погрузили пятьдесят две золотые доски на большую пирогу и покинули берега родной земли. Они знали, что могучее течение понесет их судно на север. Пирога попала в залив Махон, где жрецы выбрали остров Дуба.

Эту версию взялся проверить один из директоров концерна «Тритон элайнс лимитед» — Дэниел Блэнкеншип. Он внимательно проштудировал всю возможную литературу и, вооружившись ультрасовременной техникой, приступил к планомерному изучению местности. В бухте Контрабандистов он нашел развалины старинного пирса, который ускользнул от взгляда предшественников. В октябре 1969 года Блэнкеншип приступил к работе. В шестидесяти метрах к северо-востоку от «Денежной шахты» он пробурил новую шахту. Стены шахты постепенно укреплялись металлической трубой диаметром в семьдесят сантиметров. На глубине пятидесяти четырех метров труба уперлась в скалу. Мощный бур прошел скальный пласт и через восемнадцать метров попал в

полость, заполненную водой. Блэнкеншип запустил в нее портативную телекамеру и... если верить его сенсационным сообщениям, увидел сундук, рядом с которым плавала отрубленная кисть человеческой руки.

Не исключено, что кисть Блэнкеншип сочинил специально для репортеров. Он даже пытался подтвердить свои слова какими-то очень туманными фотографиями, на которых только при большом желании можно было разглядеть и кисть, и сундук, и даже череп... В сентябре 1972 года Блэнкеншип облачился в легкий водолазный костюм и спустился в колодец на глубину семьдесят метров! Смелый поступок сорокадевяти-летнего искателя приключений остался без результата. Он ничего не рассмотрел в мутной воде — ни сундука, ни черепа, ни кисти.

Блэнкеншип заявил в 1972 году, что не теряет надежды и еще поразит мир своим открытием. А пока богатства острова Дуба продолжают дразнить воображение искателей приключений. Вот хроника их поиска.

1895 год. Остров перекопан вдоль и поперек. Исчезла сама «Денежная шахта», на ее месте трясина. Распространено поверье, что остров отдаст свой клад, как только упадет последний дуб. Гигантская роща тает день ото дня.

1897 год. «Денежная шахта» откопана заново. Рядом с ней по периметру возникло еще три десятка шахт.

1898 год. Сенсация — «Денежная шахта» сообщается с морем посредством подземных тоннелей. Гудят буровые станки. Обнаружен обрывок пергамента с едва различимыми буквами. Вновь найден треугольник, выложенный из камня. Конец стрелы указывает на «Денежную шахту».

1909 год. Предприняты попытки опустить на глубину кессон с водолазами. Безуспешно.

1912 год. Пользуется популярностью гипотеза о железном ящике, набитом золотом. Ящик якобы находится на дне шахты.

1935 год. На остров протянуты линии электропередачи. Гремят взрывы. Гудят турбокомпрессоры, откачивая воду. Безрезультатно.

1955 год. Остров посещают ясновидцы, лозоискатели, медиумы. Никакого толка.

1965 год. За дело берется инженер-нефтяник Данфилд. Мощные экскаваторы делают из шахты глубокую воронку. Остров клад не отдает.

1972 год. В пробуренную скважину опускается телекамера. На экране — полость, заполненная водой, отрубленная рука, сундук... Руководитель работ опускается вниз в водолажном костюме. Вновь пусто.

А как обстояло дело с дешифровкой таинственной надписи на каменной плите? Криптограмма с острова Дуба не давала покоя любителям поломать голову над загадочными письменами. Одни расшифровывали их, как мы уже знаем, так: «10 футами ниже лежат два миллиона фунтов стерлингов». Свой вариант прочтения надписи предложил профессор Мичиганского университета Вильям Росс. Он считает, что на камне написано: «Начиная с отметки 80 сыпать в водосток маис или просо. Ф.».

Заслуживает внимания и предложение кандидата технических наук А. Власова. По его мнению, надпись гласит: «Здесь плита уровня моря. Золото опущено на расстояние 162+180 футов отсюда». Как видим, все дешифровальщики читали текст, как они того хотели, а хотели они одного — золота.

Еще один наш соотечественник — Виктор Строй предложил подойти к разгадке как бы с другой стороны. Он размышлял таким образом: большинство дешифровальщиков брали за основу латинский алфавит, а между тем автор скорее всего был англичанином. Ведь что происходило в Новой Шотландии в конце XVIII века? В Северной Америке бушует Война за независимость. Американские войска теснят англичан по всему фронту. Джордж Вашингтон со своей армией грозит осадой Нью-Йорку, где находится большой гарнизон английских солдат.

Главнокомандующий британской армией сэр Генри Клинтон вынашивает план отступления в Новую Шотландию к Галифаксу, то есть в нынешнюю Канаду. Клинтон опасается и за казну. Ведь британские власти отправили на содержание войск около 17 миллионов фунтов стерлингов. Часть из них истрачена. Но осталось еще достаточно много. Ее и следовало спасти от захвата противником.

Можно предположить, что именно инженерное подразделение, подчиненное Клинтону, получило приказ устроить тайник на острове Дуба. И такой тайник был сделан. Короче говоря, Виктор Строй предложил свое прочтение криптограммы с острова: «Я гидроизолировал меморандум армейской казны в глубине камня. *Сноусанк*». Впервые названа фамилия инженера,

соорудившего «Денежную шахту».

Впрочем, верно ли, что легендарный пират зарыл свое золото именно здесь, на острове Дуба? Есть ли тому какие-либо подтверждения? Сторонники того, что на дне «Денежной шахты» покоятся сундуки с драгоценностями Кидда, накопили за многие годы немало вещественных свидетельств. Они безапелляционно отвергают любые другие версии. Скажем, о том, что на острове Дуба спрятано золото инков, вывезенное из Перу; что там покоятся (были и такие суждения) драгоценности казненной французской королевы Марии-Антуанетты или что «колодец» — своего рода коммунальный банк пиратов, куда вносил пай каждый из их капитанов.

Существует и такое предположение, что на острове английские монахи из аббатства при соборе Св. Эндрю после того, как парламент ликвидировал монастыри, а имущество их было конфисковано, в 1560 году спрятали здесь свои несметные сокровища — золото, бриллианты, произведения искусства. В том числе золотую чашу из Гластонберийского аббатства (чаша святого Грааля), в которую якобы была собрана кровь Христа.

Какие же доводы приводят в пользу того, что в «Денежной шахте» сокрыт клад Кидда?

Для начала вас познакомят с некоторыми денежными расчетами. Напомнят, что в ночь перед казнью Кидд в надежде купить себе жизнь признался, будто он обладает огромной суммой в несколько

сотен тысяч фунтов. Но ведь из них всего лишь четырнадцать тысяч были найдены после его казни на острове Гардинер. Где же остальное золото? Не следует ли из этого, что Кидд зарыл свое сокровище на острове Дуба задолго до того, как стал капером. А это значит, что, прежде чем отправиться в плавание на галере «Приключение», он был самым настоящим пиратом и наградил несметные богатства.

Но что свидетельствует в пользу того, что на острове зарыто именно его, Кидда, золото? Как — что?! А карты, найденные в тайнике сундука?

Действительно, в начале тридцатых годов XX столетия некий коллекционер Палмер, собирающий пиратские реликвии, приобрел сундук с надписью «Уильям и Сара Киод, их сундук». В секретном отделении оказались четыре старинные карты с изображением какого-то острова и загадочными

цифрами. По очертаниям рисунок казался похожим на остров Дуба.

Газеты и журналы под заголовками «Тайна сокровища капитана Кидда» публиковали статьи, описывающие сенсационную находку. Не было недостатка и в охотниках расшифровать загадочные надписи на обнаруженных картах. И все чаще остров Дуба стали называть островом Кидда.

От журналистов решил не отставать Гарольд Уилкинс, быстро состряпавший книжонку «Капитан Кидд и его Остров Скелета». В ней он приводил зашифрованную карту Кидда, якобы подлинную, на самом же деле ничего общего не имеющую с найденными в сундуке. Как ни странно, многие этот

вымысел приняли за вполне достоверное свидетельство. Находили также, что шифр напоминает тот, что описан в новелле «Золотой жук» Эдгаром По, который, кстати говоря, использовал слышанные им в молодости легенды о шифре, с помощью которого можно отыскать клад пирата Черная Птица.

Однако что бы ни говорили сторонники версии клада Кидда на острове Дуба, какие бы доводы ни приводили, только раскопки «Денежной шахты» могут поставить точку во всей этой таинственной истории.

Помимо легенды о золоте Кидда, существуют и другие загадки о неразысканных пиратских кладах, зарытых на островах Карибского моря, Тихого океана, у берегов Африки и Австралии, где на одном из островков под названием Григан зарыт пиратский клад, который тщетно разыскивают уже многие годы. Желающие могут убедиться в этом, раскрыв «Атлас сокровищ», дважды изданный, в 1952 и 1957 годах, в Нью-Йорке.

В этом своеобразном пособии для неумных кладоискателей к их услугам описание более трех тысяч кладов, покоящихся в пучине морской и на суше. Есть на страницах этого «путеводителя» для одержимых мечтой разбогатеть и карта острова Кокос.

Этот клочок суши у побережья Коста-Рики пользуется особой популярностью у кладоискателей. Здесь побывало пятьсот экспедиций, на которые были затрачены миллионы. Но считалось, что Кокос — «остров сокровищ» — с лихвой компенсирует эти затраты. Еще бы, ведь в земле его зарыли свои богатства несколько знаменитых пиратов, превратив остров в своеобразный «пиратский сейф».

Первым облюбывал это местечко и превратил в свою базу знаменитый Уильям Дампьер. Здесь же покоятся и захваченные им во время пиратских рейдов богатства.

В недрах острова Кокос запрятал награбленное золото и бывший английский капитан Александр Грехем, ставший морским разбойником и известный под кличкой Пират Бенито. Этот джентльмен удачи, отличавшийся особой жестокостью, за что его прозвали Кровавый Меч, захватил однажды испанский галеон с золотом на сумму тридцать миллионов долларов. Бочки с монетами и сундук с драгоценностями он спрятал в подземной пещере на берегу бухты Уэйфер. Вскоре, однако, удача отвернулась от Бенито, его повесили на рее. Тайну клада он так и унес с собой в могилу.

Третий клад, зарытый на острове Кокос, — самый, пожалуй, крупный из всех — связан с именем Скота Томпсона. Испанцы, захватив в плен этого пирата, тщетно пытались вырвать у него тайну клада. Даже под пытками он хранил молчание. Сумев вырваться на свободу, Скот Томпсон перебрался в Канаду, где жил, собирая деньги для экспедиции на Кокос. Но осуществить ее так и не успел.

Умирая, он передал карту острова с отметкой о кладе одному капитану. Тому удалось добраться до заветного острова, но воспользоваться сокровищем он не смог: команда, узнав о цели экспедиции, потребовала разделить золото, скаредный капитан предпочел бегство. Вновь посетить остров он так и не сумел — смерть настигла и его.

С той поры многие кладоискатели бывали на Кокосе, влекомые призрачной надеждой разбогатеть. Так, в 1962 году сюда предприняли экспедицию три француза — журналист Жан Портель, писатель Клод Шарлье и спелеолог Робер Берн. Но и их постигла жестокая неудача — двое из них погибли. Остров Кокос, как и остров Дуба, не пожелал расстаться со своей тайной.

ФРАНСУА ОЛОНЕ. УЖАСНАЯ СМЕРТЬ ГРЕШНИКА

В истории пиратства он известен как Франсуа Олоне — по названию французского местечка, где родился, — Сабль д'Олоне. На самом деле его имя было Жан-Давид Но. Еще в молодости он попал сначала на Эспаньолу, а затем, пристав к флибустьерам, оказался на острове Тортуга в Карибском море.

В то время карибские флибустьеры — разноплеменное братство разбойников — превратили небольшой островок Тортуга в мощную крепость. Ее трудно было захватить, но легко защитить. Здесь была всего одна гавань, хорошо защищенная с суши. Остров не раз переходил от французов к испанцам, затем к англичанам.

К 1640 году на нем вновь обосновались французы, вытеснив англичан. Они хозяйничали до 1663 года с некоторым перерывом. Местные французы называли себя флибустьерами, то есть «свободно грабящими», иначе говоря, это были те же разбойники, которых англичане называли пиратами.

На Тортуге флибустьеры, которые именовали себя также «братьями побережья», создали дисциплинированное сообщество со своими неписаными законами и основанное на принципе общности имущества. Доходы делили строго по заслугам, занимаемой должности и выполняемой функции.

Все приносили присягу на верность братству и подчинение его законам. Все, от юнги до капитана, получали одинаковую пищу, пьянство сурово наказывалось. Планы и цели очередного плавания утверждались на совете, в который входили и представители команды корабля.

К тому времени, когда на Тортуге появился Олоне, остров стал богатой колонией, настоящей жемчужиной Антильских островов. На нем вновь господствовали французы. А вообще политическая ситуация в районе Карибского моря выглядела в середине XVII века таким образом: испанцы сохраняли часть Эспаньолы, Кубу, Пуэрто-Рико, то есть почти все Большие Антильские острова; французы владели островами Мартиника, Гваделупа и Мари-Галант; голландцы занимали Сент-Эстатиус и небольшие острова у побережья Венесуэлы — Кюрасао, Аруба и Бонайре; англичане колонизовали Барбадос, часть острова Сент-Китс, а также острова Невис, Антигуа и Монтесerrat; наконец датчане

обосновались в 1671 году на острове Сент-Томас. Однако это разделение было весьма неустойчиво и положение все время менялось. В 1670 году испанцы отказались от своих прав на Ямайку.

В середине XVII столетия на острове Тортуга находился губернатор — француз де ля Пляс. Он-то и предложил Олоне заняться морским разбоем. Для этого дал ему корабль, чтобы тот попытал на нем счастья.

Надо заметить, что губернатор поступал вполне в духе времени — ведь шла война с испанцами и нападение на их корабли не считалось преступлением, более того, поощрялось властями. Наделенный каперской грамотой капитан мог заниматься разбоем на море, но только против кораблей той страны, с которой шла война.

Получив от губернатора такую грамоту, Олоне, до глубины души ненавидевший испанцев, вышел в море за удачей. И надо сказать, фортуна благоволила ему. Все шло как по маслу: ветер всегда благоприятствовал ему, победы он одерживал легко, а добыча была очень богатой.

И лишь однажды ему пришлось несладко. Во время бури его корабль разбился у берегов Мексики. Часть экипажа добралась до берега, но здесь на них напали испанцы и почти всех перебили. Олоне был только ранен, но и его ждала бы неминуемая смерть, если бы не его хитрость. Он измазал лицо и тело кровью и упал между убитыми. Выждав, когда испанцы ушли, пополз до леса, кое-как перевязал раны и переделся в одежду убитого испанца. Затем смело двинулся в город, где ему удалось подговорить нескольких невольников бежать вместе с ним на Тортугу. Украв лодку, они благополучно добрались до острова.

С тех пор Олоне воспылал еще пуще ненавистью к испанцам, поклявшись отомстить за погибших товарищей. С трудом раздобыв новый корабль, он пошел на нем к берегам Кубы, в небольшой городок Де-лос-Кайос, известный своей торговлей кожами, табаком и сахаром. На подходе к нему флибустьеры были замечены рыбаками. Они успели поднять тревогу и сообщить, что появился французский разбойник Олоне. На помощь городу поспешил испанский фрегат, вооруженный десятью пушками и с девьюноста солдатами на борту.

Правда, испанцы не очень поверили рыбакам, зная, что Олоне убит в стычке на мексиканском берегу. На всякий случай на корабле они послали негра-палача, который должен был казнить всех, за исключением главаря, которого

приказано было доставить живым в Гавану. Испанцы рассчитывали захватить разбойников врасплох, но сами попали в западню, Флибустьеры узнали о карательной экспедиции и приготовились подстеречь корабль и захватить его.

Ночью у берега появился испанский корабль. На рассвете грабители напали на него. Атака этих дьяволов, как прозвали их испанцы, была такой стремительной, что те не успели даже опомниться, как очутились запертыми в трюме. После этого, совершенно обезумев от ненависти, Олоне приказал пленникам поодиночке вылезать на палубу. По одной версии — он собственноручно отрубал голову каждому, по другой — приказал это (Сделать тому самому негру-палачу.

Как свидетельствуют некоторые источники, ненависть Олоне доходила до того, что после каждого удара он слизывал кровь, стекавшую с его сабли. В живых оставил только одного испанца. Он отправил его к губернатору с таким посланием: «За назначенную ему смерть он не пощадит ни одного испанца и надеется покарать самого губернатора». В свою очередь, губернатор, получив такое послание и рассвирепев, поклялся истребить всех разбойников, каких только удастся захватить. Но жители Кубы умолили его не делать этого: ведь эти самые разбойники могли легко истребить целую сотню испанцев, прежде чем губернатору удалось бы изловить хотя бы одного из них.

С захваченным кораблем Олоне вернулся на Тортугу и стал готовиться к новому нападению на испанцев. Для этого надо было хорошо подготовиться: набрать команду и запастись провиантом. Ему нужно было пятьсот моряков, чтобы захватить, как он задумал, Маракайбо. Этот город и порт находились в провинции Венесуэла, на берегу озера, соединенного с морем рекой. В городе насчитывалось до шести тысяч жителей вместе с рабами.

Как свидетельствовал Эксквемелин, город управлялся вице-губернатором. В нем была церковь, четыре монастыря и госпиталь. Купцы торговали кожами и салом, было много скота.

В близлежащем селении, которое называлось Гибралтар, с полуторами тысячами жителей, находились плантации какао и сахарного тростника, овощей и цитрусовых. Ежедневно отсюда по реке отплывали барки, груженные овощами и фруктами. Обрато они возвращались с мясом. Бухта Маракайбо довольно большая — в длину двадцать, в ширину шестнадцать миль. Это был

Венесуэльский залив, но пираты называли его бухтой Маракайбо.

На восьми кораблях Олоне находилось более шестисот человек. Флагманское судно было вооружено шестнадцатью пушками. Каждый участник экспедиции имел мушкет, по два пистолета и саблю.

Корабли Олоне вошли в бухту незамеченными. Олоне беспрепятственно высадился и приказал атаковать форт Ла-Барра, преграждавший путь. Всего три часа понадобилось, чтобы захватить считавшуюся неприступной крепость.

Когда в Маракайбо узнали об этом, началась паника. Все спешили покинуть город, одни на кораблях, другие на лошадях, третьи пешком. Вскоре город опустел. Не осталось в нем и ничего особенно ценного: ни денег, ни драгоценностей. Были лишь брошенные запасы муки, свинины и вина.

Сровняв форт Ла-Барра с землей, флибустьеры двинулись на Маракайбо. Каково же было их удивление, когда они не нашли здесь ни одного жителя! Победители заняли самые лучшие дома и приступили к поискам ценностей. Они были уверены, что жители спрятали сокровища. Не могли же унести с собой все золото и серебро. Увы, все усилия отыскать зарытые клады, несмотря на пытки и казни (одного испанца Олоне лично изрубил на куски), не увенчались успехом.

Тогда флибустьеры направились к ближайшему городу Гибралтар, где выращивали какао и торговали табаком. Здесь уже знали о нападении на Маракайбо и приготовились к отпору. Более восьмисот человек готовы были защищать город. Возвели новые батареи по двадцать пушек каждая. У осаждавших же было всего триста восемьдесят человек, правда, отлично вооруженных. У каждого имелось ружье, патронташ с порохом на тридцать зарядов, кроме того, по паре пистолетов и сабле.

Олоне понимал, что силы неравные, и обратился к своим ребятам с воодушевляющей речью. Он призвал их не трусить, смело сражаться и пообещал богатую добычу. Было время, заявил он, когда мы с гораздо меньшими силами побеждали и большего числом врага. Окончив речь, Олоне первым ринулся на испанцев.

Но атака быстро захлебнулась. Флибустьеры попали в болото и оказались под огнем батарей. Выбравшись из трясины с помощью нарубленных сучьев и веток, они вновь ринулись на приступ. И снова их ожидала неудача. Под огнем пушек, стрелявших картечью, они начали отходить. Как потом стало ясно, это

был приказ Олоне. Он решил перехитрить испанцев и выманить их из-за укрытий. Так и случилось.

Испанцы, увидев, что враги отступают, погнались было за ними. Но те неожиданно повернули и бросились на них. Не ожидая такого маневра, испанцы стали в панике отступать, многие побросали оружие и спасались бегством. Это решило исход сражения. Более пятисот солдат погибло в тот день, не считая раненых и разбежавшихся по округе. Но и флибустьеры понесли немалый урон: сорок убитых и семьдесят восемь раненых, большинство из которых вскоре скончались. Убитых испанцев погрузили на две старые барки и, отъехав по озеру от берега, побросали в воду.

В плен было взято сто пятьдесят знатных горожан, за которых надеялись получить богатый выкуп. А пока что всех их вместе с женщинами и детьми заперли в церкви. После этого принялись грабить город. На это ушло четыре недели.

Забрав все, что было можно, в домах, бросились пытаться пленников с целью дознаться, где спрятаны ценности. Результат был минимальный. Оставался еще один способ заполучить долгожданную добычу. В лес, где скрывались многие горожане, послали пленников — сообщить, что, если за два дня не доставят выкуп десять тысяч реалов, город будет сожжен дотла.

Выкуп был получен, после чего флибустьеры, верные слову, пощадили город и вскоре покинули его. Правда, прихватили с собой из церкви иконы, мощи, распятия и даже колокола в расчете на то, что все это пригодится на Тортуге, где они собирались соорудить часовню.

На острове Ваку сделали остановку и принялись делить добычу. Всего досталось двести шестьдесят тысяч испанских талеров, на каждого оставшегося в живых пришлось по сто талеров. Долю погибших отложили, чтобы вручить родным. Кроме денег, были поделены шелковые и шерстяные ткани и многое другое. Во время дележки, которая проходила в соответствии с принятыми условиями, каждый клялся, что ничего не скрыл ценного от товарищей и ничего не возьмет лишнего.

На Тортуге, куда вскоре прибыли все флибустьеры во главе с Олоне, они быстренько спустили свое добро в кабаках или проиграли в кости. Большая часть из награбленных денег ушла, конечно, на вино и водку. Бутылка водки стоила

четыре реала. Попойка продолжалась несколько дней.

А между тем сам главарь готовился к новым "подвигам". На этот раз он задумал плавание к берегам Никарагуа. Слава удачливого флибустьера делала свое дело. В желающих принять участие в походе не было недостатка. Собрал и снарядив шесть кораблей, посадив на них семьсот человек, из них триста на флагман, Олоне пустился в новую авантюру.

По пути к материку зашли на остров Пинос, где разжились припасами, главным образом мясом. Впрочем, запасов его хватило ненадолго. Пришлось грабить прибрежные деревни, населенные индейцами, пока не достигли города Пуэрто-Кавальо. На подходе к нему Олоне захватил нескольких испанцев. Он рассчитывал, что они расскажут об укреплениях и количестве солдат в городе, а главное укажут туда дорогу. Но те не пожелали стать предателями и все до одного были перебиты.

Причем сам Олоне зарубил одного из пленников, вырвал его сердце из груди и, показав другой группе пленных, сказал: «Если и вы не ответите на вопросы, которые нас интересуют, вас ждет то же самое». Угроза подействовала, и пленные указали дорогу к городу.

В нем оказались богатые склады с товарами, в порту находилось торговое судно с пушками на борту. Чугунные и бронзовые пушки — количеством тридцать шесть — флибустьеры сняли и перенесли на свои корабли. В складах захватили запасы кожи. Больше поживиться здесь было нечем. Тем не менее, верные себе, они начали пытать жителей, требуя признания, где спрятаны сокровища. У одних вырывали языки, других закалывали саблями. Но все было напрасно. Пленники молчали, ибо сами не знали, где и кем были спрятаны богатства, и вообще, были ли они.

Олоне, как всегда, бесчинствовал и свирепствовал больше всех. Лично пытал и убивал невиновных. При этом добивался того, чтобы их соглашались провести их в соседний город Сан-Педро, расположенный милях в десяти. Двое испанцев отвели туда отряд в триста человек.

Преодолев немало трудностей, попадая в засады и ловушки, захватив пленных и всех их беспощадно уничтожив, отряд Олоне вышел к городу. Горожане вступили в переговоры, заявив, что готовы сдать город с условием, что им даруют жизнь. Олоне согласился. Он вошел в город и крайне удивился, что не

нашел ничего ценного. Оказалось, что, вступив в переговоры, горожане пытались лишь выиграть время, чтобы спрятать имущество.

Покидая город, Олоне, по своему обычаю, поджег его. После чего, погрузившись на корабли, флибустьеры начали разбойничать у Мексиканского побережья. Нападали на города, захватывали корабли испанцев, вступали в стычки с индейцами. Многие погибли в этих сражениях. Ослабленные в непрерывных боях, истощенные физически, они терпели одно поражение за другим. Наконец Олоне решил идти на единственной оставшейся у него барке к Картахене и там захватить какой-нибудь корабль, на котором смог бы добраться до Тортуги.

Но удача отвернулась от Олоне. Настал час расплаты за все его преступления. При высадке на берег, чтобы пополнить запасы еды и воды, Олоне угодил в плен к индейцам. Это оказалось воинственное племя, к тому же каннибалы. Они буквально разорвали Олоне на куски, зажарили и съели. Об этом поведал один из флибустьеров, которому удалось чудом спастись. Так закончил свой земной путь этот кровавадный морской разбойник, оставив по себе недобрую память.

МИССОН. МЕЧТАТЕЛЬ ВОЛЬНОЙ ЛИБЕРТАЛИИ

О Миссоне — основателе пиратской республики Либерталия — мало что известно. Главным источником сведений о нем служит книга Чарлза Джонсона «Всеобщая история грабежей и убийств, совершенных пиратами». Она была издана в 1724 году и ныне хранится в библиотеке Британского музея. Встречаются упоминания о Миссоне и во французских архивах, в отчете английского суда по делу капитана Кидда, в некоторых других документах. И это, пожалуй, все, чем располагают исследователи.

Между тем судьба этого человека заслуживает внимания хотя бы потому, что он вознамерился воплотить в жизнь мечту о справедливом обществе социального равенства. Иначе говоря, был фантазером из плеяды таких, скажем, утопистов, как Томас Мор и Томмазо Кампанелла.

Миссон попытался использовать неписанные законы пиратской вольницы, не признающей различий в происхождении и богатстве. Однако средства для

достижения своей цели выбрал явно неподходящие. Скорее всего, руководствовался пресловутым девизом иезуитов «цель оправдывает средства».

Начались его приключения в итальянском порту Генуя, где Миссон, офицер французского флота, оказался во время стоянки, корабля «Победа», на котором служил. Здесь случай свел его с молодым доминиканским монахом Караччиоли. Они подружились, мало того, сошлись, что называется, во взглядах.

Оба мечтали посвятить жизнь освобождению человечества от власти денег и богачей. Трудно сказать, кто из них был большим фанатиком и кто на кого повлиял, только вскоре монах сбросил рясу и поступил матросом на «Победу». Отныне они не расставались, причем Миссон почитал Караччиоли как своего учителя, считал его апостолом новой веры и благодетелем человечества, а себя неофитом, новообращенным приверженцем новой религии.

На корабле Караччиоли проявил себя способным к морской службе ничуть не хуже, чем для службы Божьей, так что лейтенант Миссон мог не стыдиться за своего протеже. К тому же бывший монах оказался не робкого десятка. Это стало ясно при первой же стычке «Победы» с английским корсаром у берегов Мартиники. В ожесточенной рукопашной схватке погибли многие моряки «Победы». Из офицеров, например, в живых остался один лишь Миссон.

Тут возникают две версии о дальнейшей его судьбе. По одной — в награду за храбрость Миссона перевели на французский корсарский корабль, где он и продолжил службу. По другой — он обратился к матросам «Победы» с зажигательной речью, призывая их стать вольными флибустьерами, чтобы осуществить идеи исправления несовершенного мира с помощью пиратской вольницы.

Миссон пользовался у матросов уважением, ему верили, видимо, поэтому его слова о равенстве и братстве были встречены с восторгом. Всех увлекла перспектива грабить не просто «безыдейно», а во имя справедливости. Так, во всяком случае, моряки восприняли речь Миссона о новой вере.

И хотя он уверял, что они будут не пиратами, а свободными людьми, борющимися за право жить по законам Бога и природы, все поняли это по-своему. Тем более что прозвучали слова о том, что отныне они являются флибустьерами, свободными мореплавателями.

Никто не стал возражать и тогда, когда Караччиоли как идеолог новой

веры предложил поднять на судне белый флаг с надписью: «За Бога и свободу». «Этот флаг, — заявил он — мы, миссионеры нового учения, пронесем через семь морей, распространяя наше учение по всему миру».

Возгласы ликования прозвучали в ответ. Семьдесят три члена экипажа мало задумывались над словами о божественном предназначении создания рая на земле. Однако экипаж захотел отметить это событие и потребовал выкатить на палубу бочонок рома.

Апостолы не посмели отказать, причем сам Караччиоли уговорил Миссона удовлетворить требование матросов, чтобы не лишиться их согласия быть приверженцами новой веры. А дальше сама жизнь подсказала, как действовать. Ведь надо было каким-то образом добывать продовольствие, чем-то платить за него, пополнять боеприпасы.

Выход был один — захват торговых судов. Правда, оба утописта твердили, что они не пираты, а апостолы новой веры, но тем, кого они грабили, легче от этого не становилось. Надо, однако, сказать, что грабили захваченные корабли по-особому и никого не убивали. Брали лишь те товары, в которых нуждалась лично команда и которые нужны были для дальнейшего плавания. А именно: продовольствие, спиртные напитки, порох и боеприпасы. Не трогали других вещей и, что совсем уж удивительно, абсолютно не интересовались деньгами и драгоценностями. Не лишали команду и судна, которое захватывали, и даже оставляли ей часть продовольствия. К тому же были исключительно любезны и предупредительны, особенно, конечно, с дамами. Эдакие грабители-идеалисты.

Остались воспоминания английского капитана Батлера о том, как был захвачен «Победой» его торговый корабль. Он был взят на абордаж, а дальше началось нечто повергшее капитана в крайнее изумление. Сподвижники Миссона были весьма предупредительны и вежливы, взяли только то, в чем сами нуждались. Извинившись, Миссон попросил освободить корабль от трех бочонков рома, хотя всего их на судне было шесть. Не преминув при этом заявить, что они никакие не пираты, а апостолы новой веры.

После чего, к еще большему изумлению английского капитана, Миссон призвал всех желающих присоединиться к его команде. И прочел целую лекцию, в которой поведал ошеломленным английским морякам о плавучей свободной республике, где царит справедливость, нет угнетения и никто не стремится к

обогащению.

В ответ Батлер решил ответить любезностью на любезность. Он выстроил свою команду на шканцах и приказал трижды прокричать «ура» в честь таких славных джентльменов, как Миссон и Караччиоли.

Справедливости ради следует сказать, что Миссону, как это ни странно, удалось создать на своем корабле благопристойную обстановку, прекратить пьянство и ругань, научить матросов уважительному отношению друг к другу, а тем паче к женщинам и старикам. Больше всех радовался такому прогрессу Караччиоли, он всерьез надеялся на спасение душ заблудших.

Из Карибского моря «Победа» двинулась к африканским берегам. По пути захватили голландский сорокапушечный парусник. В его трюмах оказалось золото в слитках и «черный товар» — негры-невольники.

На этот раз Миссон изменил своему правилу. Его глубоко возмущала торговля людьми. А посему он приказал, все ценности и товары, которые имелись на борту голландца, поделить между своими матросами. Затем обратился к ним с речью: «Это ли не пример позорных законов и обычаев, против которых мы выступаем! Можно ли найти что-либо более противоречащее Божьей справедливости, чем торговля живыми людьми?! Разве этих несчастных можно продавать, словно скот, только потому, что у них другой, чем у нас, цвет кожи? У разбойников, наживающихся на торговле рабами, нет ни души, ни сердца. Они заслуживают вечных мук в геенне огненной!

Мы провозглашаем равенство всех людей без исключения. Поэтому в соответствии с нашими идеями я объявляю этих африканцев свободными и призываю всех вас, братья мои, обучить их нашему языку, религии, обычаям и искусству мореплавания, дабы они могли зарабатывать на жизнь честным трудом и защищать свои человеческие права».

Не успел Миссон закончить, как раздались возгласы: «Да здравствует капитан Миссон!» Матросы бросились к неграм, чтобы освободить их от кандалов и объявить свободными. Что и было исполнено: всех негров отпустили на берег.

И в дальнейшем Миссон оставался верен себе: работоторговцев он грабил без всякой жалости, а негров всегда освобождал. Можно сказать, был одним из первых противников рабства.

К радости Миссона и Караччиоли, часть голландских моряков изъявила желание (видимо, так на них подействовала речь капитана «Победы») остаться на его корабле. Миссону казалось, что идея начала овладевать массами.

Но вскоре ему пришлось разочароваться в новообращенных. Голландцы не пожелали подчиняться заведенному на судне распорядку, начали безобразничать. Что было делать? Миссон решил высадить непокорных на ближайший берег. Однако Караччиоли отговорил его, предложив попытаться их перевоспитать.

Миссон обратился к ним с проникновенной проповедью. Вновь говорил о братстве, о плавучей республике, о всеобщем равенстве. И похоже, добился полного подчинения от новичков. Впрочем, скорее подействовала угроза, прозвучавшая в конце проповеди: каждый, кто злоупотребит именем Божиим, получит пятьдесят ударов плетью.

Между тем «Победа» обогнула мыс Доброй Надежды и вошла в Индийский океан. Здесь ей повстречалось английское судно. В бою погиб его капитан. Миссон велел похоронить его на берегу и сделать на могиле такую надпись: «Здесь покоится отважный англичанин».

Английские моряки с захваченного Миссоном судна были поражены таким невиданным благородством. Некоторые даже решили после этого остаться на «Победе» и служить справедливому делу. Плавучая республика превращалась в интернациональное братство. Но возникла проблема — способ общения.

Требовалось создание общего языка из набора слов представителей тех национальностей, которые входили в это братство. Вроде того, что позже возникнет в Юго-Восточной Азии — «пиджи-инглиш», сочетающий корни английских слов с китайскими, или «бейсик-инглиш», упрощенный английский из 850 слов, употреблявшийся в качестве «международного» средства общения. Однако с языком решили подождать. На первый план вышли другие задачи. И прежде всего военного характера.

«Победа» подверглась в Мозамбикском проливе нападению португальского военного судна с шестьюдесятью пушками на борту. Бой был жестоким, обе стороны понесли значительные потери, однако флибустьеры все же одолели. Им досталось несколько бочонков с золотом, а это означало несколько месяцев безбедной жизни. В бою был тяжело ранен Караччиоли, и хирургу пришлось отрезать ему ногу. Бывший монах даже не вскрикнул под

ножом. Ногу выбросили акулам, а для Караччиоли плотник смастерил протез.

Потеряв ногу, монах отнюдь не утратил фанатичного пыла. Правда, во взглядах идеолога пиратской вольницы произошли некоторые перемены. Он, например, объявил, что временно, на первом этапе процесса спасения человечества, не удастся полностью избавиться от денег и следует к ним относиться как к неизбежному злу. Он заявил даже, что деньги могут оказаться полезным средством при осуществлении благородных целей. И даже призвал копить их. При этом стал уговаривать Миссона отказаться от прежней сдержанности и не пренебрегать отныне сокровищами, которые захватят. Объяснил он это тем, что необходимо собрать достаточно средств, чтобы перенести их республику на сушу и обосноваться где-нибудь в подходящем месте.

Так Миссон, можно сказать, вынужден был стать морским разбойником ради, как ему казалось, благородной цели. По-прежнему его люди избегали насилия над пленными, могли оказать помощь раненым и больным, но не щадили богатых и забирали у них все.

Но где найти то самое подходящее место, чтобы там обосноваться и жить? Поиски привели поначалу на Анжуан (один из Коморских островов). Местный властитель встретил европейцев с распростертыми объятиями. Он воевал с соседним царьком и рассчитывал на их поддержку. Тут Миссону приглянулась молодая девушка, свояченица властителя. Не откладывая в долгий ящик, сыграли свадьбу.

Примеру капитана последовали и другие члены экипажа — переженились на местных красавицах. Даже Караччиоли, забыв об обете безбрачия, женился на женщине из местной знати.

Последовала череда празднеств, веселий и гулянок. Этим воспользовались враги властителя. Они напали на беспечных молодоженов и остальных весельчаков, но были разбиты и отступили. Потерпел, однако фиаско и Миссон в своем намерении поладить с аборигенами. Не помогла ему и женитьба.

Дело было в том, что местные вожди не желали подчиняться правилам, которые пытались внедрить пришельцы. Не хотели новой религии и обычаев. Даже властитель, новоявленный родственник Миссона, стал грозить ему войной, если тот не откажется от своих планов переустройства. Пришлось, захватив своих

жен, детей и имущество, отчалить от острова.

Вскоре «Победа» бросила якорь в бухте Диего-Суареш на северо-восточной части острова Мадагаскар. Место это сразу же приглянулось не только красивым видом, но и бухтой с узким проходом, что делало ее удобной для защиты.

Не раздумывая, начали строить поселок. Валили лес, возводили дома и укрепления. Когда строительные работы были закончены, состоялся своего рода митинг, на котором Миссон заявил: «Среди нас есть французы, итальянцы, англичане, голландцы, португальцы, гвинейцы. Национальность здесь не имеет значения. Отныне все мы — жители города Свободы, который только что возвели. Назовем его Либерталия, а сами будем называться либерами, что по-латыни означает «свободные люди».

Так родилась республика Либерталия, о которой мечтали Миссон и Караччиоли. В ней насчитывалось сто с лишним жителей с их женами, несколько бывших рабов из португальских колоний. Но Миссон продолжал питать надежду, что к нему присоединятся и другие. Для этого он разослал письма «семи морям», приглашая в Свободный город.

Однако, несмотря на то что либеры исповедовали возвышенные идеи, они не отказывались от прибыльного промысла. Не раз Миссон уходил в плавание, гонялся за торговыми кораблями. Чуть не погиб, но все же захватил огромный корабль с ценным грузом. Добыча равнялась двумстам тысячам фунтов стерлингов! Но и собственный урон был велик — они потеряли в том бою пятьдесят два человека.

Однажды Миссону повстречался небольшой шлюп. По сравнению с огромной «Победой» — скорлупка. Тем не менее шлюп отважно ринулся на нее, предварительно подняв черный флаг и дав предупредительный выстрел. Миссон велел спустить шлюпку и «переговорить» с нахалом. Когда шлюпка вернулась, на ней прибыл капитан шлюпа Томас Тью. Имя этого английского пирата было тогда широко известно. Его встретили на «Победе» с почестями, и он пожелал присоединиться к сообществу свободных граждан.

Попытка ввести общий для всех язык в этом поистине вавилонском столпотворении, как мы уже знаем, не удалась. Проще было ввести в Либерталии свои законы. Написали и приняли что-то вроде конституции. Ее автором был

Караччиоли. Управлял карликовым государством совет во главе с Миссоном. В совет выбирали по одному представителю от каждых десяти граждан. Они образовали ассамблею и собирались на сессию в ратуше «для выработки справедливых законов в целях наибольшего блага коммуны».

Благодаря работе совета «было объявлено, напечатано и распространено большое количество разумных законов». Представьте, в Либерталии имелись даже печатные станки, захваченные на каком-то судне. В одном из законов говорилось, что все имущество и скот будут поровну распределены между всеми гражданами и каждый получит в надел землю, которую будет обрабатывать. На одной из сессий приняли закон, по которому «верховная власть должна быть доверена одному лицу, полномочия которого должны подтверждаться депутатами каждые три года». Этому главу государства следует именовать хранителем и титуловать «высшая светлость».

Разумеется, хранителем избрали Миссона, государственным секретарем — Караччиоли, а великим адмиралом — Тью. Жителям запрещалось употреблять бранные слова и играть в азартные игры. Это не мешало кораблям республики выходить в море на охоту, чтобы город ни в чем не испытывал недостатка. Миссон был полон новых планов. Город богател, казна заполнялась золотом и драгоценностями. На кораблях, построенных на собственной верфи, Миссон объехал вокруг острова, снимая карту побережья. И вот в один момент все рухнуло. Либерталия исчезла. Что же случилось?

Не землетрясения, не наводнения погубили ее, а свирепые аборигены, обитавшие в глубине острова. Воспользовавшись тем, что Миссон был в море, они напали на город, разграбили и сожгли его. Многие погибли, в том числе и жена Миссона. Лишь Томас Тью и несколько горожан успели на шлюпе ускользнуть в море. Здесь они и встретились с Миссоном и Тью, который поведал о трагедии.

Через несколько дней, когда оба вернулись в Либерталию, их глазам предстала печальная картина разорения и опустошения. Казалось, место это проклято Богом и лучше поскорее отсюда убраться и никогда не возвращаться.

Миссон, Караччиоли и Тью решили на трех кораблях плыть в Америку и там начать новую жизнь. Не успели они отплыть от острова, как налетела буря и разбросала их корабли. Больше Миссона и Караччиоли никто никогда не видел.

Тью в этот раз повезло. О нем было известно, что он будто бы жил в Нью-Йорке. Потом, соскучившись по морю, ушел в плавание на пиратском судне и, видимо, погиб где-то у берегов Аравии. Случилось это приблизительно году в 1710-м или 1713-м.

Развалины Либерталии быстро заросли травой и кустарником. И когда несколько лет спустя знаменитый искатель приключений Мориц Бенёвский, совершив побег из русской ссылки на Камчатке, проплыв полсвета, высадился на Мадагаскаре и стал королем острова, он не нашел никаких следов бывшего города Свободы.

ЖАННА ДЕ БЕЛЬВИЛЬ И ДРУГИЕ ЛЕДИ УДАЧИ

Мы привыкли считать, что пиратство сугубо мужское занятие. Ни в одной приключенческой книге не упоминается о том, что ремеслу этому были не чужды и женщины. В действительности же они часто даже превосходили мужчин по дерзости и жестокости.

Первой из женщин следует назвать Жанну де Бельвиль из Бретани. Она была аристократкой, женой рыцаря де Клиссона. Но не жажда наживы и не страсть к приключениям привели ее под черное знамя флибустьеров, а чувство мести.

Во время Столетней войны между Англией и Францией де Клиссона обвинили в предательстве — сношениях с англичанами, а именно с Эдуардом III. И в 1343 году по приказу французского короля Филиппа VI его казнили.

Его вдова, прекрасная Жанна де Бельвиль, славившаяся также умом и хлебосольством, поклялась отомстить за мужа. Она продала свои поместья и на вырученные деньги построила три корабля. Одним стала командовать сама, два других доверила сыновьям.

Ее флотилия стала «бичом Божьим» для королевских моряков. В прибрежных водах Жанна де Бельвиль безжалостно уничтожала корабли своего кровного врага — французского короля, наводя страх и ужас на все побережье Бретани. Ее так боялись, что капитан любого французского корабля, который вознамеривался пройти через Ла-Манш, составлял завещание.

Не один год вдова мстила за своего мужа, разбойничая у побережья

Франции. Но в один прекрасный день ее корабли неожиданно снялись с якоря и исчезли в неизвестном направлении. Известно лишь, что старший сын Оливье стал коннетаблем Франции и оставил огромное состояние, основу которого заложил его отец и отважная мамаша.

Двести лет спустя в водах Ла-Манша появилась другая знаменитая разбойница — леди Киллигрю. Никто из современников и подумать не мог, что эта женщина жила двойной жизнью. Жена уважаемого губернатора портового города Фалмута лорда Джона Киллигрю — и в то же время главарь флотилии, грабившей в море торговые суда. Эта леди никогда не оставляла в живых свидетелей своих «подвигов». Но однажды о ее жестокости все же стало известно. А случилось это так.

В залив Фалмута вошел испанский галион. Прежде чем капитан и экипаж успели опомниться, судно взяли на abordаж и принудили всех сдаться. Началась резня, но капитану испанцев чудом удалось спрятаться. Из своего укрытия он с ужасом наблюдал кровавую вакханалию, которую возглавляла молодая красивая женщина. Ночью капитан оставил свое убежище и вплавь добрался до берега. Он решил немедленно сообщить губернатору о том, что произошло. Каково же было его удивление, когда в жене губернатора он узнал ту самую женщину... Капитан благоразумно промолчал о случившемся и немедленно отправился в Лондон.

По приказу короля начали расследование. То, что оно вскрыло, было поразительно. Обнаружилось, что леди Киллигрю — дочь знаменитого пирата Филиппа Волверстона и что с молодых лет она участвовала в разбойных набегах. Став женой губернатора, она с ведома и согласия своего супруга продолжала заниматься незаконным доходным промыслом.

Лорда Киллигрю приговорили к смертной казни, его разбойницу жену — к пожизненному заключению.

Под стать ей была и другая леди удачи — Грейс О'Мейл. Ее похождения — целый приключенческий роман. Она выросла в семье одного из предводителей ирландских кланов Оуэна О'Мейла, известного пирата, славившегося своей отвагой и хитростью. С юных лет Грейс участвовала в авантюрах отца и других членов клана. Обычно они занимались тем, что нападали на проходившие у берегов Ирландии купеческие корабли.

Но вот беспокойной жизни Оуэна пришел конец, он умер, правда, не в

море, а в родовом замке. По традиции, главой клана провозгласили Адульфа — его пятнадцатилетнего сына. Но тут в зал, где заседал совет старейшин, решительными шагами вошла девятнадцатилетняя дочь Оуэна — Грейс. Она заявила, что у нее, как у старшей в семье, больше прав возглавить клан.

Решить спор должен был поединок — так сказали старейшины. И вот на берегу моря сошлись брат и сестра. Оружие — ножи. Победила Грейс. Ее и признали главой клана, и она доказала, что заслуживает этой чести.

Начала с того, что перестроила родовый замок, превратив его в крепость, неприступную и с суши, и с моря. А вскоре продолжила дело отца. Заметив в прибрежных водах торговый корабль, выходила наперехват на легких, маневренных баркасах.

Напрасно экипаж судна пытался отстреливаться из пушек и мушкетов — попасть в небольшие, прыгающие на волнах баркасы было почти невозможно. А потом — абордаж и рукопашная схватка. Грейс всегда была впереди. Ее грозный, разъяренный вид — с распущенными волосами и саблей в руке — приводил в трепет противника. Захватив корабль, Грейс перегружала содержимое его трюмов на баркасы, а судно и команду пускала на дно.

Рискованный образ жизни не помешал Грейс выйти замуж за вождя знаменитого и богатого клана, тоже пирата, но она вскоре быстро овдовела. На руках осталось трое детей. Второй ее муж Ричард Берк тоже был известный береговой пират, прозванный Железным за то, что постоянно носил под одеждой железную кольчугу.

Несмотря на то что Грейс ждала четвертого ребенка, она не бросила опасное ремесло и продолжала пиратствовать.

С новым мужем жизнь у нее не заладилась. Очень скоро она рассталась с ним, успев обобрать его и захватить его замок. Разрыв произошел будто бы из-за того, что Ричард однажды посмел ослушаться ее приказа. После этого, как гласит легенда, она влюбилась в одного из своих пленников, испанца, и он стал участником ее походов.

Однако английским и ирландским властям надоели жалобы судовладельцев на бесчинства Грейс, и они решили разделаться с ней. Сделать это поручили ее бывшему мужу Берку. Он и возглавил карательную экспедицию против нее.

Уж кто-кто, а он-то знал и повадки своей бывшей супруги, и систему укреплений вокруг ее замка. Грейс попала за решетку, и ее приговорили к смертной казни.

Но ей повезло: в последние часы перед казнью ее молодцы напали на тюрьму и освободили свою предводительницу. Дело было скандальное, молва о победе дошла до Лондона, и тут произошло то, чего никто не ожидал. Сама Елизавета I пригласила Грейс в гости.

Грейс было тогда уже шестьдесят три года, но она отправилась в неблизкое путешествие. Королева милостиво приняла ее и предложила продолжить то, чем та занималась, но только не забывать делиться добычей, то есть стать капером. К удивлению Елизаветы, Грейс отказалась. Тогда оскорбленная королева велела арестовать «строптивую Грейс» за «нарушение запрета на пиратство».

Просидев полтора года в тюрьме, Грейс пообещала покончить со своим пиратским ремеслом, если ее освободят. Но, оказавшись на свободе, вновь принялась за старое. Умерла она в 1603 году в родовом замке, где и была похоронена. Существует легенда, что тот самый испанец — возлюбленный пиратки, тайно выкрал ее тело, погрузил на корабль и отплыл в неизвестном направлении.

Сегодня на берегу Ирландского моря далекие потомки Грейс с гордостью показывают туристам развалины старинного замка, где когда-то жила знаменитая разбойница.

Но, пожалуй, наибольшую славу из женщин — морских разбойниц завоевали Анна Бони и Мэри Рид. Имена обеих женщин связаны с пиратом Джоном Рэкхэмом по кличке Калико Джек или Джек-красавчик. Первую кличку он получил за пристрастие к штанам, сшитым из дорогой полосатой камчатной ткани — калико. Вторую — за то, что пользовался успехом у женщин.

В пиратском мире его уважали за отвагу и удачливость. Сокровища, зарытые им где-то на побережье Кубы, тревожили воображение многих кладоискателей и столетия спустя.

Но Рэкхэм остался знаменит в истории пиратства не модными штанами и не смелостью, а тем, что на его корабле плавали две женщины, переодетые мужчинами. Это и были Анна Бони и Мэри Рид. Их история напоминает авантюрный роман, в котором есть все — страстная любовь, переодевания, дуэли.

Эти две представительницы слабого пола еще раз доказали, что ничем не уступают мужчинам и могут превзойти их даже в таком опасном деле, как пиратство.

Анна Бони была незаконнорожденной дочерью адвоката. Она появилась на свет около 1690 года в Ирландии. Ребенком отец увез ее в Америку, где купил поместье и стал плантатором.

С детства Анна проявляла свой строптивый, вспыльчивый характер. Как-то, рассердившись, она тяжело ранила кухонным ножом служанку. Анне было тогда всего тринадцать лет. В восемнадцать она влюбилась в моряка-контрабандиста и тайно с ним обвенчалась. Отец, узнав об этом, выгнал ее из дома. Вскоре она разочаровалась в своем муженьке и порвала с ним. В этот момент и встретился на ее пути Джон Рэкхэм. Он увез ее с собой на Нью-Провиденс, где базировались его корабли.

Любовь Анны к этому пирату была столь велика, что она не желала с ним расставаться ни на минуту, даже во время опасных разбойничьих набегов. Она переодевалась в мужское платье и делила все тяготы суровой жизни своего возлюбленного. И что удивительно, никто в команде и не подозревал, что молодой матрос, любимчик капитана, — его жена.

Но пришел час, и Анна почувствовала, что станет матерью. Ей трудно стало исполнять тяжелую работу матроса. Она была на грани разоблачения, и неизвестно, как бы отнесся суеверный экипаж к тому, что на борту обнаружена женщина.

Пришлось Рэкхэму высадить ее и спрятать у друзей на Кубе. Через несколько месяцев, благополучно разрешившись от бремени, Анна снова оказалась на борту корабля Рэкхэма. Тут она встретила симпатичного безусого матроса, недавно завербовавшегося на судно. Они стали встречаться, и Джек-красавчик заподозрил неладное. Он стал следить за Анной. И однажды ночью застал ее на палубе вместе с новичком. В ярости Рэкхэм выхватил нож и бросился на соперника. Тот ловко увернулся от удара, но клинок все же рассек на нем одежду. И тут, к своему изумлению, он увидел, что перед ним женщина. Ей ничего не оставалось, как признаться, что зовут ее Мэри Рид, и поведать о своей горестной судьбе.

В тринадцать лет Мэри бежала из дома, где мать с малых лет одевала ее

как мальчишку. Теперь это ей пригодилось — она нанялась юнгой на военный корабль. Затем стала солдатом пехотного полка в Голландии. Даже отличилась во время сражения. Потом перешла в кавалерию, влюбилась в молодого офицера Флемминга и призналась ему в этом.

В общем, дело кончилось свадьбой, молодожены купили трактир «Под тремя подковами» и зажили счастливо и спокойно. Но, три года спустя муж неожиданно умер. Дела у Мэри пошли плохо. Она продала трактир, снова облачилась в мужской наряд и завербовалась солдатом в Вест-Индию. Корабль, на котором она плыла, захватил Рэкхэм. Он нуждался в матросах и предложил тем, кто захочет, остаться на борту его судна. Мэри Рид согласилась и стала соучастницей разбойных нападений этого пирата.

К своему удивлению, она, благодаря женской интуиции, обнаружила, что на корабле находится еще одна женщина, переодетая мужчиной. Анна и Мэри подружились, часто болтали и наравне с отчаянными пиратами шли на abordаж, дрались на саблях. Естественно, получали и причитающуюся им долю добычи.

Дальше случилось неожиданное. Мэри влюбилась в молодого матроса. Однажды ее возлюбленный повздорил с очень сильным и опасным пиратом. Между ними должно было состояться что-то вроде дуэли. Мэри знала, что силы неравны и ее любимый может быть убит. Тогда она сама спровоцировала ссору с пиратом и тут же на месте заколола его шпагой.

Губернатору Северной Каролины надоело терпеть у себя под боком бесчинства обнаглевших флибустьеров. Он послал против них военные английские корабли. Известен год и день, когда между ними и судами Рэкхэма завязался бой, — 20 октября 1720 года.

Анна Бони и Мэри Рид сражались наравне с мужчинами. Вместе с ними оказались в плену и они. Джон Рэкхэм был повешен, Анна и Мэри попали за решетку. Мэри так и умерла в тюрьме, ей было сорок три года. А Анну освободили. Говорили, что тюремные ворота помогло раскрыть перед ней золото ее отца-плантатора.

КЛАУС ШТЕРТЕБЕКЕР. ГРОЗА СЕВЕРНОГО МОРЯ

Вот уже несколько столетий Клаус Штертебекер и Годеке Михель живут в памяти немцев, обитающих на побережье Северного моря. Жизнь и деятельность этих двух корсаров — предводителей ликеделеров (то есть «все делящих поровну»), а также их смерть описаны в исторических документах. Правда, достоверные сведения об этих морских разбойниках немногочисленны и не дают возможности подробно изложить события, характеризующие их образ жизни.

Имя Штертебекера — Клаус — часто заменяется другими именами; фамилию эту носят очень многие жители побережья, что порождает путаницу в исторических свидетельствах. Имя и фамилию Годеке Михеля писали по-разному: Михель, Михельс, Михаэлис, Готтфрид Михаль. Так что нельзя ручаться за точность имеющихся биографических данных.

По одной из версий, как пишет современный автор Нойкирхен, Штертебекер родился в XIV веке на острове Рюген и был сыном батрака. Однажды в споре он убил барона Путлица и его управляющего. Вместе с девушкой, служанкой барона, он сел в рыбацкую лодку и уплыл в море. У берегов Рюгена его подобрал корабль ликеделеров, которым командовал Годеке Михель.

Другая версия начала походов корсара связана с иным случаем.

Как-то Клаус нанялся к рыбакам ловить сельдь. При возвращении из рейса команда взбунтовалась, и Клаус был избран вожаком восставших. Теперь дома или в любом другом ганзейском порту им грозило суровое наказание. Вот тогда-то Штертебекер и его дружки решили заняться морским разбоем.

Исторических доказательств, подтверждающих какую-либо версию о происхождении Штертебекера, до сих пор не найдено. Не обоснована документально и воплощенная в популярной пьесе двадцатых годов «Буря над Готландом» версия Эма Велка, считающего Штертебекера обедневшим сельским аристократом из Мекленбурга или Померании.

Место рождения и происхождение Клауса Штертебекера остаются неизвестными. В числе мест, где, возможно, родился знаменитый пират, источники называют наряду с Гамбургом еще более дюжины городов и деревень Мекленбурга, острова Рюген, Ганновера и Фризии. Наиболее вероятными можно

считать те предположения, которые связывают его происхождение с Верденом и Висмаром.

Согласно выпущенному в 1718 году географическому «Описанию обоих герцогств — Бременского и Верденского», «Михаэлис и Штертебекер приказали выдолбить в Домском соборе (в Вердене) специальную нишу возле подпорной арки и поместить туда их герб». К сожалению, ниши собора, в которых размещались гербы, не сохранились. По преданию, Штертебекер завещал соборному капитулу города Вердена целое состояние, так называемый пасхальный дар, из которого выплачивались пособия нуждающимся на протяжении нескольких веков.

Есть, впрочем, и третья версия того, как Клаус стал корсаром.

В старину существовал на немецкой земле обычай — крепкое пиво разрешалось пить только вельможам. Сейчас это может показаться диким, но тогда нарушение этого правила простолюдином могло стоить ему жизни. Бедняк не смел и подумать о том, чтобы отведать аристократического пива. И все же нашелся человек, который дерзнул нарушить запрет. Преступление оказалось настолько из ряда вон выходящим, что в летописи зафиксирован даже год, когда оно было совершено, — 1391-й. Известно и имя нарушителя: батрак по имени Клаус из усадьбы на острове Рюген.

Дерзкого Клауса схватили и должны были казнить. Но потом передумали и решили поступить по-иному. Пусть батрак — любитель «чужого пива», на потеху богатеев залпом выпьет огромную чашу, до краев полную тем напитком, которого он пожелал вкушать. Но Клаус оказался малый не промах. Сосуд он превратил в оружие, обрушив его на головы тех, кто думал над ним поиздеваться. После чего благополучно скрылся. Вот с тех пор и стали его называть «Штертебекер» — что можно перевести как «опрокидыватель чаши».

А вскоре на море объявился грозный корсар. Купцы трепетали при одном его имени, а бедняки считали своим защитником и братом. Вокруг Клауса собралось множество сподвижников, таких же, как и он, обездоленных. Их девиз гласил: «Мы друзья Господу Богу и враги всему свету»; под «всем светом» подразумевались власть имущие. В песне, которую распевали они, были такие слова: «Купец посеял, мы пожнем». Молва об их дерзких набегах и захватах судов ганзейских купцов гремела по всему северному побережью Германии. Как

гласит предание, награбленное они раздавали бедноте. За это их прозвали «справедливыми» или «все делящими поровну». Самым справедливым был Клаус, всегда готовый протянуть руку помощи нуждающимся. Одной женщине, рассказывает легенда, которая была так бедна, что ей нечем было залатать мужу штаны, проходивший мимо Клаус бросил лоскут. Кусок материи оказался непростой — с обратной стороны он был покрыт золотыми монетами. В другой раз Клаус выручил из беды старика, которого хозяин за неуплату долга выгнал из его собственного дома. Старик получил от Клауса столько денег, что смог внести плату на много лет вперед. Точно так же он помог бедной вдове и многим другим обездоленным.

И народ любил своего защитника, помогал ему скрываться, когда его преследовали, славил в песнях, стекался под его вольное знамя. Верными сподвижниками Клауса были шкипер Годеке Михель и магистр Вигбольд. Была у народного вожака и возлюбленная, простая батрачка Требеле, любовь которой он не променял даже на ласки самой датской королевы Маргариты.

Много легенд сложил народ о справедливом Клаусе. Но были и иные сочинители — его враги. Это они пустили в ход выдумку о несметных сокровищах Штертебекера. И в доказательство утверждали, что мачта на его корабле якобы начинена золотом. А однажды, когда его схватили, он будто бы предложил в качестве откупа столько золота, что из него свободно можно было бы выковать цепь, которой хватило опоясать гамбургский собор, а то и весь город.

Все это, повторяю, были выдумки его недругов. Впоследствии обнаружили запись в реестре доходов города, из которой явствовало, что все трофеи, захваченные на корабле Клауса, были оценены всего в 750 марок. Это не останавливает сегодняшних искателей кладов, продолжающих верить в зарытые несметные сокровища Клауса и его сподвижников.

Как бы то ни было, можно смело утверждать, что Михель и Штертебекер являлись главарями пиратской братии Балтийского моря. Оба они упоминаются как вожаки в Любекской хронике 1395 года и в обвинительном акте англичан, возлагающем на них ответственность за нападение на английские корабли в период с 1394 по 1399 год.

Как же схватили неуловимого Клауса Штертебекера? Как удалось

гамбургскому сенату одержать над ним победу?

Весной 1401 года, как говорит легенда, на второй год своей женитьбы на дочери фризского князя Кено тен Брока, Клаус Штертебекер раньше обычного покинул свою зимнюю стоянку во Фризии и направился на остров Гельголанд. Поэтому на его судах еще не было добычи. А Годеке Михель, вероятно, занимал со своими кораблями удобную позицию у устья Везера.

Гамбургский сенат принял решение в 1401 году окончательно покончить с морскими разбойниками. С этой целью зимой снарядили флот, командование которым поручили членам городского самоуправления Шокке и Ланге. Самым сильным кораблем флота была «Пестрая корова». Это был новый корабль, построенный по особому распоряжению нового гражданина Гамбурга, уроженца Голландии Симона ван Утрехта. «Пестрая корова» и стала флагманским кораблем. Командовал им капитан Херманн Ниенкеркен. Сам Утрехт не принимал участия ни в руководстве операцией, ни в командовании кораблем.

Сколько людей и кораблей участвовало в битве с обеих сторон, осталось неизвестным.

Гамбуржцы подошли к Гельголанду в сильном тумане. Когда они бросили якорь на достаточно далеком расстоянии от кораблей Штертебекера, на воду была спущена шлюпка. В нее сел штурман «Пестрой коровы», подошел к главному кораблю и закрепился у его кормы. Когда шлюпку окликнул вахтенный матрос, переодетый рыбаком, штурман ответил, что он только разогревает еду на огне. Однако на самом деле он расплавил свинец и залил им рулевые соединения корабля. Корабль потерял маневренность, и гамбуржцы смогли взять его на abordаж.

На борту разразилась ожесточенная схватка между корсарами и гамбуржцами, которым никак не удавалось захватить Штертебекера. Всех нападавших на него врагов он валил наземь ударами своего огромного меча. Тогда гамбуржцы пошли на хитрость. Сверху, с реи, они набросили на Штертебекера сетку, которая сковала его движения, и лишь таким образом смогли его схватить.

В подтверждение того, что большое сражение имело место в действительности, свидетельствуют сохранившиеся казначейские счета того времени, в которых наряду с наградой в восемьдесят серебряных марок,

предназначенной адмиралу Шокке, упоминаются большие затраты на ремонт судов, получивших повреждения во время этого сражения.

Данные о потерях с обеих сторон остались неизвестными. В хронике упоминается о сорока убитых со стороны противника, но о собственных потерях гамбургцы не сказали ни слова. Очевидно, после захвата корабля Штертебекера его флоту удалось отойти, ибо, несмотря на то что ликование было огромное, гамбургцы смогли доставить в свой порт только семьдесят три пленных. Казнь Штертебекера и его товарищей состоялась 20 октября 1401 года на пустынном острове Грасбрук в устье Эльбы.

О том, как проходил суд над ними, об их смерти народ также создал свою версию. Процесс действительно длился почти полгода, это подтверждается казначейскими счетами, хранящимися в гамбургском городском архиве. Каждый обвиняемый получил слово для защиты. По преданию, Штертебекер выступил как защитник бедных и мужественно принял всю вину на себя. Народное сказание говорит об этом так: «Штертебекер был славный малый. Бедным давал, у богатых брал».

Легенда повествует о том, что была исполнена последняя просьба Штертебекера: сохранить жизнь тем из его сообщников, мимо которых он сумеет пробежать после отсечения у него головы. Легенда утверждает, что, будучи уже обезглавленным, Штертебекер пробежал мимо одиннадцати своих соратников. Только когда палач Розенцвейг подставил ему ногу, обезглавленное тело упало на землю.

После смерти Штертебекера возникла песня, которую в различных вариантах пели на немецком побережье Балтийского и Северного морей в течение столетий. От первоначального ее текста до нас дошла только первая строфа. Текст песни, состоящий из двадцати шести строф, датируется 1550 годом. В гамбургском листке «Вольный стрелок» в 1851 году были напечатаны пять строф песни, которая по своей простоте может быть отнесена к одному из сохранившихся народных вариантов песни о Штертебекере:

Штертебекер и Годеке Михель
Вдвоем разбойничали на море,
Пока это не надоело Богу
И он не покарал их.

Штертебекер воскликнул: «Ну что ж!
В Северном море мы будем как в доме своем,
Поэтому немедленно туда поплывем,
И пусть богатые гамбургские купцы
Теперь беспокоятся за свои корабли».
И они стремительно отправились в путь,
Подгоняемые своей пиратской целью.
Рано утром у острова Гельголанд
Они были схвачены и обезглавлены.
«Пестрая корова» из Фландрии
Подняла их на рога и порвала в куски.
Их привезли в Гамбург и отрубили им головы.
Палач Розенфельд спокойно
Отрубил буйные головы этим героям.
Его башмаки утопали в крови,
Которую и внуки его смыть не смогли.

Власти Гамбурга не удовлетворились победой над Штертебекером. После восстановления кораблей, принимавших участие в сражении у Гельгоlanda, гамбургский флот продолжал операции против ликеделеров. Теперь гамбуржцы хотели захватить Годеке Михеля. После пленения своего вице-адмирала Годеке Михель стал более активен, чем прежде, однако и гамбуржцы после ожесточенной битвы у Гельгоlanda стали осторожнее.

Второе крупное сражение гамбургского флота с кораблями ликеделеров происходило в нижнем течении Везера. И об этой битве мы не имеем никаких достоверных сообщений, неизвестны ни день, ни месяц этого сражения, ни то, как оно развивалось. Хронист говорит о событии лишь в нескольких словах: «Затем вскоре, в том же году, когда произошла битва у Гельгоlanda, называемого здесь «Святая земля», гамбуржцы вторично отправились в море и схватили восемьдесят врагов и их главарей — Годеке Михаэля и Вигбольдена. Среди награбленной ими добычи были обнаружены мощи св. Винсента, которые были в свое время похищены из какого-то города на Испанском побережье. Разбойников доставили в Гамбург, где они также были обезглавлены, и их головы были насажены на

колья рядом с другими».

Несмотря на то что гибель обоих предводителей явилась большим ударом для ликеделеров, морской разбой на Северном и Балтийском морях не прекратился.

Это был период, когда морская торговля Ганзы переживала небывалый расцвет, а постоянные политические столкновения и войны, в связи с которыми выдавались каперские грамоты, превосходно стимулировали морской разбой. Так, например, в 1407 году ликеделеры воевали против Голландии на стороне своих фризских покровителей. В 1426 году голштинские графы в споре за герцогство Шлезвиг выдавали ликеделерам каперские свидетельства для борьбы против датского короля Эриха.

Однако насколько неискренним и втайне враждебным всегда было отношение ганзейских городов к ликеделерам, можно судить по многим примерам. В 1428 году Ганза в войне против Дании выставила флот из двадцати шести кораблей и армию в двенадцать тысяч человек. Среди членов судовых команд находились восемьсот представителей ликеделеров. Они захватили Фемарн, разграбили Берген и разбили норвежский флот.

В то же время другие ганзейские города вели с ликеделерами борьбу, как с пиратами. Еще в 1403 году ганзейские города Данциг и Любек предпринимали военные походы против них. В 1408 году гамбуржцы обезглавили на площади предводителя ликеделеров Плукараде и девять его товарищей, взятых в плен.

В 1433 году Симон ван Утрехт, ставший тем временем членом городского управления Гамбурга, был назначен командующим гамбургским флотом, насчитывавшим двадцать один корабль. Он получил приказ вторгнуться в устье Эмса и вместе с сильной сухопутной армией взять город Эмс, чтобы ликвидировать последний оплот ликеделеров во Фризии. Вновь были обезглавлены сорок человек, а их головы насажены на колья.

Однако уже в 1438 году Гамбург и Бремен вновь вербовали корсаров для войны против Голландии и Зеландии. Весьма примечательно обращение Бремена к невоюющим ганзейским городам, в котором говорилось, что бременские корсары будут относиться к кораблям этих городов как к вражеским, если у них на борту окажутся товары из Голландии или Зеландии. Это означало, что они служили одним ганзейским городам против других. Бременский сенат выдавал

каперские свидетельства на таких условиях: две трети добычи причиталось каперу, а одна — шла в пользу сената.

Нанимаемые Бременем корсары, как всегда, не отличали друга от врага. В Ла-Манше или Зунде они останавливали все купеческие суда. Под предлогом, что те якобы везут голландские товары, забирали любую ценную добычу, не обращая внимания на то, под каким флагом шел корабль. Самым известным предводителем корсаров этого периода был Ганс Энгельбрехт, который у берегов Швеции захватил тринадцать голландских кораблей с товарами на сумму тридцать четыре тысячи рейнских гульденов.

В заключение надо сказать, что похождения корсаров Балтийского и Северного морей, и прежде всего, конечно, Клауса Штертебекера, послужили темой для многих песен, баллад, поэтических и прозаических произведений.

В историческом романе Вилли Бределя «Братья-вительеры» (есть русский перевод) Клаус Штертебекер — крестьянский парень, живший недалеко от Висмара.

Наряду с многочисленными драмами и сказаниями о Штертебекере особое место занимает незаконченный роман Теодора Фонтане «Ликеделеры», который, будь он дописан, явился бы, по словам Томаса Манна, «историческим романом большого художественного значения». Посетив несколько раз Мариенхафе, служивший в XIV веке убежищем корсаров, Т. Фонтане в 1895 году приступил к работе над произведением, которое, по словам самого автора, «отличается от всего, написанного мною, и вообще от всей предшествовавшей литературы... Материал с его средневековой морской романтикой, в котором ясно ощутима социал-демократическая струя, влечет меня чрезвычайно».

На поставленный ликеделерами социальный вопрос Фонтане отвечает в заключительной фразе своего романа: «В церкви витает дух Штертебекера, а дух ликеделеров витает надо всем миром».

В XX веке немецкий поэт Курт Бархельс (Куба) написал стихотворную драму «Клаус Штертебекер». Автор рисует жизнь и борьбу ликеделеров как своего рода социальный протест угнетенных. У нас эта баллада известна в переводе Льва Гинзбурга. А крестьяне острова Рюген, посмотрев ее постановку, создали сельхозкооператив «Клаус Штертебекер». Что касается самой пьесы и ее автора, то это, по словам переводчика, баллада, созданная народным певцом,

баллада о вековой борьбе.

И сегодня земляки знаменитого корсара ставшего народным героем, распевают слова баллады:

Штертебекер, Штертебекер,
пробил светлый час!
Нынче справедливыми
называют нас!
Нет ни купца, ни юнкера,
нет даже короля.
Все это наше:
море,
и небо,
и земля!

По сей день в разных местах показывают пещеры, замки и горы, где будто бы скрывался Клаус Штертебекер. На северном побережье Германии существует «подземный ход Штертебекера», «гавань Штертебекера», «пещера Штертебекера», «замок Штертебекера».

РОБЕР СЮРКУФ. ВЫКОРМЫШ «ОСИНОГО ГНЕЗДА»

Городок Сен-Мало на берегу Бискайского залива считается родиной многих французских корсаров. Их английские «коллеги», ненавидевшие французов, своих конкурентов и противников на море, называли этот порт «Осиным гнездом». Одним из тех, кто здесь родился и вырос, был Робер Сюркуф. За это и прозвали его Выкормышем «Осиного гнезда».

Происходил он, как и многие в этом городке, из потомственной семьи моряков. Некоторые из них занимались пиратским промыслом. В том числе его прадед, носивший тоже имя Робер Сюркуф. Разбогатели в пиратских походах и некоторые другие его предки.

Богатые родители хотели дать мальчику приличное образование. Но парень снюхался с городской шпаной, был исключен из семинарии. Оставался

один путь — идти по стопам предков, начать служить на флоте. И уже в 1789 году, когда ему стукнуло тринадцать, Робер стал юнгой на бриге «Эрон», совершавшем каботажные плавания по Бискайскому заливу.

Такая жизнь была ему не по нраву. Хотелось повидать свет, отправиться в какое-нибудь дальнее плавание. Желание его скоро сбылось. В пятнадцать лет он записался добровольцем на корабль «Аврора», где капитаном был знакомый их семьи Тардиве. Курс следования — сказочная Индия.

Однако далеко не сказочной была та цель, которую преследовал капитан Тардиве. Как вскоре выяснилось, это был самый что ни на есть типичный работороговец. Его задача была поставлять живой черный товар с восточного побережья Африки в Индию и на острова в Индийском океане, принадлежавшие Франции, — на Маврикий, Реюньон и другие. То, что в те дни на родине провозгласили лозунг «Свобода, равенство и братство», на «Авроре» никого не волновало. Да и едва ли здесь вообще знали о революционных событиях в Париже. Так что цель плавания оставалась прежней.

В трюмы-тюрьмы загнали четырехста негров, закованных в цепи и предназначенных для плантаций на острове Реюньон, и поплыли. Но произошло несчастье. Разразился страшный шторм. Судно налетело на рифы. Экипажу и пассажирам удалось спастись — они добрались до берега, остальные, то есть негры, погибли. Когда две недели спустя шторм утих и можно было приблизиться к разбитой «Авроре», застрявшей между скал, представилась жуткая картина: трупы в затопленном трюме.

Капитан еще надеялся спасти корабль и отремонтировать его. Целую неделю судно приводили в порядок, трупы выбросили за борт. Но оказалось, что починить «Аврору» не удастся. По мнению капитана, Робер Сюркуф проявил себя с лучшей стороны. В благодарность он назначил его офицером.

Больше года молодой моряк проплавал с капитаном Тардиве, получившим новый корабль — «Реванш». Но настал день, когда он захотел сам стать капитаном, решив, что довольно помогать богачам другим, пора и самому испытать фортуна.

С помощью родственников он купил быстроходный парусник «Креол» и отправился на нем в знакомые ему воды Индийского океана. Шел 1792 год. К этому времени Сюркуф уже знал, что Франция отменила рабство во всех своих

заморских территориях и работорговля объявлена незаконной. Но закон об отмене рабства действовал лишь в метрополии, а в самих колониях все оставалось по-старому. И Сюркуф продолжал заниматься испытанным промыслом, тем более что работорговля по-прежнему приносила огромные деньги.

Но тут вмешались англичане. Англия находилась в состоянии войны с Францией, и посему англичане организовали блокаду французских владений в Индийском океане. Это сильно подорвало торговлю живым товаром. Тогда возмутились плантаторы и потребовали от своих соотечественников активных действий.

Французы начали нападать на английские корабли. В числе французских судов оказался и корабль Сюркуфа. Скоро он понял, что быть корсаром куда выгоднее, чем возиться с «черным сбродом». Но для того чтобы им стать, надо было получить патент. А для этого необходимо внести залог и найти поручителя.

Напомню, что в отличие от пирата — обыкновенного морского разбойника, который мог быть повешен, попади он в плен, корсар не считался преступником, у него была грамота на право нападать на торговые вражеские суда, и если он попадал в плен, то считался военнопленным.

Но Сюркуф не успел осуществить свое намерение. Его арестовали как работорговца. Все говорило против него — и свидетели, и даже запах в трюме судна — следы пребывания на нем большого количества людей. Сюркуф не стал протестовать. Он пригласил полицейского комиссара и его сопровождающих, явившихся с ордером на арест, в каюту, чтобы перекусить. Ничего не подозревая, комиссар согласился. А тем временем на «Креоле» незаметно и без шума подняли паруса и, минуя французский фрегат и пушки береговых батарей, вышли в море.

Когда комиссар сообразил, что он, в сущности, оказался в плену, возмущению его не было предела. Но поняв, что он целиком и полностью во власти этого проклятого негодяя Сюркуфа, стал более сговорчивым. А Сюркуф потребовал от него разорвать заготовленное обвинение в работорговле и составить новое: Сюркуф не задерживал его незаконно на судне, а главное — тщательный досмотр судна доказал несостоятельность обвинений капитана в работорговле. Через неделю Сюркуф отпустил пленников, уверившись в том, что ему гарантировано полное прощение.

После этих событий Сюркуф твердо решил стать корсаром. Для этого,

помимо необходимых залога и поручительства, надо было прежде всего обзавестись быстроходным кораблем. И Сюркуф сменил свой тихоходный «Креол» на «Скромницу» с командой тридцать человек,

Сначала, правда, он не решился признаться матросам в своем намерении стать корсаром, то есть не пиратом-преступником, а как бы действующим по закону в соответствии с грамотой короля о праве нападать на вражеские торговые суда. Но, к его радости, никто не стал возражать, напротив, все поддержали капитана, хотя тогда у него еще не было патента на корсарство.

После этого решили пересечь Индийский океан и идти к острову Суматра, где надеялись хорошо пожить за счет английских торговых судов.

Уже с первых шагов Сюркуф проявил себя как бывалый корсар: он действовал отважно и хитро, был безжалостен к побежденным. Ему удалось захватить несколько английских кораблей, направлявшихся в Индию, взял он и голландский корабль с грузом риса, перца, сахара и слитками золота. Все члены его команды по закону о корсарстве имели право на долю в добыче. За это сравнительно недолгое время сколотил приличное состояние и Сюркуф. Ему был всего двадцать один год, а стоимость его добычи исчислялась уже двумястами фунтами стерлингов. Но ему этого явно было недостаточно. Он задумал плыть на север к устью Ганга.

На пути к Калькутте удалось перехватить два торговых судна и бриг. Чтобы захватить бриг, Сюркуф пошел на хитрость, на что был вообще великим мастером. Случалось он делал вид, что его судно терпит бедствие, и т. п.

На этот раз он поднял английский флаг и спокойно подошел к каравану. Когда до брига оставалось несколько метров, с корабля Сюркуфа дали залп. Этого оказалось достаточно, чтобы весь караван тотчас сдался. Бриг был новым, крепким судном, и Сюркуф перенес на него пушки, решив дальше плыть на нем. Быстроходные качества нового судна скорогодились, когда пришлось догонять и брать на абордаж большой корабль «Диана» с грузом риса. А буквально на другой день Сюркуф увидел огромное судно «Тритон», вооруженное двадцатью шестью пушками.

И снова Сюркуфу повезло. На «Тритоне» сразу узнали бриг и, ничего не подозревая, сигналами предложили подойти ближе, чтобы узнать новости. Стояла жаркая погода, и команда «Тритона» пряталась от солнца в каютах. Подойдя к

нему, двадцать человек перепрыгнули на палубу англичанина, обезоружили вахтенных и захлопнули люки, ведущие вниз, где находилась команда. Сто пятьдесят матросов попали в плен. Было захвачено много ценного груза. После столь удачных операций Сюркуф решил не искушать дальше судьбу и вернуться на Реюньон.

Когда он вошел в порт, его ждал сюрприз. Губернатор заявил, что все трофеи — корабли и груз — конфискуются в пользу правительства Франции, так как Сюркуф не имеет патента, то есть не является официально корсаром. Если же вздумает жаловаться, то вообще будет арестован и его осудят как пирата.

Но не таков был Сюркуф, чтобы безропотно подчиниться, а главное, смириться с потерей трофеев. Упорный и настырный, когда дело касалось денег, Сюркуф на первом же корабле, отправлявшемся во Францию, покидает остров, намереваясь искать справедливости в столице.

Прибыв в родной Сен-Мало, он не тратил времени на сентиментальные воспоминания, а сел в почтовый дилижанс и помчался в Париж. Напомню, что события, о которых идет речь, происходили в 1796 году во времена Директории. Здесь его встретили как триумфатора. Еще бы, он, можно сказать, явился кредитором нации. Его трофеи и обещания еще больших прибылей в будущем произвели сильное впечатление.

Когда же он посулил казначейству отдавать две трети добычи, ему без разговоров вручили патент на корсарство. К тому же присудили двадцать семь тысяч ливров из стоимости захваченных им товаров. Были награждены и другие участники экспедиции. Правда, все это произошло после судебного разбирательства, на котором, собственно, и настаивал упорный Сюркуф.

А пока шел судебный процесс, отважный моряк влюбился в дочь богача арматора, прекрасную Мари-Катрин Блез. Однако до свадьбы дело не дошло. Сначала он должен был, по настоянию папаша возлюбленной, сколотить себе приличное состояние. Сделать это он мог только одним способом — отправиться в поход за деньгами в море.

Сюркуф покинул Францию на «Клариссе», специально построенной как корсарский корабль. Это было очень быстроходное судно с четырнадцатью пушками и ста сорока членами команды — опытными и отчаянными моряками. С такими ребятами можно было хорошо послужить республике в качестве корсара.

Но первая же стычка с английским кораблем у берегов Африки не принесла желанной добычи. Англичанин оказался хорошо вооружен, и артиллерийская дуэль с ним кончилась для «Клариссы» потерей фок-мачты. Пришлось уходить. Курс взяли к берегам Бразилии. По пути захватили небольшой бриг. Его со своими людьми Сюркуф отправил во Францию, вручив им два послания: одно о том, что дела его идут хорошо, другое — возлюбленной с признаниями в любви.

Через год Сюркуф снова объявился у берегов Суматры, наводя страх на английских капитанов. Они знали, что встреча с этим корсаром не сулит ничего хорошего.

Соратник Сюркуфа по разбою, некто Луи Гарнере, сам художник, оставил нам такой словесный портрет своего главаря. По его словам, это был тщеславный и властный человек, в то же время умный и даже чем-то привлекательный. Рост — метр восемьдесят, телосложение мощное, лицо круглое, покрытое веснушками. Глаза маленькие, хищные, губы тонкие, нос слегка приплюснутый. Нельзя было не обратить внимание на белые зубы, когда он улыбался. Матросы любили его, хотя он и требовал на борту железной дисциплины. Луи Гарнере оставил книгу воспоминаний, в которой приводит, в частности, такой эпизод из корсарской войны тех лет.

Утром 7 августа 1800 года матрос, сидевший в «вороньем гнезде» — бочке на фок-мачте, сообщил, что впереди по левому борту видно судно. На вопрос, большой ли это корабль, последовал ответ: «Очень большой!»

Глаза Сюркуфа загорелись, предчувствуя богатую добычу. Через подзорную трубу он всматривался в неизвестный корабль. Вскоре уже знал, что это «Кент» (1500 т) с тридцатью восемью пушками. У «Мысли», на которой плыл Сюркуф, — всего двенадцать. Силы мало сказать неравные, только безумец способен лезть на рожон. Но матросы Сюркуфа, повинувшись боевому кличу своего капитана «На abordаж!», полезли на этот самый «рожон», который предстал перед ними в виде заманчивого богатого приза. Вот как проходил этот бой по описанию Гарнере.

После того как отдан был приказ «Боевая тревога», а за ним — «К бою!», началось сближение с противником. Происходило это медленно. Тем временем на палубе шла подготовка к сражению. У бортового ограждения укладывали мешки

и гамаки, чтобы погасить скорость картечи, к пушкам подносили ядра и мешки с пороховым зарядом, ведра наполняли водой на случай пожара и т. д. Хирург готовил свой сундучок с инструментами. Матросы надевали чистое белье и ждали. Наконец, корабли приблизились на такую дистанцию, что можно рассмотреть пушки англичанина — двадцать шесть по борту, двенадцать на палубе.

Сюркуф обратился к команде: «Друзья, это судно принадлежит Ост-Индской компании. Немного усилий — и миллионы наши!»

Для храбрости всем раздали по чарке рома.

Англичанин, как истинный британец, вежливо осведомился: «Кто вы?» Произошло это с помощью пушечного выстрела. Отвечать рано, надо выиграть еще немного времени и подойти как можно ближе. Когда до махины англичанина осталось совсем ничего, Сюркуф набросился на него с яростной руганью. В ответ «Кент» огрызнулся всеми своими орудиями. К счастью, ядра пролетели мимо. На «Мысли» подняли французский флаг и только теперь дали выстрел из пушки. Таков, можно сказать, ритуал, как у фехтовальщиков перед боем.

На борту корабля Сюркуфа всем было ясно, что пушечная дуэль не в их пользу. Поэтому оставалось одно: победить в рукопашной, то есть отважиться на abordage. Нижние реи «Мысли» использовались как мостики для перехода на более высокую палубу «Кента». Предварительно, до того как началась схватка с топорами и саблями в руках, палубу «Кента» забросали гранатами. Стрелки, или, как мы бы сегодня сказали — снайперы, сидевшие на марсах, начинали палить по всем, одетым в яркую офицерскую форму. Затем в дело вступили пикейщики, их задача особая — с помощью пик не пускать обратно тех, кто испугался рукопашного боя. Своего рода заградотряд.

Корабли сблизилась настолько, что можно было различить на корме этого громадного судна «грациозную группу очаровательных молодых женщин в элегантных нарядах, которые спокойно из-под зонтиков смотрели на нас, словно мы не заслуживали ничего, кроме любопытства».

Надо здесь заметить, что суда английской компании нередко перевозили пассажиров из метрополии, то есть из Англии в Индию и обратно. Риск, конечно, всегда был — судно могло погибнуть во время бури или подвергнуться нападению пиратов. Что и произошло. Но пассажиры «Кента», похоже, несколько

не тревожились за свою судьбу. А капитан и команда были уверены в превосходстве над каким-то ничтожным корабликом. В случае, если он осмелится напасть, его ждет неминуемая гибель.

Но не таков был Сюркуф, чтобы уйти ни с чем, Он не дал противнику времени опомниться. Зашел с подветренной стороны англичанина, чтобы оказаться у наклоненного к морю борта. Маневр удался. Англичанин, поняв, что к чему, пытался сменить галс, но Сюркуф совершил новый маневр и пристал к «Кенту» с подветренной стороны кормовой частью правого борта.

«Кент» открыл огонь, но было слишком поздно. И хотя залпом снесло брам-стенгу «Мысли», но корпус судна не был поврежден. А дальше произошло вот что.

«Мысль» вошла в клинч с бортом «Кента», и англичане подумали, что французский парусник, поврежденный залпом, находится в бедственном положении и готов вот-вот сдаться. Все на борту «Кента» с любопытством ждали, что будет дальше. Неожиданно для всех на английском судне появились французы, словно черти из преисподней. В руках у них топоры, сабли, кинжалы, пистолеты.

Описывая бой, Гарнере использует выражение «грандиозная битва». Капитан «Кента» погиб, и многие из экипажа поплатились жизнями, но защитников «Кента» не убавлялось. Сюркуф даже воскликнул: «Черт возьми, они, похоже, воскресают». Позже Сюркуф узнал причину этого «воскрешения»: на борту «Кента», кроме экипажа, находилось еще двести пятьдесят моряков, снятых с горевшего британского судна. Но, несмотря на явное численное превосходство англичан, корсары одержали, верх и «Кент» спустил флаг. Два часа Сюркуф отвел команде на то, чтобы ограбить судно (получить так называемую долю дьявола). После чего восстановил порядок, приказал оставить дам, которые заперлись в каютах, в покое. И головорезы, хотя и опьяненные грабежом, тотчас подчинились своему капитану. Всем был известен его крутой нрав, и никто не желал попасть под его горячую руку.

Не знал об этом лишь губернатор Порт-Луи — столицы Маврикия, куда Сюркуф поспешил после столь удачной охоты. Ничтоже сумняшеся он потребовал, чтобы корсар передал ему слитки и бочки с золотым порошком, которые были захвачены на «Кенте». Ведь все это теперь — достояние

Французской республики. Корсар не стал спорить. Он просто заявил, что если это золото не достанется ему и его людям, то оно не достанется никому! И приказал выбросить слитки и бочки за борт. Впрочем, подтверждения этому факту ни в документах, ни в воспоминаниях участников этого события нет. Ничего не сообщает об этом и Гарнере. Как неизвестно и то, достал ли потом корсар со дна моря золото «Кента».

Встреча с Наполеоном

В следующем году Сюркуф снова крейсировал у берегов Суматры. Захватил несколько английских судов, попутно взял датский и португальский корабли с грузом пряностей, которые так ценились в Европе. Затем вернулся в Бенгальский залив, полагая, что англичане не станут искать его тут, около самой Калькутты, думая, что он находится где-то восточнее.

Однако его таки выследил английский фрегат «Сибилла». Началась погоня. Чтобы облегчить свою «Клариссу» и уйти от англичанина, Сюркуф приказал выбросить за борт пушки и ядра. И ему удалось оторваться от неприятеля. Правда, помогла и наступившая ночь. А утром, когда ушли от погони, корсары вернулись на старое место. Сюркуф будто чуял, что тут будет еще чем поживиться. Не учуял он другого — опасности, которая все еще сохранялась.

Итак, поутру, вернувшись на прежнее место, Сюркуф увидел паруса торгового судна. Отдал приказ догнать его. На корабле подняли американский флаг, а, как известно, молодая Америка была тогда союзницей Франции. Но Сюркуф рассудил так: раз судно идет в Калькутту, значит, торгует с англичанами. Последовали предупредительный выстрел с «Клариссы» и приказ готовиться к abordажу. Американец покорно спустил паруса. На «Клариссе» возрадовались — добыча без сопротивления сама шла в руки. Но оказалось, что радоваться было рано.

«Сибилла», от которой, казалось, спаслись, не успела далеко уйти. На ней слышали выстрел, разнесшийся по воде, и поняли, что корсар где-то рядом и готовится к нападению. «Сибилла» бросилась на выстрел. Когда Сюркуф увидел ее паруса, он предпочел вновь спастись бегством, бросив так и не общипанного

им американца. Это случилось в последние дни 1799 года. А уже первого числа нового, 1800 года Сюркуф предпринял новый дерзкий набег.

Из Калькутты в Бомбей следовало английское судно «Джейн». Но в одиночку оно не решилось идти, зная, что в этом районе разбойничает французский корсар. «Джейн» присоединилась к двум другим крупным кораблям, следовавшим тем же курсом. В устье Ганга англичане узнали от капитана американского корабля о том, как он только что чудом спасся. Днем встретили «Сибиллу» — она продолжала поиски Сюркуфа. На рассвете капитан «Джейн» заметил, что его корабль отстал от двух других. Но его это не беспокоило. Ведь он находился в поле их видимости. И тут показался незнакомый парус.

Неизвестный корабль осторожно приближался. Это была «Кларисса». Сюркуф, словно хищник, нацелился на отставшую добычу. Но капитан «Джейн» успел выстрелом из пушки предупредить ушедших вперед. Однако те почему-то не отреагировали и продолжали путь. Так «Джейн» оказалась один на один с корсаром. На ней, смешно сказать, была всего одна маленькая пушка. Бой был явно неравный. Когда на «Джейн» кончились ядра, начали стрелять зарядами из мушкетных пуль. В конце концов Сюркуф захватил судно. Причем все происходило, можно сказать, на глазах двух других английских кораблей. Но они по непонятной причине не пришли на помощь «Джейн». Когда Сюркуф, удивленный этим, спросил у пленного капитана, почему те корабли остались в стороне и не приняли участие в бою, он лишь пожал плечами. А Сюркуф гневно воскликнул: «Если бы они попались мне в руки, я бы повесил их за предательство».

После этого боя Сюркуф решил больше не искушать судьбу и идти к Реюньону. Он пересек Индийский океан, по пути захватив пару кораблей, и спокойно вернулся со своими призами домой. Здесь выяснилось, что «Кларисса» требует серьезного ремонта. Ее пришлось оставить.

Найти новый корабль проблемы не составляло. Судовладельцы, рассчитывая на долю богатой добычи, наперебой предлагали удачливому корсару свои корабли.

Сюркуф выбрал корабль «Уверенность» с командой сто человек. Несколько перестроив судно, а точнее — усовершенствовав его, оснастив современным навигационным оборудованием и такелажем, Сюркуф снова вышел

в море. Курс он держал в этот раз к берегам Цейлона. Экспедиция прошла успешно. Было захвачено немало судов, добыча досталась богатая. Английские газеты публиковали страшные рассказы о зверствах французского корсара, хотя в большинстве это были выдумки журналистов.

Вернувшись на Реюньон, Сюркуф первым делом распродал свою часть добычи. Теперь, решил он, можно возвращаться во Францию, где его ждала невеста. На «Уверенности» Сюркуф доплыл до Сен-Мало, где и состоялась их свадьба. К тому времени капитал корсара равнялся двум миллионам франков. Мало того, ему присвоили офицерское звание. Дальше, как говорится, больше. В Париже, куда его вызвали, он был удостоен аудиенции первого консула Наполеона Бонапарта, вскоре провозгласившего себя императором Франции. Наполеон предложил Сюркуфу чин капитана первого ранга и командование морскими силами в Бенгальском заливе, но с подчинением адмиралу Линуа, возглавлявшему французский флот в Индийском океане. Корсар поблагодарил за честь, но отказался. Одна из причин состояла в том, что он был невысокого мнения об адмирале как о моряке.

Маленький Наполеон с любопытством рассматривал громадного Сюркуфа. Затем спросил, как лучше вести войну на море. На что Сюркуф ответил:

— Вы требуете от меня, генерал, серьезного ответа. Ллойд (страховая компания морских судов. — *Р. Б.*) позволяет мне вынести такое суждение — Англия с 1795 по 1797 год потеряла на 180 судов больше, чем мы. Я считаю, что после разгрома наших эскадр только корсары склонили чашу весов в нашу пользу. За последние шесть лет добыча англичан росла в прежней пропорции, а мы стали добывать втрое больше. Посчитайте, во что обошлось Англии французское корсарство, и вы поймете, что корсары отомстили за поражение при Абукире.

— Какое же заключение вы делаете из этих фактов? — спросил Наполеон.

— Выпади мне честь стать во главе правительства Франции, я оставил бы линейные суда в портах, избегая столкновения с британскими флотами и эскадрами, а выпустил бы в море множество фрегатов и легких кораблей, которые быстро покончили бы с английской морской торговлей. Англия живет лишь своей торговлей, и именно здесь ее уязвимое место.

Наполеон задумался, а потом сказал:

— Вы сообщили мне серьезные вещи. Наверное, вы правы, поскольку цифры подтверждают ваш вывод. Но я не могу пойти на уничтожение военного флота Франции. Продолжайте служить родине, как делали это до сих пор.

Так расстались будущий император Франции и отважный корсар. Он не внял тогда совету Наполеона и предпочел на время отсидеться на суше. Стал арматором в Сен-Мало, финансировал строительство кораблей, которые охотились за англичанами на всех морях. Состояние его росло и по тем временам считалось огромным. Но одних денег Сюркуфу для счастья было мало.

В начале 1807 года неугомонный Сюркуф решает снова попытаться счастья на поприще корсарства. Он отбирает лучших моряков, тренирует их по несколько часов на день — учит стрелять из пистолетов, драться на шпагах и саблях. Нанял даже специальных инструкторов, обучавших корсарскому ремеслу его матросов и, главное, брать корабли на abordaj.

Наконец Сюркуф вышел в море на «Призраке», специально построенном судне. На носу была изображена фигура человека, который выбирается из могилы и как бы распахивает саван. Название корабля и фигура, символ самого Сюркуфа, означали, что корсар возвращается в Индийский океан, где он уже блистал раньше. И снова опытный капитан, хотя от роду ему было всего тридцать пять лет, наводит ужас на английских моряков.

К 1807 году Сюркуф снова в Порт-Луи, он чувствовал потребность в отдыхе и хотел вернуться во Францию. О том, какой урон он нанес англичанам в этот раз, свидетельствует докладная записка калькуттских торговцев английскому Адмиралтейству от 10 декабря 1807 года, в которой записано, что страховые компании были вынуждены уплатить владельцам английских кораблей, пострадавших от корсаров, триста тысяч фунтов стерлингов.

Вскоре Сюркуф осуществил свое желание и вернулся во Францию. Правда, перед отъездом у него в который раз произошел инцидент с губернатором Порт-Луи. Тот навязал Сюркуфу взять на борт судна, на котором он собирался плыть во Францию, целую ватагу пленных португальцев. Сюркуф резонно заявил, что с такими пассажирами корабль скорее всего попадет в Лиссабон, а не во Францию. А сам Сюркуф и его офицеры окажутся за бортом.

Но губернатор и слушать ничего не захотел. Он заявил, что это приказ. И пригрозил в случае неподчинения наложить арест на имущество Сюркуфа на

острове Маврикий. Сюркуф, казалось, подчинился. А когда вышел из бухты в сопровождении лоцманского судна, навел на него орудия своего корабля и, угрожая, приказал принять на борт этих самых португальцев. Дальнейшее путешествие обошлось без приключений. И через год Сюркуф благополучно доплыл до Сен-Мало.

Но о действиях губернатора он решил все же доложить самому военноморскому министру. Адмирал Декрес принял прославленного корсара, однако заявил, что не в его компетенции решать вопрос, относящийся скорее к налоговому ведомству. И предложил устроить аудиенцию у императора. Наполеон сердечно встретил старого знакомого, поздравил с победами и выслушал его жалобу. Однако отказался от каких-либо санкций против губернатора. Чтобы как-то подсластить пилюлю, император в конце разговора вновь выразил Сюркуфу свое уважение и заявил, что посвящает его в кавалеры ордена Почетного легиона. Этой награды, недавно лишь учрежденной, были к тому моменту удостоены немногие. Сюркуф стал одним из первых. К тому же награждение этим орденом предусматривало еще и денежную премию.

Позже Сюркуф стал бароном, он жил в Сен-Мало и больше никогда не покидал берег. Впрочем, это не значит, что он не имел отношения к корсарскому промыслу. Напротив, за свой счет создал целую флотилию из девятнадцати кораблей, которые совершали пиратские рейды. Иначе говоря, он стал богатым арматором, зарабатывающим немало денег как судовладелец.

Умер Сюркуф в своем замке недалеко от родного Сен-Мало, города, который тогда никто уже не называл «Осиным гнездом». У него было пятеро детей и огромное состояние. О его карьере корсара и источнике его богатства к тому времени предпочитали не вспоминать.

ПЬЕР ЛЕГРАН,

или ТАЙНА СТАРОЙ МУЛАТКИ

Куда только не заносила переменчивая судьба иных пиратов! Они колесили, а точнее — плавали по морям на юге и севере, западе и востоке. Следы их можно обнаружить в книгах, написанных современниками, или в их собственных сочинениях-отчетах о дерзких набегах и разбоях. К таким книгам

относятся, как мы знаем, дневники Дампьера, Роджерса и др. Некоторых из них, в частности Леграна удостоили своим вниманием художники.

Портрет его был обнаружен не в лондонской галерее и не в парижском Лувре, а в Ульяновском художественном музее. По описи он числился как «Портрет молодого вельможи». Но вот при реставрации в правом верхнем углу картины обнаружили надпись: «Pierre le Grand».

Автором портрета был художник Никола Ларжильер, живший в 1656—1746 годах. В то же приблизительно время разбойничал на море и корсар Пьер Легран. В 1788 году в Париже издали книгу под названием «Морская летопись», где были, как говорится, свежим следам, описаны его похождения.

Примерно в 1665 году на острове Тортуга, что в Карибском море, продолжали базироваться пираты. Частым гостем здесь был и Пьер Легран, нормандец из Дьеппа. К тому времени это был уже опытный капитан, отважный мореход и солдат, прошедший выучку у пиратов. У него было собственное судно — небольшой парусник с экипажем из двадцати восьми человек.

Обычно он действовал так: притаившись где-нибудь в неприметной бухте, выжидал, пока не появится испанское торговое судно. Или крейсировал у побережья Кубы, высматривая, как коршун, свою добычу. Если же необходимо было пополнить запасы продовольствия, то нападал на прибрежные деревни и брал все, что там можно было найти из съестного.

Так однажды, рыская по морю в поисках добычи, он доплыл до западного побережья Кубы. В этот момент на горизонте показались корабли. Один из них отстал от остальных. Легран подозвал своего опытного помощника Тома и спросил:

— Посмотри, ведь это вооруженные галионы, они везут золото из Вера-Крус. Не так ли? И последний из них едва поспевает за остальными. Разве это не добыча для таких, как мы, готовых на все?

Том не понял, шутит или говорит всерьез его капитан. Он ответил:

— Ни один корсар еще не нападал на такой корабль.

— Тогда я буду первым, — вскричал Легран. — Шесть недель мы сидим без хлеба и вина. Положение наше хуже не бывает, а души мы и так продали дьяволу. Вот пусть и выручает нас теперь. Сзывай всех наверх! — приказал капитан.

Когда команда собралась на палубе, Легран обратился к ней с речью:

— Судьба покинула нас, друзья. Но смелые и отважные часто творят чудеса. На галионе, который вы видите впереди, более сотни матросов. Это значит, что на каждого из нас придется по четыре испанца, и не калек и трусов, а бойцов. При таком раскладе сил нам ничего не остается, как действовать хитростью и застать их врасплох. Испанцам и в голову не придет, что мы намерены атаковать. Еще не было такого случая, чтобы джентльмены удачи в одиночку напали бы на военный корабль, к тому же идущий в караване. Предлагаю хорошенько обдумать мое предложение. К утру мы все можем стать богачами. Решайте, друзья!

Пока те совещались, Легран прогуливался по палубе в ожидании их решения. Вскоре ему доложили, что команда единогласно одобрила план и готова выполнить любое приказание своего капитана.

Тогда Легран велел продырявить днища спасательных шлюпок — он был уверен в успехе и полагал, что они не понадобятся. Он не намерен был отступить. Более того, даже предложил потопить собственный корабль, дабы никто не сомневался в его действиях. Корсары поклялись сражаться не на жизнь, а на смерть.

Два часа спустя они незаметно подошли к испанскому галиону и вскарабкались на его борт. Оглянувшись, увидели, как их собственный корабль погружается в пучину. Легран приказал просверлить отверстия в его днище. Теперь действительно оставалось лишь одно: умереть или победить.

Незаметно подкравшись к вахтенному и рулевому и тихо ликвидировав их, они захватили верхнюю палубу. Тем временем Легран осторожно подошел к иллюминатору офицерской каюты. Он увидел, что капитан и трое офицеров сидят за столом и при свете свечи играют в карты. «С этими проблем не будет», — подумал Легран и шепотом приказал:

— Том, отбери пятнадцать смельчаков и валяй быстро вниз, под палубу! Надо врасплох захватить спящий экипаж. Кто вздумает сопротивляться, кончайте на месте — остальным неповадно будет, и они сдадутся. Со мною пойдут четверо — Оней, Рен, Андре и юнга. Остальным — обыскать все помещения.

Легран и четверо его людей ворвались в капитанскую каюту. Офицеры от неожиданности не двинулись с места и не проронили ни слова.

Сдавайтесь! — прокричал Легран. — Иначе я буду стрелять.

В этот момент из-под палубы раздалось несколько выстрелов. Ясно было, что в Помещении для экипажа происходила схватка. Это вывело офицеров из оцепенения. Они было бросились к оружию, но это стоило им жизни. Легран слов на ветер не бросал.

Между тем внизу схватка продолжалась, испанцы пришли в себя и яростно сопротивлялись. Легран со своими людьми бросился на подмогу, и это решило исход схватки. Испанцы сдались.

Никогда еще, пожалуй, не доставалось такое богатство джентльменам удачи. Поистине это была удача! Никому никогда из них за всю жизнь не приходилось видеть столько золота — шесть полных ящиков — и еще ящики с драгоценными камнями. Сокровищ этих хватило бы, чтобы обеспечить зажиточную жизнь всей команде до конца дней.

По обычаю победителей на корабле началась пьяная оргия, благо вина на нем оказалось вдоволь. Сам Легран никогда не пил, однако понимал, что после боя отказать в вине — значило вызвать ярость.

...Прошло несколько лет. Видимо, все годы Легран продолжал разбойничать, только переменил район своих действий. С некоторых пор он объявился в Индийском океане

Однажды высадились французские корсары во главе с Леграном на принадлежавший голландцам остров Маврикий. Губернатор Ван Бринк сдался и за это получил право покинуть остров, захватив свое имущество. Его дочь Анита оказалась на борту корабля «Кураж», который принадлежал Леграну. То ли ее силой привели на борт, то ли сама согласилась — неизвестно. Но так или иначе юная красавица попала в логово корсара. И здесь сообщила ему тайну, которую знала лишь она одна.

Рассказала о том, что когда-то узнала от своей

кормилицы, которая была дочерью мулатки. Так вот эта самая мулатка поведала дочери о том, что на острове зарыты несметные сокровища. Один старый пират, умирая, открыл мулатке, которая за ним ухаживала, тайну спрятанных сокровищ и передал план с указанием места и условных знаков на тайнике. Мулатка давно умерла, ее дочь тоже. Теперь тайной владеет одна Анита. С помощью Леграна она надеялась отыскать клад, что и предложила ему сделать.

Первая же их попытка увенчалась успехом. Из тайника извлекли сундук, полный золотых монет. Это только часть, уверяла Анита. Главное сокровище зарыто на горе Вершина Открытия, где когда-то располагались лагерь пираты. Но к этому тайнику им так и не удалось добраться. Двоим было не под силу ворочать огромные валуны, расчищая завалы на пути к сокровищу. Да и времени у них не было. На корабле могли спохватиться, куда это запропастилась парочка, и отправиться на поиски. В общем, прихватив то, что удалось раскопать, Легран и Анита вернулись на корабль и вышли в море.

Но о таинственных поисках на горе Вершина Открытия (теперь — гора Питер-Бот) тем не менее стало известно. И еще в XIX веке находились отчаянные головы, пытавшиеся отыскать пиратский клад. Увы, все усилия оказались тщетными, хотя перекопали чуть ли не каждую пядь.

Известно, что Легран после этого вернулся в родной Дьепп, где жил до конца дней как богатый и всеми уважаемый гражданин. Про Аниту сведений не сохранилось.

Возможно, именно тогда художник Никола Ларжильер и нарисовал портрет Пьера Леграна, который неисповедимыми путями оказался в России.

ПОЛ ДЖОНС. КОРСАР СВОБОДЫ

Таинственный лоцман

Он появился неожиданно — загадочный, странный, до подбородка облаченный в грубый коричневый камзол, прикрывая лицо широкими полями шляпы. Немногословный, спокойный и невозмутимый при самых, казалось бы, невероятных обстоятельствах — таким предстает перед нами главный герой романа Д.-Ф. Купера «Лоцман».

Никто толком не знал даже, как его зовут. Называли мистером Грэм, но это явно вымышленное имя. Грэй — значит серый, неприметный, каких много. Не это ли и хотел подчеркнуть незнакомец, назвав себя так. Он поднимался на борт фрегата, чтобы вывести судно из крайне опасного положения, в котором оно оказалось. Только он, исключительно опытный лоцман, мог провести корабль сквозь рифы и буруны пролива со зловещим названием Чертовы Клещи. И мистер

Грэй, этот незаметный и на первый взгляд скромный моряк, на удивление всем совершал невозможное. Ему удавалось в темноте провести корабль при яростном норд-осте и штормовых волнах, счастливо избежав мелей и скал.

Даже опытные и выдавшие виды моряки поражались искусству таинственного лоцмана. Их восторг и благодарность выразил молодой лейтенант Гриффит, воскликнув: «Нет во всем мире моряка, равного вам».

С этого момента лоцман провел на борту фрегата всего пять суток. Но сколько событий произошло за этот небольшой срок!

Два корабля — фрегат и шхуна «Ариэль», — принадлежавшие молодому флоту восставших английских колоний в Северной Америке, совершили смелый и дерзкий рейд у берегов Англии. Здесь американских моряков считали мятежниками и называли пиратами.

В схватках, при высадке на берег, одни из моряков погибли, другие, счастливо избежав плена и, казалось бы, неминуемой смерти, продолжали сражаться. Разбушевавшаяся морская пучина поглотила расстрелянную неприятелем почти в упор шхуну «Ариэль». Место ее занял тендер «Быстрый», захваченный у англичан, и отчаянный рейд у британских берегов продолжился.

Словом, происходит масса самых невероятных и увлекательных приключений с героями Купера. Но главный из них — лоцман, так и остался таинственной, неразгаданной личностью. И когда он в конце повествования покинул под любопытными взглядами матросов американский фрегат, никто из них так и не смог сказать о нем что-либо определенное, кроме того, что это бесстрашный человек.

Моряки толковали о его странном появлении при набеге на берега Британии и о его не менее странном исчезновении в штормовых просторах. Он оставил корабль и в маленькой шлюпке под парусом ушел в сторону открытого моря...

Последние слова Гриффита о том, что он обещал хранить в тайне имя лоцмана при жизни и что после смерти моряка должен держать слово, только разжигают наше любопытство.

Однако действительно ли этот персонаж столь загадочен? Не является ли он историческим лицом? Нельзя ли в тексте романа найти намеки на жизненные истоки этого персонажа?

Перелистаем страницы куперовского повествования и попробуем обнаружить интересующие нас сведения о «мистере Грэе».

Прежде всего возможно ли установить, когда происходит действие романа Купера?

Судя по косвенным данным, события, описанные в книге, относятся к 1780 или 1781 году. В тексте упоминается граф Корнваллийский — командующий английскими войсками на юге Соединенных Штатов. Известно, что пост этот он занимал именно в эти годы, вплоть до капитуляции в октябре 1781 года.

Поражение англичан в борьбе с «мятежниками» привело к падению правительства и чуть было не лишило престола короля Георга III. Мирный договор с молодыми Соединенными Штатами, завоевавшими независимость в долгой и упорной борьбе, был подписан в сентябре 1783 года. Таким образом, события, описанные Купером, следует отнести к завершающему периоду борьбы за независимость США.

Кстати говоря, время действия романа помогают уточнить и упомянутые в тексте волнения в Лондоне, известные под названием «бунт лорда Гордона». Так вот, бунт этот случился в июне 1780 года.

Определив время действия, обратим внимание на другие факты повествования Купера, которые, возможно, помогут раскрыть загадку лоцмана.

И прежде всего вспомним, что еще в самом начале капитан Мансон узнает лоцмана, несмотря на то что тот очень изменился, «чтобы враги не могли узнать его и друзья тоже, — как говорит он сам, — пока не пробьет нужный час». Этого, конечно, недостаточно для разгадки, но вот встреча лоцмана в тюрьме аббатства святой Руфи с Элис Данскомб — дочерью почтенного пастора — кое-что проясняет.

Мы узнаем, что эта уроженка суровой Шотландии — землячка лоцмана — была когда-то возлюбленной «мистера Грэя», которого теперь она называла Джоном. Впрочем, произнести громко это имя она не смела, так как лоцмана тут же разоблачили бы и «наказали за дерзость». Что имела в виду бывшая его возлюбленная? Из ответа лоцмана это неясно.

На ее предостережение моряк отвечал, что имя его англичане не раз произносили с нелюбовью и бежали в страхе от человека, который был жертвой их несправедливости. Однако дальше, во время встречи с девушкой, лоцман

произнес фразу о том, что он «гордо поднял знамя новой республики на виду у трех королевств».

Это уже вполне определенный намек, который может помочь нам в попытке раскрыть тайну куперовского лоцмана. Причем лоцман не раз упоминал об этом событии, ибо явно гордился тем, что был удостоен чести первым поднять стяг Соединенных Штатов на мачте корабля молодой республики. «Если вы не забыли день, когда впервые на ветру затрепетал флаг, — говорил он капитану Мансону, — то вы, вероятно, вспомните и руку, поднявшую его».

Попробуем и мы воспользоваться предложением куперовского героя и обратимся к истории флота Соединенных Штатов.

Принято считать, что американский регулярный флот родился 3 декабря 1775 года. В этот день на мачте бывшего торгового парусника «Алфред», наспех перестроенного под военное судно, взвился флаг ставших свободными колоний.

Правда, в то время еще не был учрежден звездно-полосатый флаг США и пришлось воспользоваться английским с красным крестом на белом фоне, перечеркнув его двумя полосами, символизируя тем самым борьбу против тирании. Честь поднять этот флаг была предоставлена Джону Полу Джонсу.

Но имеет ли какое-то отношение этот американец к герою Купера? Оказывается, имеет и самое непосредственное. Ведь Джон Пол Джонс никакой не американец, а шотландец, лишь поступивший на службу к восставшим колонистам, как и лоцман, являвшийся уроженцем тех прибрежных мест Англии, где разворачивается действие романа.

Это, так сказать, первое совпадение. Теперь вспомним, каким именем называет лоцмана его возлюбленная: Джоном. Если и этого недостаточно, тогда давайте определим, когда родился герой Купера. В тексте говорится, что ему тридцать три года. Если считать, что действие романа относится к 1780 году, то, следовательно, куперовский герой появился на свет в 1747 году. Но ведь это и год рождения Джона Пола Джонса!

И наконец, эти неоднократные упоминания лоцмана о поднятии им стяга молодой республики. Причем неточность здесь может быть только одного рода. Либо Купер имеет в виду самый первый торжественный момент, когда на мачте «Алфреда» взвился перечеркнутый «Гренд Юнион» — американский флаг свободных колоний; либо речь идет уже о новом государственном флаге США,

учрежденном североамериканским Конгрессом и поднятым тем же Джоном Поллом Джонсом на корвете «Скиталец».

На этом новом знамени тогда можно было насчитать тринадцать звезд — по количеству существовавших в тот момент штатов.

Интересно, что постановление Конгресса о новом флаге и назначение Джонса на «Скиталец» были приняты в один день — 14 июня 1777 года. Мало того, оба постановления оказались напечатанными рядом на одной странице, что дало повод Джонсу в шутку называть себя и американский флаг близнецами, появившимися на свет в один день и час.

Таким образом, можно сказать, что куперовский таинственный лоцман образ не вымышленный, а вполне реальная историческая личность, только действующая как бы безымянно, «зашифрованно». Выбор писателем прототипа не покажется странным, если иметь в виду его отношение к героическому прошлому своей родины. Купер, преклонявшийся перед истинными героями борьбы за независимость Америки, вывел одного из них в этом своем романе так же, скажем, как и в его «Шпионе», «Осаде Бастона» и других книгах, где действуют тоже подлинные исторические персонажи.

Теперь, зная, кто послужил Куперу историческим прототипом его героя, сопоставим сведения о лоцмане в книге с биографией Джона Пола Джонса. И вновь убедимся в том, что в основе романа Купера лежат подлинные события.

Есть случай отличиться!

Отец его был садовником и служил в шотландском поместье у графа Селькирка, где и родился будущий моряк. Сухопутное существование не привлекало сына садовника. Идти по стопам отца, копать в земле, окучивать, пересаживать, поливать, подстригать — все это было ему неинтересно. С юных лет он мечтал о море. Его желание сбылось, когда ему едва минуло тринадцать лет.

Юнга королевского флота Джон Пол начал проходить морскую школу. Он был, несомненно, способным учеником. И вот в семнадцать лет он уже третий помощник капитана на «Короле Георге». А два года спустя молодой моряк поднялся на борт бригантины «Два друга» в качестве первого помощника. Однако

служба на этих судах — не самая лучшая страница в биографии Джона Пола. Оба корабля принадлежали работорговцам и занимались перевозкой «живого товара». Правда, к чести Джона Пола, ему скоро опротивела роль надсмотрщика и тюремщика, надоело быть свидетелем мучений несчастных негров, томившихся в трюмах.

С легким сердцем, преисполненный мечтой о великих подвигах, он покидает работорговый бриг. В этот момент он получает известие о том, что стал владельцем имения в Виргинии: земля и дом достались ему по наследству от умершего брата. Это сообщение на время изменяет все его планы, его жизненный курс. Джон Пол плывет в Америку и в двадцать пять лет становится хозяином поместья.

Сменив зеленые луга старой Англии на полудикие леса и прерии Нового Света, он меняет и имя, как бы подчеркивая свой полный разрыв с ненавистным прошлым. Отныне его зовут Джон Пол Джонс, или Пол Джонс.

Родину он покинул без сожаления, скорее с радостью, ибо к тому времени по неизвестной нам причине воспылал ненавистью к британской короне. И действительно ли намеревался Пол Джонс вести добропорядочную и размеренную жизнь фермера. Возможно, вопреки своему характеру искателя приключений он думал, что сможет усидеть на месте, привяжется к земле, как был привязан к ней его отец.

Очень скоро, однако, он понял, что такая жизнь не по нему. Тем более, что вокруг бушевали политические страсти, колонисты готовились открыто выступить против английского господства. В законодательном собрании Виргинии, заседавшем в Джеймстауне, все отчетливее звучали свободолюбивые речи, и громче всех голос Томаса Джефферсона — впоследствии автора Декларации независимости и друга нашего героя.

В этой бурной политической атмосфере, в обстановке пламенных речей о свободе трудно было оставаться в стороне. И когда патриоты бросили клич вступать в добровольческие отряды. Пол Джонс, ненавидевший Англию, с готовностью оставляет уединенное и спокойное существование в поместье и выбирает полную лишений, тревог и опасностей жизнь солдата.

Англичанин по рождению, он становится участником вооруженной борьбы американцев за независимость против англичан. Его имя следует поставить в

один ряд с именами героев освободительной войны колонистов Северной Америки — представителями чуть ли не всех европейских наций: французом Лафайетом и поляком Костюшко, англичанином Томасом Пейном и немцем Штейбеном, русским Федором Каржавиным и эстляндцем Веттером фон Розенталем...

Когда открытая борьба против англичан стала фактом, Континентальный конгресс принял свой первый акт от 15 июня 1775 года — о создании регулярных вооруженных сил и назначении Дж. Вашингтона главнокомандующим. Но если с сухопутной армией дело обстояло сравнительно неплохо и на первых порах войска колонистов одерживали одну победу за другой, то война на море складывалась далеко не в пользу американцев. Сказывалось отсутствие регулярного флота. А без сильных и хорошо оснащенных военных кораблей трудно было победить «владычицу морей». Между тем английские суда чувствовали себя весьма вольно в прибрежных водах, активно помогали своим войскам на суше, угрожали блокадой гаваней. Вот почему срочно требовалось обеспечить защиту Американского побережья.

Осенью 1775 года Конгресс выделил сто тысяч долларов на снаряжение судов. А вскоре еще пятьсот тысяч на строительство тринадцати кораблей. Тогда же, естественно, возник и вопрос о подборе способных моряков, которые могли бы успешно служить на флоте и командовать кораблями. Едва ли не тотчас предложил свои услуги и Пол Джонс. Его назначают первым лейтенантом на «Алфред» — в прошлом торговое судно «Черный принц», приспособленное к ведению военных действий, для чего на нем установили тридцать орудий.

Задача, поставленная перед капитаном и командой, заключалась в том, чтобы нападать на транспорт англичан в открытом море, содействовать сухопутной армии, перебрасывать войска, добывать боеприпасы. Но прежде чем выйти в море, надо было поднять на «Алфреде» флаг свободных колоний. Этой чести и был удостоен Пол Джонс.

Уже в первых боях доброволец Пол Джонс показал себя бесстрашным и искусным моряком. Повышение по службе не заставило себя ждать. Ему доверили небольшой шлюп «Провидение» с 12 орудиями на борту. Так сбылась мечта сына садовника — подняться на капитанский мостик. Теперь все зависело от него самого. И Пол Джонс, поступки которого в значительной мере

определялись его честолубием, произносит как клятву: «большому кораблю — большое плавание» — слова, вычитанные им в популярном тогда «Альманахе бедного Ричарда», издаваемом одним из вождей американской революции Б. Франклином.

Случай отличиться, как и следовало ожидать, скоро представился. Пол Джонс получил приказ направиться к Бермудским островам. Легкий, маневренный шлюп чувствовал себя среди волн, как рыба в воде. Внезапно появлялся перед неприятелем, зачастую значительно превосходящим его по огневой мощи, шел на абордаж, а когда требовалось, бросался наутек и легко уходил от погони.

Ровно через месяц с борта «Провидения» поступило первое донесение. В реляции о плавании Пол Джонс сообщил о захваченных и уничтоженных им кораблях противника — всего более тридцати.

Вернулся Пол Джонс в октябре, и его сразу же бросили на самый трудный участок боевых действий. Ему надлежало доставить боеприпасы и провиант повстанческим отрядам Вашингтона, блокированным в Нью-Йорке. Место это в устье реки Гудзон считалось удобным для обороны — городок, расположенный на острове, был как бы природной крепостью. Англичане надеялись задушить с помощью плотного кольца блокады защитников города.

Прорваться сквозь заслоны английских фрегатов казалось невероятным чудом. И это чудо совершил Пол Джонс. Ему удалось в тумане и темноте под самым носом английских кораблей провести свое судно в нью-йоркскую гавань. Для этого недостаточно было одной лишь храбрости и отваги, требовалось еще и высокое лоцманское искусство, чтобы так хорошо ориентироваться в темноте и при непогоде. Пол Джонс продемонстрировал мастерство идеального лоцмана.

Операция по прорыву блокады принесла Полу Джонсу заслуженную славу и чин капитана американского флота. И хотя численность его все еще была невелика, молодые и энергичные моряки, сражавшиеся под флагом новой республики, непрестанно давали англичанам почувствовать свою силу. Шутка сказать, за два года ими было захвачено и потоплено почти восемьсот кораблей противника.

С этого времени особенно явственно стал проявляться строптивый и неуживчивый характер «шотландского искателя приключений», его высокомерие

и заносчивость, подчас нежелание подчиняться вышестоящим командирам. Это граничило с нарушением воинского устава, но всеобщему любимцу пока что великодушно прощали его капризный нрав. Однако не всем приходились по душе эти качества прославленного моряка. Его самовольные поступки скорее походили на партизанские вылазки, чем на действия капитана регулярного военного флота.

И хотя авторитет у Джонса был немалый, а его преданность делу патриотов вне всяких подозрений, от него все же, видимо, на время решили избавиться. Но просто уволить из флота не могли, да в этом, видимо, и не было такой уж необходимости. Проще, казалось, удалить его от американских берегов.

И вот 1 ноября 1777 года Пол Джонс на корвете «Скиталец» отплывает во Францию. Какова цель плавания? Его посылают под предлогом принять построенный в Голландии для американского флота фрегат «Индеец». Это, так сказать, полукоммерческое-полувоенное поручение. Есть еще одно задание, которое он должен выполнить. Ему доверяют важные бумаги, которые следует передать американскому послу в Париже Б. Франклину.

Захватив по пути несколько вражеских судов, то есть действуя как корсар, Пол Джонс в декабре бросил якорь в гавани Бреста. На берег он сошел под ликующие возгласы, ибо слава его достигла и берегов Европы.

Твердой походкой бывалого матроса Джонс направился к карете. Публика заметила, что он был невысок ростом, гибок телом и смугл лицом, что свидетельствовало о долгом пребывании под ветром и солнцем. Удивил всех наряд прибывшего. На нем было простое партикулярное платье, несколько, правда, изысканное для грубого морского волка. А «в его сумрачных властных глазах таилось пламенное упорство, граничащее с одержимостью», — заметил Г. Мелвилл, рисуя портрет прославленного моряка в своем романе «Израиль Поттер».

Нельзя было не обратить внимания на его необычайное лицо — оно «дышало горделивым дружелюбием и презрительной замкнутостью». И всем показалось, что этот моряк «принадлежал к тем, кто ищет опасностей и сам идет им навстречу».

Когда Джонс прибыл в Париж, его ждали нерадостные вести. Оказалось, что корабль, за которым, собственно, его и послали, передан американским правительством своему союзнику — Франции. А ему, Полу Джонсу,

предписывалось ждать новых указаний. Сидеть без дела в то время, когда шла ожесточенная война! И он вернулся в Брест. К этому моменту был заключен франко-американский союз. Французские корабли 13 февраля 1778 года отдали салют «Скитальцу» — первый салют в честь флага новой республики в европейских водах.

Рейд к берегам Альбиона

Наступила весна. Пол Джонс не терял времени. Он изучал французскую морскую тактику, пристально следил за сообщениями о военных операциях, анализировал действия английского флота и составил полный список всех его судов с указанием их боевой мощи и даже характеристиками капитанов.

Делал все это он, однако, не ради удовольствия. Пол Джонс готовился к новым сражениям с англичанами, и сведения о противнике, естественно, должны были способствовать его успеху. И такой день наступил.

Вечером 10 апреля, когда стемнело, корвет «Скиталец» — «слабый, гнилой, с медленным ходом», как справедливо охарактеризовал это судно Б. Франклин, на всех парусах вышел в море. На борту его находилось сто тридцать человек команды. Вооружение — восемнадцать орудий старого образца — было приобретено на собственные деньги капитана. Только безумец или очень отчаянный человек посмел бы с такими средствами в одиночку сразиться с могучим английским флотом. Этим отчаянным смельчаком был Пол Джонс.

Куда взял курс «Скиталец»? Через Атлантику в сторону Америки? Ничуть не бывало. Капитан скомандовал: на север, к берегам Англии! Так начался знаменитый победоносный рейд Пола Джонса в европейских водах.

«Скиталец» был замаскирован под торговое судно, на его мачте развевался британский флаг. Но стоило ему повстречать английский корабль, как он ошестинивался, словно разъяренный пес, осыпая градом ядер не успевшего прийти в себя противника.

На исходе двенадцатого дня плавания «Скиталец» появился на рейде Уайтхэвена. Это был тот самый порт, откуда Пол Джонс впервые отправился в Америку. Что привело его именно в этот городок? Случайность или воспоминания о прошлых обидах, которые приходилось сносить от

соотечественников?

Точно ответить на это трудно. Но несомненно, что по какой-то причине, оставшейся неизвестной, именно здесь решил Пол Джонс преподать англичанам урок.

На рассвете капитан с тридцатью добровольцами на шлюпках вошел в порт, где скопилось более ста небольших судов, главным образом угольщиков. Быстро и бесшумно связали часовых, охранявших форт, заклепали орудия. Затем подожгли несколько кораблей и обрубил у них якорные канаты. Только тогда в гавани прозвучал сигнал тревоги. Но было уже поздно. На охваченных огнем судах начали рваться бочки с порохом, пламя перебросилось на соседние корабли, и скоро весь порт превратился в сплошной пылающий костер.

Между тем смельчаки без потерь вернулись на борт «Скитальца». В донесении о результатах этого набега Пол Джонс писал: «Я сжег английские суда в отместку за весь тот вред, который англичане нанесли американскому флоту». При этом капитан «Скитальца» с удовлетворением отмечал, что дело обошлось без жертв с обеих сторон.

Покинув пылающий порт, Пол Джонс устремился дальше на север, решив посетить места, где когда-то родился. Однако влекло его сюда отнюдь не сентиментальное, а чисто практические цели. Он рассчитывал высадить десант на острове Сент-Мэри, где находилось поместье графа Селькирка, у которого некогда служил его отец, продвинуться в глубь территории и захватить в плен графа. После чего предполагал обменять этого знатного вельможу на американских пленных моряков.

Все произошло так, как и предполагал Пол Джонс. За исключением одного — граф, по счастливой для него случайности, оказался в отъезде. В замке находились лишь его супруга и несколько слуг. Но воевать с женщинами было не в правилах отважного морехода. Так и пришлось ему ни с чем покинуть поместье, удовлетворившись тем, что побывал в некогда знакомых местах.

Впрочем, моряки, участвовавшие в рейде, вернулись в отличие от своего командира не с пустыми руками. «Случайно» они прихватили в качестве «трофеев» фамильное серебро Селькирков. Узнав об этом, Пол Джонс наказал виновных, а графине послал письмо, извиняясь за действия своих подчиненных и обещая вернуть украденное, что и было им исполнено.

После столь дерзкого налета англичан охватила паника, особенно в прибрежных районах. Никто не гарантировал, что завтра этот злодей не объявится на пороге и их дома. Газеты называли его не иначе как изменником, кровожадным корсаром и грозили виселицей.

Тем временем «Скиталец» продолжал крейсировать вдоль побережья, выжидая добычу. Она предстала перед американцами в конце апреля в виде «Дрейка» — двадцатипушечного фрегата английского королевского флота. Самоуверенный англичанин никак не ожидал, что «Скиталец» посмеет атаковать его. А между тем случилось именно так. Невзрачный и мало боеспособный американский корвет, словно кондор, ринулся на грозного противника. Больше часа длился упорный бой, после чего английский фрегат спустил флаг.

Несколькими днями позже на рейде французского порта Лориан показался «Скиталец» с английским фрегатом на буксире.

Во время своего похода к берегам Британии Пол Джонс нанес англичанам немалый материальный ущерб, но куда значительно больше был ущерб моральный. Как заметил впоследствии писатель и историк американского флота Самюэл Элиот Морисон, «никто не причинял англичанам подобного урона».

Победы Пола Джонса выглядели тем значительнее, что в других местах американские корабли действовали не столь успешно. Напротив, они терпели поражения, теряли капитанов.

К этому времени французы делают предложение Полу Джонсу перейти к ним на службу. Моряк, не привыкший спускать с мачты флаг, поднятый его рукой, отклоняет предложение, но изъявляет горячее желание продолжать сражаться с англичанами у их собственных берегов. Тогда ему поручают сформировать франко-американскую эскадру из четырех кораблей и отправиться во главе их к Английскому побережью.

В начале августа 1779 года четверка небольших кораблей разного класса вышла в море во главе с флагманом под названием «Бедный Ричард». Это было старое французское коммерческое судно «Дюра», наспех перестроенное, а заодно и переименованное. Причем в несколько странном названии содержался определенный смысл. Корабль был поименован в честь Бенджамина Франклина, который в своем знаменитом «Альманахе», расходившемся невиданным по тем временам тиражом — десять тысяч экземпляров в год, вел повествование от

имени «Бедного Ричарда», человека мудрого, скромного, но лукавого. Назвав столь популярным именем литературного героя свой корабль, Пол Джонс тем самым намекал на то, что судно как бы представляет простых его соотечественников, которые умеют, когда надо, постоять за себя.

Кроме сорокапушечного «Бедного Ричарда», в эскадру входили фрегаты «Союз» (36 орудий) и «Паллада» (32 орудия), а также бригантина «Месть» (12 орудий).

Следует заметить, что «Союзом» командовал капитан Пьер Ланде, француз (как и командиры остальных двух судов), недовольный тем, что ему приходится служить под начальством какого-то американца.

Эскадра обогнула Англию и двинулась к мысу Фламборо-Хед, сея панику среди прибрежных жителей и английских капитанов.

23 сентября после полудня море было спокойно, дул легкий юго-западный ветер.

— Парус! Прямо по носу фрегат, сэр! — раздался, словно с небес, голос вахтенного. И тотчас вслед за этим прозвучал резкий свисток боцманской дудки: все наверх. «Бедный Ричард» развернулся и направился к окутанному облаком парусов величественному фрегату.

Это был пятидесятипушечный «Серапис» — линейное военное судно новейшей конструкции с экипажем триста с лишним человек. Как писал Пол Джонс в письме к Б. Франклину, «он никогда в жизни не видел такого славного корабля». Вскоре показался и второй корабль неприятеля — сторожевой шлюп «Графиня Скарборо» с двадцатью орудиями на борту.

Битва, которая произошла вечером этого дня, считается самым впечатляющим эпизодом войны на море в годы борьбы американцев за независимость. Эта битва, по словам Г. Мелвилла, — самый необычный бой во всей морской истории, стала величайшим подвигом Пола Джонса. Описание этого сражения встречается у многих американских авторов, немало блестящих страниц отвел ему, как уже упоминалось, Г. Мелвилл в романе «Израиль Поттер».

Значительное место уделит этой битве и С.-Э. Морисон в своей книге «Джон Пол Джонс: биография моряка». Эта работа, созданная на основе изучения источников, в подробностях передает события жизни отважного морехода. Но автор книги не ограничился только знакомством с документами и

воспоминаниями. Он совершил плавание по следам своего героя. Побывал в Вест-Индии, прошел вдоль восточного побережья США, где во времена Войны за независимость происходили ожесточенные морские сражения, повторил путь Пола Джонса у английских берегов.

Итак, 23 сентября 1779 года. Место действия: восточное побережье Англии, близ мыса фламборо-Хед, меловые скалы которого высотой более ста пятидесяти метров круто обрываются в море.

Капитан «Сераписа» Ричард Пирсон, задача которого состояла в том, чтобы охранять транспорт из сорока торговых судов, вскоре после полудня заметил четыре вражеских корабля. Несмотря на численное превосходство противника, он принял решение вступить в бой.

На «Бедном Ричарде» тоже готовились к атаке. Канониры, матросы и офицеры заняли свои места, судовые барабанщики забили боевую тревогу. На носу и на грот-мачте появился условный сигнал — синий вымпел: «Принять боевой порядок». Но тут произошло нечто странное. Корабли эскадры Пола Джонса, казалось, не заметили приказа. Больше того, они оставались без движения, явно предпочитая держаться подальше и издали наблюдать предстоящий бой, обрекая тем самым «Бедного Ричарда» сражаться с противником в одиночку.

Коммодору Джонсу (незадолго до этого он был удостоен этого звания командующего флотом) ничего не оставалось, как атаковать.

Когда противники оказались на расстоянии пистолетного выстрела, амбразуры орудийных портов с грохотом отворились, и корабли приняли грозный вид. Но судно Джонса в целях маскировки шло под английским флагом, и капитан «Сераписа» потребовал подтверждения принадлежности корабля королевскому флоту. Вместо ответа на «Бедном Ричарде» спустили британский флаг и подняли американский. В тот же миг орудия его правого борта открыли огонь по «Серапису». Тот не заставил ждать с ответом. Последовал залп из всех двух рядов его пушек.

Первые минуты боя сложились неудачно для капитана «Бедного Ричарда». Два из его орудий тут же разорвались, при этом погибли и канониры. На борту возник пожар. К тому же после ответного огня «Сераписа» корабль Джонса дал течь. Коммодору стало ясно, что дальнейшая дуэль с фрегатом, превосходящим

его по огневой мощи, может плохо кончиться. Оставалось одно: подойти как можно ближе и взять «Серапис» на абордаж.

Продолжая вести ожесточенный огонь с дистанции тридцать метров, «Бедный Ричард» стал заходить на правый борт противника. Однако попытка взять англичанина на абордаж не удалась. После чего оба корабля начали маневрировать с целью протаранить один другого, срезать нос или ударить в корму. Задача Пола Джонса по-прежнему состояла в том, чтобы не дать возможности «Серапису» использовать свое превосходство в огневой мощи. С этой целью «Бедный Ричард» пошел наперерез «Серапису», намереваясь дать залп по британскому фрегату.

«Маневр прошел не совсем так, как мне хотелось», — признается Пол Джонс в своих воспоминаниях. Корабли столкнулись. «Ветер, продолжавший наполнять паруса обоих кораблей, развернул их, и они сошлись бортами — нос к корме и корма к носу — по оси север — юг, — пишет С.-Э. Морисон в своей книге. — Лапа якоря, висевшего на правом борту «Сераписа», скрепила эти роковые узы, зацепившись за правый фальшборт «Бедного Ричарда», надводные борта кораблей оказались так тесно прижатыми, что дула пушек уперлись друг в друга».

Непредвиденная ситуация, когда оба судна попали в клинч, оказалась на руку Полу Джонсу. По его приказу матросы начали бросать на борт противника «кошки» и крючья, готовясь к абордажу. Только ближний бой мог принести победу. Понимал это и капитан «Сераписа» и предпринимал всяческие попытки оторваться. Однако в результате корабли сцепились еще крепче.

К этому моменту над морем появилась луна, осветив место боя. И скопившиеся на мысе Фламборо-Хед зрители из местных жителей могли наблюдать удивительную и странную картину сражения. Она стала еще более эффектной, когда загорелись паруса обоих кораблей. Командирам пришлось на время забыть друг о друге и броситься на борьбу с огнем. Когда пожар потушили, бой возобновился с прежним ожесточением. В какой-то момент показалось, что «Бедный Ричард» не выдержал и готов спустить флаг. Капитан Пирсон поспешил убедиться в этом. Сквозь грохот боя он прокричал: «Вы сдаетесь?» На что последовал знаменитый ответ Пола Джонса: «Я еще и не начинал драться!»

Гул вспыхнувшего с новой яростью сражения перекрывал рокот моря.

Орудия «Бедного Ричарда» почти все молчали — большую часть их вывел из строя ураганный и меткий огонь пушек «Сераписа». Продолжали стрелять лишь несколько девятифунтовых небольших пушек. Возле одной из них можно было видеть и самого Пола Джонса.

Тем временем его стрелки, засевшие на мачтах, метким огнем принудили канониров «Сераписа», которые вели огонь из легких пушек на юте, и всех, кто был наверху, спрятаться под палубу. Зато пушки, находившиеся здесь, беспрестанно посылали ядра, разбивая в щепки черный борт «Бедного Ричарда».

Но сбить снасти, а главное — мачты и реи американского корабля и тем самым освободиться от клинча англичанам не удавалось. Этим и воспользовались матросы Пола Джонса. Перебравшись по реям на верхушки вражеских мачт, они открыли огонь из мушкетов и пистолетов по палубе «Сераписа», забрасывали судно горючим материалом, а один находчивый матрос, связав несколько ручных гранат, умудрился зашвырнуть их через люк на батарейную палубу. От взрыва гранат и находившихся рядом с орудиями зарядов погибли двадцать человек и многие были обожжены. Этот взрыв вновь уравнил шансы, когда победа уже начинала клониться на сторону «Сераписа».

Что же делали в это время остальные корабли эскадры? Почему не шли на помощь?

Моряки бригантины «Месть», явно забыв о грозном названии своего судна, предпочли держаться в стороне, не решаясь приблизиться. «Паллада» вступила в бой с «Графиней Скарборо», и та в конце концов спустила флаг. Что касается «Союза» и его капитана Ланде, то он повел себя, как поначалу показалось, более чем странно. Этот капитан, заслуживший глубокое презрение и неприязнь тех, с кем он плавал, и который отказывал Полу Джонсу в повиновении, внезапно оказался рядом. Пол Джонс вздохнул с облегчением: наконец-то объявился хоть один из его кораблей, теперь битва будет выиграна. Но вместо того, чтобы поддержать «Бедного Ричарда» в трудные минуты, «Союз» дал по нему бортовой залп, нанеся изрядный урон. Все решили, что из-за дыма Ланде не разобрал, где свои, а где враги. Но когда столь же неожиданно последовали еще два его залпа, стало ясно, что Ланде либо обезумел, либо его действия преднамеренны. Впоследствии подтвердилось последнее. Завистливый французский капитан намеревался, потопив «Бедного Ричарда», захватить

английский фрегат и ценой предательства выйти из боя победителем. Между тем положение судна Пола Джонса становилось все более критическим. На его израненном теле было столько пробоин, причем многие приходились ниже ватерлинии, что он начал медленно погружаться. Сам капитан попеременно то занимал место убитого у пушки канонира, то боролся вместе со всеми с пожаром, стрелял из мушкета, а главное — подавал пример своей нестигаемой волей к победе.

Он «метался по всему кораблю, — так описывает его в своем романе Г. Мелвилл, — подобный огню святого Эльма, пляшущему в бурю то тут, то там на кончиках реев и мачт». Раззолоченный рукав его парижского кафтана повис лохмотьями, открыв всем взорам синюю татуировку, и эта рука, поднятая в яростном жесте среди клубов порохового дыма, сеяла суеверный ужас... Рука эта не дрогнула и тогда, когда паника охватила моряков. Это случилось после яростных залпов «Сераписа», когда была снесена мачта, а вместо парусов остались одни тряпки.

Казалось, что продолжение боя равносильно смерти. Один из младших офицеров, охваченный ужасом, начал молить о пощаде, тогда коммодор выхватил из-за пояса пистолет и уложил паникера на месте. Только неукротимость духа Пола Джонса, мужество его матросов и меткая стрельба тех, кто засел на мачтах, помогли выстоять «Бедному Ричарду» в этом многочасовом ожесточенном бою.

К исходу третьего часа сражения положение «Бедного Ричарда» действительно казалось безнадежным всем, кроме его капитана.

На судне полыхал пожар, в трюме стояла вода на полметра, противник не прекращал яростного огня. Любой на месте капитана спустил бы флаг, но не таков был Пол Джонс, не в его правилах было отступать. В этот момент с борта «Сераписа» вновь донеслись слова: «Вы сдаетесь?» На что Пол Джонс прокричал изо всех сил: «Не сдаюсь, а даю сдачи!»

И он выиграл эту битву. В половине одиннадцатого Пол Джонс дал двойной залп по грот-мачте «Сераписа», и она рухнула, вызвав полное замешательство в рядах противника. Капитан Пирсон не выдержал и решил спустить флаг. После чего с галантностью истинного джентльмена передал свою шпагу победителю. Оба они спустились в каюту Пола Джонса, чтобы выпить здесь по стакану вина, как того требовал тогдашний военный этикет.

Надо думать, что в этот момент капитаны помянули погибших в этой жестокой битве: их насчитывалось около половины всех участников боя с той и другой стороны. И может быть, именно тогда Пол Джонс произнес свои известные слова о том, что «человечество не может не испытывать отвращения и не сокрушаться при виде тех гнусных последствий, к которым приводит война». Эти слова прославленного флотоводца дали основание С.-Э. Морисону заявить, что «Пол Джонс любил сражаться, но ненавидел войну».

К концу боя «Бедный Ричард» был в жалком состоянии. Вода в трюмах все прибывала. На палубе не было живого места. Рангоут и такелаж, иначе говоря — мачты, стеньги, реи и т. д., все паруса и снасти были уничтожены, руль сорван, кормовая часть палубы с минуты на минуту могла рухнуть. По-прежнему на борту бушевал огонь. Но теперь с ним никто уже не боролся. Остаться на таком судне, походившем на скелет, было опасно.

Пол Джонс с остатками команды перешел на «Серапис». А «Бедный Ричард» покачнулся, показалось, будто он тяжело вздохнул, накренился на левый борт и скрылся под водой, сопровождаемый, как погибший герой, пушечным салютом, прозвучавшим с «Сераписа».

На захваченных кораблях Пол Джонс решил идти в Голландию. Надо было починить потрепанные суда, да и многие матросы, в том числе и сам коммодор, были ранены и нуждались в лечении.

Голландцы разрешили войти в порт, но воспротивились тому, чтобы на захваченных английских кораблях развевался американский флаг. У нейтральной Голландии еще не было дипломатических отношений с Америкой. Поэтому Полу Джонсу предложили или поднять на трофейных судах французский флаг, или отправить их в США. Он отверг и то и другое предложения и поступил по-своему: оба корабля послал в подарок французскому королю.

Победа Пола Джонса и его щедрый дар произвели в Париже настоящую сенсацию. По словам Б. Франклина, в продолжение нескольких дней во французской столице ни о чем другом не говорили, как о подвиге, храбрости и необычном подарке американского капитана.

Когда же три месяца спустя в Париж явился и сам герой, его встретили с триумфом, какого удостаивали лишь великих полководцев. Сам монарх Людовик XVI соизволил принять коммодора в королевском дворце, наградил его орденом и

вручил шпагу с золотым эфесом. В тот же день, сверкая новеньким орденом на мундире, при шпаге. Пол Джонс посетил оперу, где был приглашен в ложу королевы. Под гром рукоплескающего зала его увенчали лавровым венком, как римского триумфатора. И герою Фламборо-Хед показалось, что он достиг высшей чести и славы, всего, о чем мечтал, к чему был далеко не равнодушен.

Не забыли отметить заслуги коммодора и на его второй родине. В честь Пола Джонса выбили золотую медаль. Кроме того. Конгресс постановил выразить ему от имени народа благодарность за то, что он поддержал честь американского флага.

На корабле «Ариэль» Пол Джонс вернулся в Америку. Его назначили старшим офицером флота и поручили наблюдать за строительством первого линейного корабля, флагмана флота «Америка».

Моряк, назначенный капитаном на этот корабль, стал бы и командующим всеми военными силами страны. И воображение Пола Джонса рисовало ему волнующие картины, как под орудийный салют и бой барабанов он поднимется на мостик флагмана в новеньком адмиральском мундире. Но судьба распорядилась по-иному. К тому времени, когда фрегат «Америка» сошел со стапелей и закачался на плаву, Англия признала независимость своих бывших колоний в Северной Америке. Был заключен мир, многолетняя война закончилась. Конгресс постановил распустить военный флот, а фрегат «Америка» передать своему французскому союзнику, как бы в компенсацию за сепаратный мир, заключенный с Англией.

Вместе с построенным, можно сказать, его руками кораблем, с которым Пол Джонс связывал столько надежд, флотоводец, оставшийся без флота, покинул свою вторую родину. Он рассчитывал, что во Франции, где еще недавно ему воздавали поистине королевские почести, для него хватит дела. И вновь его надежды не оправдались.

Пока «Америка» пересекала океан, был подписан янгло-французский договор о мире и военному моряку вежливо предложили переменить местопребывание, дабы не смущать англичан, по-прежнему считавших Пола Джонса пиратом и не желавших забывать прошлого.

Что было делать прославленному мореходу? Имение продано, деньги израсходованы, возвращение на старую родину, в Англию, заказано. В этот

трудный момент он узнает, что в русский флот набирают опытных иностранных моряков. Что ж, рассуждает он, служил двум, послужу и третьему.

На службе в России

Когда небольшой бот, предназначенный для коротких морских прогулок, покинул копенгагенский порт, малочисленная команда не подозревала, что ей предстоит утомительный и опасный переход.

Нанявший судно незнакомец, хорошо заплатив, желал, как он объявил, лишь подышать воздухом в открытом море. Вскоре, однако, погода испортилась. Владелец бота предложил вернуться. Тогда, к удивлению всех, незнакомец, а это был не кто иной, как Пол Джонс, наставил на рулевого пистолет и приказал держать курс дальше в открытое море.

Так под угрозой, после четырехдневного плавания угловое суденышко пересекло Балтийское море и бросило якорь в порту Выборга. Поль Джонс вышел на русский берег. Отсюда добрался до Ревеля, а дальше по суше проследовал в Петербург.

Переход его на русскую службу был совершен с согласия Т. Джефферсона, тогдашнего американского посла в Париже и старого друга Пола Джонса, и по договоренности с русским посланником И. М. Симолиным.

Тотчас по прибытии в столицу, где его именовали Паул Жонес, он был зачислен на русскую службу сначала «в чине флота капитана ранга генерал-майорского», а спустя некоторое время указом Екатерины II, удостоившей его аудиенции, был определен контр-адмиралом в Черноморский флот.

Таким образом, лишь в России Пол Джонс получил звание, о котором давно мечтал. И вообще, в русской столице его встретили как нельзя лучше. Ему оказывали всяческие любезности. Когда сама императрица приняла знаменитого моряка, тот преподнес ей новую Американскую конституцию, не задумываясь о том, какое это может произвести впечатление на царскую особу.

Самодержавная царица не выразила своего недовольства таким подарком, напротив, разыграв эдакую либералку, выказала интерес к новому строю, окончательно пленив доверчивого моряка. Сам того не заметив, Пол Джонс начал расточать комплименты августейшей особе и из защитника свободы

и равенства на некоторое время превратился в почитателя деспота. После столь явной монаршей милости к иностранцу весь светский Петербург, как писал Пол Джонс Лафайету, добивался его внимания, «подъезд осаждали кареты, а стол был завален приглашениями».

Пребыванию Пола Джонса в России посвящен ряд материалов зарубежных и отечественных авторов. У нас об этом писали не раз. Помимо отрывочных сведений, встречающихся в переписке той эпохи, в мемуарах и дневниках, в книгах по истории русского флота, о Поле Джонсе был напечатан биографический очерк Н. Боева в «Русском вестнике» за 1878 год, а в 1895 году в журнале «Исторические записки» появился еще один материал — В. А. Тимирязева о службе Пола Джонса в русском флоте. В наши дни, в 1976 году, было опубликовано исследование Н. Н. Болховитинова «Пол Джонс в России», где на основе новых архивных и прочих данных вновь освещается этот период жизни моряка. В 1980 году в книге «Россия и США. Становление отношений. 1765—1815» опубликованы документы о пребывании Пола Джонса в России, его донесения и письма.

Как сложилась судьба Пола Джонса в России? Назначив новоиспеченного контр-адмирала в действующий флот, Екатерина II писала своему любимцу, главнокомандующему Г. А. Потемкину, в чье распоряжение направлялся иностранный моряк: «Друг мой, князь Григорий Александрович, в американской войне именитый английский подданный, Паул Жонес, который, служа американским колониям, с весьма малыми силами сделался самим англичанам страшным, ныне желает войти в мою службу. Я, ни минуты не мешкав, приказала его принять и велю ему ехать прямо к вам, не теряя времени; сей человек весьма способен в неприятеле умножать страх и трепет; его имя, чаю, вам известно; когда он к вам приедет, то вы сами лучше разберите, таков ли он, как об нем слух повсюду. Спешу тебе о сем сказать, понеже знаю, что тебе не бесприятно будет иметь одной мордашкой более на Черном море».

С прибытием такого опытного и отважного моряка, которого она называла мордашкой, то есть собакой особой породы с мертвой хваткой (такова была кличка иностранных моряков), Екатерина II связывала многие надежды, писала, что «он нам нужен».

Однако столь блистательное начало карьеры Пола Джонса в России уже в

зародыше таило печальный конец.

Главным его противником стал английский посол в Петербурге. Используя свое влияние на некоторых придворных, он старался через них всячески очернить нового контр-адмирала. Пока что, однако, особого успеха его усилия не имели.

Тем временем Пол Джонс, прибывший к месту назначения, поднял свой контр-адмиральный флаг на корабле «Владимир» в Днепровском лимане.

Командующим в этом районе был контр-адмирал Нассау-Зиген. Непосредственно ему подчинялась гребная флотилия. Пол Джонс руководил парусной эскадрой из одиннадцати судов. Вскоре новому капитану представился случай показать себя в деле.

Под Очаковом в июне 1788 года турецкий флот потерпел жестокое поражение. Немалую роль в разгроме неприятеля сыграли и пушки А. В. Суворова, установленные на Кинбурнской косе, метко поражавшие турецкие корабли пытавшиеся вырваться в открытое море.

Так скрестились пути Пола Джонса и А. В. Суворова, командовавшего сухопутными войсками в этом районе. Накануне боя они встретились, по выражению Суворова, «как столетние знакомцы». Видимо, американский моряк чем-то импонировал русскому воину, иначе он, обычно столь осторожный, не стал бы предупреждать Пола Джонса о том, что война связана не только с риском смерти, но и с несправедливостью.

К сожалению, самоуверенный Пол Джонс не внял совету и в дальнейшем действовал отнюдь не как дипломат. А между тем ему стоило прислушаться к словам Суворова. И кто знает, если бы он сделал это, может быть, его судьба сложилась бы иначе. Во всяком случае, у него не было оснований быть недовольным А. В. Суворовым. Напротив, он говорил о нем с восторгом: «Это был один из немногих людей, встреченных мною, — писал он в своих воспоминаниях, — который всегда казался мне сегодня интереснее, чем вчера, и в котором завтра я рассчитывал — и не напрасно — открыть для себя новые, еще более восхитительные свойства. Он неописуемо храбр, безгранично великодушен, обладает сверхчеловеческим умением проникать в суть вещей под маской напускной грубоватости и чудачеств. Я полагаю, что в его лице Россия обладает сейчас величайшим воином, какого ей дано когда-нибудь иметь. Он не только первый генерал России, но, пожалуй, наделен всем необходимым, чтобы

считаться и первым в Европе».

Согласитесь, характеристика поистине мудрая и прозорливая. Опытный воин и беспристрастный судья, Пол Джонс сумел разглядеть и оценить чуть ли не одним из первых гений Суворова.

Скоро Пол Джонс начал убеждаться в правоте слов о несправедливости. Началось с того, что решающую роль в победе под Очаковым приписывали гребной флотилии Нассау-Зигена. Но это же ложь, протестовал наивный Пол Джонс, и пытался доказать, что основная заслуга в разгроме турецкого флота принадлежит его парусной эскадре. Как бы то ни было, он считал себя обойденным, возмущался несправедливостью, жестоко страдал от уязвленного самолюбия.

Кончилось тем, что непокорный Пол Джонс, не привыкший подчиняться, отказался салютовать новому вице-адмиральскому флагу Нассау-Зигена, повышенному за победу в чине. Ему же, Полу Джон-су, пожаловали всего лишь орден Св. Анны. На мундире прибавился еще один знак отличия, но удивить этим бывалого моряка было трудно. Как сказал первый американский поэт Филипп Френо, воспевавший победу Пол Джонса, «и шрамы на груди так и остались его единственным орденом».

Сохранился вполне беспристрастный рассказ о том, что Пол Джонс и здесь, в России, оставался тем же, кем он был у английских берегов. Рассказ этот был записан со слов старого запорожского казака Ивака, участника баталии с турками, которому иноземец контр-адмирал подарил на память кинжал с надписью: «От Пола Джонса запорожцу Иваку».

Так вот этот Ивак вспоминал, как накануне сражения Пол Джонс с переводчиком явился ночью к запорожцам, поужинал с ними, угостил водкой, слушал их грустные песни и будто бы даже прослезился. Потом он выбрал лодку, приказал обернуть тряпками весла, встал на руль и с тремя казаками отправился прямо к турецким кораблям. По дороге их окликнули со сторожевого баркаса, в ответ казак прокричал, что они везут соль туркам, и их пропустили. После чего Пол Джонс осмотрел все вражеские суда и на одном из них мелом по-английски написал: «Сжечь, Пол Джонс». И на следующий день, во время боя, действительно сжег одним из первых именно это судно.

Надо сказать, что Полу Джонсу не по душе были разного рода иноземцы-

авантюристы, служившие на русском флоте, с которыми он не ладил, но ему понравились русские моряки, как офицеры, так и матросы.

Невзлюбил он и заносчивого вице-адмирала Нассау-Зигена. Отношения их все больше приобретали характер конфликта. Никак не мог поладить недовольный американец и с самим Г. А. Потемкиным. В «крайне возбужденном состоянии» он написал светлейшему князю письмо, жалуясь и выговаривая за обиды и несправедливость. Тот счел за лучшее избавиться от беспокойного американца. Под благовидным предлогом Пола Джонса отправили в Петербург.

Здесь его снова приняла императрица, благодарила за «пыл и усердие», проявленные на службе, но назначения он никакого не получил. Правда, пока что его еще принимали при дворе, несмотря на интриги и наветы англичан, проживавших в русской столице. Они распространяли самые несообразные слухи: будто он был контрабандистом, убийцей собственного племянника и т. д. Впоследствии в своих мемуарах, посмертно изданных в двух томах в Париже в 1798 году, Пол Джонс писал, что в этих интригах была главная причина постигшей его в России неудачи.

Особенно пострадал престиж Пола Джонса из-за следственного дела, начатого против него весной 1789 года. Его обвинили в насилии над несовершеннолетней «девицей Катериной». Что же произошло на самом деле?

Вот как объяснял всю историю сам Пол Джонс французскому посланнику графу Сегюру, единственному, кто навестил его в эту трудную минуту, застав моряка сидящим с заряженным пистолетом в руке.

«Однажды утром, — рассказал Пол Джонс, — пришла ко мне молодая девушка и просила дать ей работу, шить белье или зачинить кружева, при этом она очень неприлично заигрывала со мной; мне стало жаль ее, и я советовал ей не вступать на такое низкое поприще; вместе с тем я дал ей денег и просил уйти. Но она оставалась, и тогда я, выйдя из терпения, повел ее за руку к дверям. В ту минуту, как дверь отворилась, юная негодница разорвала себе рукавчики и косынку, надетую на шею, подняла крик, что я ее обесчестил, и бросилась на шею своей матери, которая ждала ее в передней. Они обе удалились и подали на меня жалобу».

Пол Джонс, видимо, не без оснований полагал, что испортить таким образом его репутацию пытались местные англичане, что это было делом их рук.

При разборе обстоятельств скандала выяснилось, что старуха была никакой не матерью молодой девушки, а известной содержательницей девиц, выдававшей их за своих дочерей. Не были ли она и ее «дочка» подосланы? Точного ответа не существует. Но его не трудно предположить.

Злополучное судебное следствие было прекращено, но враги Пола, Джонса добились своего. Его реабилитация носила формальный характер, мало кто верил в невиновность заезжего моряка. И царское правительство поспешило избавиться от беспокойного гостя. Ему предоставили двухгодичный «отпуск» с оплатой вперед, и в сентябре 1789 года Пол Джонс, контр-адмирал российского флота, навсегда покинул пределы России.

Впрочем, несмотря на то, что карьера его здесь не состоялась и он потерпел неудачу, Поль Джонс до последних дней своей жизни не оставлял мысли вернуться в эту страну и продолжить службу на русском флоте. Этому, как и многим другим его замыслам, не суждено было сбыться. Пол Джонс родился в Шотландии, был английским моряком, воевал на стороне американцев, за что на родине его называли пиратом, служил на русском флоте и умер от водянки в Париже. Было ему всего сорок пять лет. Это случилось 18 июля 1792 года, когда по улицам французской столицы маршировали отряды, уходившие сражаться за Республику. В тот день депутация Национального собрания проводила в последний путь и Пола Джонса, «человека, хорошо послужившего делу свободы».

Русская царица, узнав о том, как почтили память Пола Джонса в Париже, нисколько не удивилась. «Этот Пол Джонс, — с раздражением писала она, — обладал очень вздорным умом и совершенно заслуженно чествовался презренным сбродом».

СОДЕРЖАНИЕ

ПИРАТЫ

Оливье Эксквемелин, или Предупреждение очевидца

Рок Бразилец и другие грабители с Ямайки

Эдвард Тич. Конец Черной Бороды

Бартоломью Робертс. Благочестивый пират

Джон Эйвери. Зять Великого Могола

Джон Сильвер, или Пиастры синерожего Флинта

Шансилау, или Встречи Камоэнса с пиратами

Мадам Вонг, или Пираты наших дней

КАПЕРЫ

Фрэнсис Дрейк. Морской пес королевы

Томас Кавендиш. Охотник за галионами

Генри Морган. Первый на поприще разбоя

Уильям Дампьер. Ученый по призванию,
разбойник по профессии

Вудс Роджерс, или Одиссея Александра Селькирка

Уильям Кидд, или Загадка острова Дуба

ФЛИБУСТЬЕРЫ

Франсуа Олоне. Ужасная смерть грешника

Миссон. Мечтатель вольной Либерталии

Жанна де Бельвиль и другие леди удачи

КОРСАРЫ

Клаус Штертебекер. Гроза Северного моря

Робер Сюркуф. Выкормыш «Осиного гнезда»

Пьер Легран, или Тайна старой мулатки

Пол Джонс. Корсар свободы

Роман Сергеевич Белоусов

РАССКАЗЫ О ПИРАТАХ

Сундук мертвеца

Редактор *И. Поспелова*
Художественный редактор *И. Сулов*
Технический редактор
Корректор *Т. Лебедева*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96.

Сдано в набор 2001.
Подписано в печать 2001.
Формат 84х108/32. Бумага
Гарнитура . Печать офсетная.
Усл. печ. л. Тираж экз.
Изд. № 01-2655-ВМ. Заказ №

Издательство “ОЛМА-ПРЕСС”
129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, ул. Краснопролетарская, 16.